Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 ИЮНЯ 9—10

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 38473. Москва. Тираж 40.000.

Типогр. издат. «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Н. Бухарин.

О новой экономической политике и наших задачах [1]).

Среди рабочего класса и в нашей партии встречаются такие товарищи, которые настроены в отношении крестьянства цеховым образом: какое, мол, дело нам до деревни! Эту манеру рассуждений нужно оставить потому, что ничто сейчас так не вредно, как непонимание того, что наша промышленность зависит от крестьянского рынка.

Социалистическая промышленность зависит от количественных и качественных изменений в крестьянском спросе. Но что значит спрос со стороны крестьянского хозяйства? Спрос со стороны крестьянского хозяйства существует двоякий: спрос потребительский, т.-е. спрос на мануфактуру, ситец и т. д., и спрос производительный, т.-е. спрос на с.-х. орудия, на средства производства всякого рода.

От чего зависит потребительский спрос сельского хозяйства, т.-е. от чего зависит, скажем, количество мануфактуры, которое спрашивает крестьянство? Оно зависит от состояния и темпа развития крестьянского хозяйства.

Платежеспособный спрос крестьянства определяется, прежде всего, состоянием крестьянского хозяйства, его высотой, развитием производительных сил этого хозяйства. Этот спрос будет развиваться в меру того, как будет развиваться и спрос **производительный**, т.-е. постольку, поскольку крестьянство будет улучшать свое хозяйство, двигать его вперед, вводя все большее количество лучших орудий, повышая хозяйственную технику, методы обработки и т. д. и т. д. Отсюда совершенно ясна необходимость процесса **накопления** в крестьянском хозяйстве, чтобы не все проедалось и растрачивалось, а чтобы часть средств шла на покупку сельско-хозяйственных орудий и т. п.

У нас еще до сих пор сохранились известные остатки военно-коммунистических отношений, которые мешают нашему дальней-

[1]) Настоящая стат[illegible] вторую часть доклада, прочитанного 17 апреля на собрании а[illegible]изации.

шему росту. В связи с этим стоит тот факт, что зажиточная верхушка крестьянства и середняк, который стремится тоже стать зажиточным, боятся сейчас накоплять. Создается положение, при котором крестьянин боится поставить себе железную крышу, потому что опасается, что его об'явят кулаком; если он покупает машину, то так, чтобы коммунисты этого не увидели. Высшая техника становится конспиративной. Таким образом зажиточный крестьянин недоволен тем, что мы ему мешаем накоплять, нанимать работников; с другой стороны, деревенская беднота, которая страдает от перенаселения, в свою очередь, ворчит на нас иногда за то, что мы мешаем ей наниматься к этому самому крепкому крестьянину.

Излишняя боязнь наемного труда, боязнь накопления, боязнь прослойки капиталистического крестьянства и т. п. может привести нас к неправильной экономической стратегии в деревне. Мы излишне усердно наступаем на ногу зажиточному крестьянину. Но из-за этого середняк боится улучшать свое хозяйство, подвергаться сильному административному нажиму; а бедняк ворчит на то, что мы мешаем ему применять рабочую силу у богатого крестьянина и т. д.

Мы также ведем очень нажимистую политику в отношении мелкой буржуазии другого порядка—кустарей и ремесленников. Мы берем с них почти половину их продукции, в виде налогового обложения. Когда наша промышленность была слишком слаба, то существовала боязнь, что мелкий производитель подточит крупное социалистическое производство. Характерным моментом современного положения в деревне является то, что в деревне мы имеем массу крестьян, которые фактически нигде не работают, но есть должны; такое же избыточное перенаселение имеется среди кустарей, и вот это избыточное (скрытое и открытое) перенаселение страшно давит на город, усиливая безработицу. Совершенно естественно поэтому, что центр тяжести проблемы безработицы лежит не столько в городах, сколько в аграрном перенаселении.

Ничего смертельного в этих явлениях, конечно, сейчас нет, но это есть огромная гиря на наших ногах, которая мешает нам итти более быстрым темпом вперед. Мы пойдем более быстрым темпом вперед, если внесем целый ряд исправлений в ту систему экономических отношений, которые складываются под влиянием нашей политики.

У нас есть нэп в городе, у нас есть нэп в отношениях между городом и деревней, но у нас почти нет нэпа в самой деревне и в области кустарной промышленности.

Здесь еще в значительной мере процветает политика административного нажима, вместо [illegible]венной борьбы. Чем дальше, тем больше мы буд[illegible] представляет ся в экономической
ктива моск. орган

борьбе не уздой административного нажима, а нашей растущей хозяйственной мощью. Одно дело подойти к частному купцу и закрыть судебным порядком его лавку; другое дело,—если вы его вытесните в хозяйственной борьбе.

Настроение наших товарищей, работающих в деревне, которые воспитывались на системе военного коммунизма, таково, что они самой лучшей хозяйственной политикой считают именно политику снятия крыш за неуплату налога; если появился лавочник,—не выстраивай против него кооператив, не вытесняй в хозяйственной борьбе, а нажми на него, «припечатай» и т. д.

Такие способы и такая система были полезны, когда нужно было прямо хватать за горло и душить кулака, который шел против нас с пулеметом; сейчас же эти методы тормозят хозяйственное развитие. Нам необходимо теперь итти к тому, чтобы уничтожить целый ряд ограничений для зажиточного крестьянства, с одной стороны, и для батраков, которые продают свою рабочую силу, с другой стороны. А борьбу с кулацким хозяйством нужно вести другими путями, другими методами, на других дорожках; новыми методами надо ее вести, и вести энергично, чтобы в результате поворота не получилась, так сказать, ставка на кулака.

В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота; мы должны теперь вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы.

Что получим мы в результате накопления в крестьянском хозяйстве? Накопление в сельском хозяйстве означает растущий спрос на продукцию нашей промышленности. В свою очередь, это вызовет могучий рост нашей промышленности, который окажет благотворное обратное воздействие нашей промышленности на сельское хозяйство.

Совершенно несомненно, что, ведя такую политику, мы должны проявить максимум осторожности. Внутри нашей партии есть такие теченьица, которые имеют несколько кулацкий уклон; люди совершенно правильно ставят проблему, когда говорят, что нужно развязать накопление даже и в зажиточном крестьянском хозяйстве; но они не видят другой стороны этой проблемы, а именно: как же, при таком положении вещей, компенсировать рост капиталистических элементов для нашего середняцкого крестьянства, бедняков и батрачества. Правильное разрешение проблемы должно быть мотивировано следующим образом: и зажиточное хозяйство нужно развивать для того, чтобы помогать бедноте и середняку. Как же это? Поясним это на примере нашей финансовой политики. Налоговые

поступления с мелкой буржуазии, со средней буржуазии и частного капитала возрастают. Получаемые таким образом средства мы распределяем на государственные нужды: на нужды нашей промышленности, на нужды нашего культурного строительства, на нужды нашего советского аппарата и т. д. Мы даем торговать частному капиталисту в известных пределах, беря с него путем налога известную часть экономических рессурсов, которые он получает, и эту часть мы даем на нужды социалистического строительства через наш государственный бюджет, через наш банковский кредит и через те каналы, которые имеются в многочисленных количествах в нашем распоряжении. Можно, конечно, запечатать лавку частного капиталиста и, запечатав эту лавку, самим не справляться с теми задачами, которые ложатся на нашу долю, и сказать: частному капиталу мы об'явили войну. Мы можем сказать, что не в состоянии пока все делать сами, поэтому допускаем частный капитал, снимаем с его прибыли сливки, даем их опять рабочему классу и крестьянству. Что правильней? Конечно, правильней второй путь. Правильней и потому, что мы усиливаем мощь экономики в целом. Это с классовой точки зрения правильней потому, что мы непосредственно получаем добавочные экономические ценности и от обложения буржуазии (и от роста всего народного хозяйства в целом) и обращаем их на наше дело.

Примерно так же обстоит дело и с зажиточным крестьянским хозяйством. Могут появиться чудаки, которые предложили бы об'явить крестьянской буржуазии «варфоломеевскую ночь», и они могли бы доказывать, что это вполне соответствует классовой линии и вполне осуществимо. Но одна беда: это было бы глупо в высшей степени. Нам этого совершенно не нужно делать. Мы бы от этого ровно ничего не выиграли, а проиграли бы очень многое. Мы предпочитаем разрешить буржуазному крестьянину развивать его хозяйство, но брать с него будем гораздо больше, чем берем с середняка. Получаемые от него средства мы будем давать в форме кредитования середняцким организациям или в какой-нибудь другой форме бедноте и батракам. Мы получаем от богатого крестьянина добавочные ценности, которыми мы действительно помогаем хозяйству массы бедного и среднего крестьянства, а не вколачиваем гвоздь в этого самого кулака, теряя экономически в этом случае сами; мы стремимся к тому, чтобы сумма нашего национального дохода возрасла; чтобы движение нашего хозяйственного оборота было быстрее и быстрее; и только тогда именно, при таких условиях, мы не на словах, а на деле, будем помогать середняцким, бедняцким и батрацким элементам. Кто не понимает этого смысла нашего положительного отношения к накоплению в деревне, а усваивает в этой политике только «развязывание кулака», тот страдает кулацким уклоном.

Из этого, конечно, не следует, что нам сейчас нужно скрывать, замазывать и бояться известного развития капиталистических отношений. Нам не нужно преодолевать их голым административным нажимом, а нужно использовать это положение для оказания хозяйственной помощи бедняцкому и середняцкому крестьянству. Кто этой проблемы не видит, тот имеет кулацкий уклон.

Есть еще другой уклон, который проскальзывает сейчас у нас в печати и который сводится к следующему:

Некоторые товарищи, давая правильную оценку кое-каким явлениям в деревне, делают такой вывод: кулака взять административным нажимом нельзя, нужно иметь такую перспективу, что в результате дифференциации у нас будут выделяться капиталисты и батраки; классовые отношения будут все более и более обостряться, и совершенно неизбежно дело дойдет до того, что мы должны будем произвести вторую революцию, т.-е. насильственное экспроприирование кулака. Такая система взглядов имеет уже литературное выражение. Капитализм развивается, классовые противоречия капитализма в деревне обостряются, мы должны разжигать классовую войну в деревне и вести ее до тех пор, пока не обессилим и не экспроприируем кулака. Я считаю, что это теоретически неправильно, а практически бессмысленно. Если мы будем проповедывать в деревне накопление и одновременно пообещаем и устроим через два года вооруженное восстание, то накоплять будут бояться; это не верно теоретически, потому что рассуждающие так товарищи забывают одну небольшую мелочь, а именно: пролетарскую диктатуру.

Что характерно для пролетарской диктатуры? В таких условиях, о которых я здесь говорил, эта диктатура по своему назначению не сводится только к аппарату государственного принуждения. У нас диктатура пролетариата представляет из себя мощь комбинированной политической силы и экономическо-хозяйственной силы рабочего класса. У нас в число государственных органов входит и ВСНХ, у нас в государственный бюджет входит вся наша промышленность, все железные дороги, рудники и пр. Структура нашей государственной власти и под этим углом зрения отличается от структуры государственной власти буржуазного типа. Само собой разумеется, что те перемены, которые получаются во всем общественном целом после захвата власти рабочим классом, сводятся, помимо всего прочего, также к тому, что вообще сила государственной власти колоссально увеличилась, ибо к экономическому моменту присоединяется вся мощь государственной экономики, которая

вместе с государственной властью является на исторических весах гирькой немалого веса.

Поэтому важно не только то обстоятельство, что рабочий класс захватил власть. Важно и то, что увеличиваются возможности в смысле того прироста силы и энергии, который получается после завоевания рабочим классом государственной власти. Поэтому совершенно естественно, что факт рабочей диктатуры в числе прочих общественных факторов, в числе прочих сил, определяющих общественное развитие, представляет собой гигантскую величину.

Очень часто говорят: экономика определяет политику. Это верно, это марксистская истина; но имейте в виду, что в нашу политику уже входит в значительной части экономика, ибо в структуре нашей государственной власти уже заключаются важнейшие экономические факторы, в том числе и те командные высоты, о которых я говорил в первой части своего реферата. Этот факт кладет грань между развитием человеческого общества до пролетарской диктатуры и развитием человеческого общества после установления пролетарской диктатуры. В самом деле, возможно ли, что в деревне все идет так же и в том случае, если есть пролетарская диктатура с ее политическим и хозяйственным аппаратом, и в том случае, если ее нет? Конечно, невозможно.

Само собой разумеется, что факт пролетарской диктатуры неизбежно должен внести какие-то глубокие изменения. Какие? Если бы дело заключалось только в одной политической государственной оболочке, а все остальное оставалось бы таким же, как и при капиталистическом режиме, т.-е. если бы существовало такое положение, что пролетариат имеет государственную власть чисто политического типа, а промышленность находится в руках капиталистов, то ясно, что в деревне отношения складывались бы по прежнему типу. Разница была бы только та, что мы административно нажимали бы изо всей силы, но результатом этого нажима был бы неизбежный крах пролетарской диктатуры.

Если бы мы не экспроприировали крупный капитал, а только маневрировали бы в области чистой политики, то, безусловно, мы потерпели бы крах. Наша сила заключается не только в том, что мы имеем политическую власть. Наша сила заключается в том, что мы эту политическую власть во-время стали делать рычагом экономической перестройки, и сейчас наша судьба определяется уже таким соотношением сил, когда мы имеем за собой экономические командные высоты, представляющие собою составную часть нашего государственного аппарата.

И вот, товарищи, если это так (а это безусловно так), если пролетарская диктатура с ростом нашего хозяйства все больше и больше будет представлять собою руководящую хозяйственную силу, — то, само собой разумеется, из этого неизбежно вытекает, что в деревенское развитие вливается такой поток, который самым существенным образом изменяет это развитие по сравнению с предшествующим историческим периодом.

В этой связи перед нами выступает вопрос, который был поставлен с такой гениальной яркостью и с такой силой Лениным в «Страничках из дневника», в его статье «О кооперации», мимо которой мы не можем пройти, ибо это есть самое существенное, что было сказано о нашей политике в отношении крестьянства. Те дополнения к положениям Ленина, которые необходимо сделать теперь, благодаря накопившемуся опыту, ни на одну йоту не зачеркивают гениального стратегического плана, развернутого в этом втором варианте товарища Ленина.

Всем известно, что между нами и народниками велся очень крупный спор. Многие из русских народников, а также и иностранных, развили в своем роде довольно стройную теорию так называемого некапиталистического развития крестьянского хозяйства. Они создали теорию так называемой «некапиталистической» эволюции сельского хозяйства, при чем в народническом лагере было одно превалирующее течение, которое считало, что мелкое хозяйство в земледелии вообще выгоднее крупного, что машины в земледелии не могут быть так выгодны и т. п.; но было и течение, правда, очень маленькое, среди русских народников или полународников, которые соглашались с марксистами, что применение машин—это есть спасение для сельского хозяйства; которое считало, что крупное хозяйство гораздо лучше мелкого, выгоднее его, рациональнее, но которое утверждало, что в рамках капитализма сельское хозяйство крестьянина идет к крупному хозяйству совершенно особым путем—н е к а п и т а л и с т и ч е с к и м, и в качестве этого пути оно выставляло как раз кооперацию.

Одним из довольно крупных русских теоретиков этого направления, которое признавало все преимущества крупного хозяйства, или почти все,—являлся Суханов, который в своей книге, произведшей в свое время большой шум, выставляет со своей стороны довольно стройную сеть аргументов. Марксисты правы,—говорил он,—когда утверждают, что крупное производство в сельском хозяйстве имеет преимущества перед мелким, но крестьянство идет к крупному производству совершенно особым путем: ч е р е з к о о п е р а ц и ю. Эта кооперация, кооперация трудовых крестьян, есть особое явление. Мало-по-малу она вырастает в большую силу, являющуюся базой для социализма. Марксисты-социал-демократы ошибаются,—утверждал Суханов,—что сельское хозяйство идет по линии капитализма. Наоборот, характерна его «д е к а п и т а л и з а ц и я». Оно имеет свой

особый путь *не*-капиталистического развития. Этот путь есть кооперация.

Целый ряд теоретиков так называемого «аграрио-кооперативного социализма» в Западной Европе в разных вариантах развивали такую же концепцию, такую же систему взглядов. Это, конечно, совершенно неправильная система взглядов. Нужно прежде всего посмотреть, что нам дает в этом отношении интересного и поучительного капиталистический строй; как действительно обстоит там дело, каким образом буржуазия держит крестьянство в своем хозяйственном подчинении. Тут не нужно обольщаться. Мы видим, как в Западной Европе (речь идет не о колониях, а о таких странах как Франция, Германия и пр.) подавляющее большинство крестьянства идет за помещиками и буржуазией. В этих странах буржуазно-аграрные революции против крепостничества уже давно канули в прошлое. Но каким же образом буржуазия и помещики держат крестьянство полностью или почти полностью в своих руках?

Одним из важнейших средств, а сейчас важнейшим средством влияния на крестьянство является у буржуазии кооперация. Если мы берем такую страну, как Германия, страну, которая наиболее пострадала от войны, и где, следовательно, классовый антагонизм выражен наиболее резко, и попытаемся анализировать социальные отношения в деревне, то мы натолкнемся здесь на поразительные факты.

Самой крупной организацией, об'единяющей сельско-хозяйственное население, является Reichslandbund, который насчитывает больше 2.000.000 членов. Но характерна социальная структура этой организации; характерно, из каких слоев она состоит. Половина всего сельско-хозяйственного пролетариата Германии входит в этот союз, командующую верхушку которого составляют крупные помещики, графы, князья, бароны и т. д.; половина сел.-хоз. пролетариата в такой передовой стране, как Германия, входит в организацию, руководимую баронами, князьями, помещиками! Этот союз представляет собою колоссальной величины машину, которая имеет гигантский аппарат, при чем чиновниками его являются, главным образом, офицеры армии, имеющие свои организации, свои централизованные правления, которые опираются на целую громадную сеть кооперативов, которые имеют в своих руках целый ряд банков, сросшихся с индустрией.

Во Франции такое же положение: 7 крупных организаций, в которых крестьяне руководятся помещиками, и одна, маленькая,—наша, которая, по сути дела, представляет почти нуль по своей числовой величине. Крупные генералы, империалисты, стоят во главе ряда крупнейших кооперативных учреждений. В Америке недавно был гигантский сельско-хозяйственный кризис. В этой стране, благодаря сел.-хоз. кризису, обостренному высокими ценами на изделия промышленности, так наз. «ножницами», усиленно раздвигаемыми американскими трестами, разорилось около 30% фермеров. Банковики сумели целым рядом кредитных учреждений взять в свои руки фермерские кооперативные организации и целиком держать их в своих руках.

В Финляндии довольно мощная крестьянская кооперативная организация целиком находится в руках двух частных банков. Каким образом это достигается? Очень ловкой кредитной политикой, очень умной политикой регулирования отношений. Получилось так, что даже в том случае, если на-лицо были организации не эксплоататорского типа, а об'единения трудового крестьянства—они постепенно превращались в организации, руководимые помещиками и буржуазией, в конце концов влезавшие всеми своими частями в общий буржуазно-помещичий аппарат. В рамках капиталистического режима иначе и быть не может.

Возьмем, к примеру, кредитную кооперацию. Кредитная кооперация, поскольку она работает и развивается, должна иметь какие-нибудь сношения с другими институтами, банками в первую очередь, ибо у нее откладывается лишний капитал, который она не может пустить непосредственно в оборот. Хочет ли кооперация п о м е с т и т ь на время за проценты свой капитал, желает ли она и м е т ь к р е д и т прямо или косвенно, она вынуждена обращаться к б у р ж у а з н о м у банку, т. к. другого в капиталистических странах нет.

Если банк дает кредит целому ряду кооперативных организаций, он, конечно, заинтересован в их процветании; они, в свою очередь, заинтересованы в том, чтобы об'единиться друг с другом и так постепенно они втягиваются в капиталистическую финансовую систему.

То же самое происходит со сбыто-закупочной и другими видами кооперации в условиях господства капитала.

Если помещики и буржуа могли в условиях капиталистического господства путем умной политики построить союз с крестьянами против рабочих и добиться таких отношений, когда с бароном, князем и графом сотрудничает половина сельско-хозяйственного пролетариата, то мы будем круглыми дураками, если не сумеем установить союз с крестьянством, к которому мы стоим неизмеримо ближе, чем бароны. И если крестьянин вползал через кооперативные организации в систему промышленного и банковского капитала, то при нашей диктатуре, при соотношениях нашей государственной власти с сельско-хозяйственными учреждениями, в условиях национализации земли, чего нет ни в одной стране мира, он может постепенно врастать в систему социалистических отношений ч е р е з к о о п е р а ц и ю.

Однако, надо себе представлять, что это движение крестьянства к социализму будет протекать в противоречивых формах. В этой области мы пережили ряд иллюзий, мешавших правильной политической работе. Кое-что от этих иллюзий осталось еще и теперь.

Многие товарищи и посейчас склонны по военно-коммунистическому переоценивать роль коллективных производственных об'единений в деле приобщения крестьянства к социализму. Что мы должны всячески пропагандировать среди крестьянства об'единения в коллективные хозяйства, это—верно, но неверно, когда утверждают, что это есть столбовая дорога для продвижения массы крестьянства по пути социализма. Как же мы должны втягивать в нашу социалистическую организацию крестьянство? Только путем хозяйственного заинтересовывания крестьянства. Кооперация должна привлекать крестьянина тем, что она дает ему непосредственные выгоды. Если это кооперация кредитная, то он должен получать дешевый кредит; если это кооперация по сбыту, то он должен более выгодно продавать свой продукт и быть от этого в выигрыше. Если он хочет закупить что-нибудь, то он должен это делать через свою кооперацию, он должен получать через кооперацию более добротный и более дешевый товар и таким путем строить кооперацию дальше.

Таким образом, мы заинтересовываем его, как мелкого собственника, как мелкого хозяйчика. Это ни капли не страшно, потому что, в конце концов, на этом самом своем хозяйственном росте крестьянин будет продвигаться по пути превращения самого себя и своего хозяйства в частицу нашей общегосударственной социалистической системы, так же, как в капиталистическом режиме он врастает в систему капиталистических отношений. Предположим, мы имеем дело со сберегательными кассами и какой-нибудь кредитной кооперацией. Предположим, перед нами зажиточный крестьянин, имеющий лишнюю деньгу, желающий накоплять. Куда он вносит эти деньги?—В сберегательную кассу, связанную с нашими государственными банками. Крестьянин заинтересован, таким образом, в прочности нашего банка, в прочности нашего государственного режима. Заинтересован очень прочно. А если этот банк дает ему через его кредитную организацию более дешевый кредит, чем бывало при царе, то заинтересованность растет все больше. Берем пример наименее для нас выгодный. Кулак, который эксплоатирует своих батраков, накопляет, получает прибавочную ценность, вносит вклады. Куда он вносит вклады? В конечном счете, в наши банки. Получаем ли мы в этом случае какую-нибудь пользу? Получаем, потому что тем самым имеем добавочные рессурсы, рост которых дает нам возможность кредитовать середняцкую кооперацию и тянуть всю массу крестьянства к хозяйственному под'ему. Вклад кулака мы используем для того, чтобы поддержать другие слои крестьянства.

Мы привели пример кредитной кооперации, но то же самое происходит и с закупочно-сбытовой кооперацией. Здесь тоже налицо связь ее с банками пролетарского государства, регулирующая роль последних, накопление в этих банках, в особенности, в условиях растущего экспорта.

Таким образом, крестьянская кооперация будет срастаться с экономическими организациями пролетарской диктатуры, будет постепенно вдвигаться в систему социалистических тношений. Совершенно не нужно смущаться тем, что дело начинается не с производства, а с обращения. Логика вещей обязательно приведет к тому, что вслед за кооперированием в области обращения неизбежно будет итти разными путями и кооперирование производственное.

Само сельское хозяйство неизбежно будет индустриализироваться. Так, наша маслобойная кооперация связана с маслобойными заводами или наша кооперация, охватывающая районы с производством картофеля, связывается со всевозможными заводами, занимающимися переработкой этого картофеля. Кооперативные об'единения начинают иметь и будут иметь заводы по выделке консервов, по сушке овощей, маринованию и т. д.

Снабжение тракторами и расширение электрификационной сети дадут возможность перейти от кооперирования в процессе обращения к процессу производства. Гладко ли будет протекать этот процесс? Нет, не просто и не гладко, потому что развитие будет итти в противоречивых формах. Крестьянство у нас неоднородно. Классовая борьба в деревне сразу не отомрет. Этого никто не будет отрицать, думать это было бы бессмысленной маниловщиной. Наоборот, в ближайшее время она будет расти. Но делать из этого выводы о «второй» революции нелепо и неправильно.

Ясное дело, что в некоторых кооперативных об'единениях будут преобладать бедняки, в других—середняки, в третьих—кулаки. Совершенно естественно, что в колхозах будет прежде всего бедняк, что в кредитной кооперации в целом ряде пунктов будет брать верх в первое время кулак, что мы будем с ним на выборах правлений вести ожесточенную борьбу. Это все верно, но если мы будем вести правильную политику, то нам не придется проделывать снова революции. Наша политика должна заключаться в том, чтобы из всех предстоящих выгод положения, от ускоренного хозяйственного оборота, роста национального дохода, который получается от общего роста товарооборота, от роста госхозяйства и частного хозяйства,—мы могли получить средства для помощи массе среднего и бедного крестьянства.

Можно ли и нужно ли сейчас проповедывать обострение классовой борьбы в деревне? Нет, у нас сейчас другое положение. Мы должны действовать хозяйственными путями, чтобы путем хозяйственных мероприятий, в первую очередь через кооперацию, двигать вперед основную массу крестьянского населения.

В заключение мы считаем необходимым сказать несколько слов об этом вопросе в связи с теорией классов.

Классом крестьянство в собственном смысле слова является лишь в феодальном обществе, и притом там оно является основным классом. В капиталистическом обществе крестьянство не класс в собственном смысле этого слова, потому что оно разлагается и выделяет сел.-хоз. буржуазию и сел.-хоз. пролетариат. Но капиталистическое общество сохраняет в себе еще значительное количество феодальных элементов. Чем больше феодальных пережитков в обществе, тем более крестьянство является классом. Вот почему в октябрьскую революцию мы шли вместе со всем крестьянством вплоть до кулаков. Это было потому, что у нас страшно сильны были остатки не только капитализма, но и феодализма. Поскольку у нас были сильные феодальные отношения, крестьянство было классом как целое. Поскольку у нас был развит капитализм, постольку крестьянство не было классом.

Поскольку у нас в момент свержения капитализма капиталистические отношения в деревне не были развиты,—постольку оставалась большая серединка этого крестьянства—крестьянин середняк. А поскольку мы произвели уравнительную дележку, этот середняк вырос в большую силу.

Поскольку мы будем хозяйственно расти и через кооперацию, налоговую систему и проч. уже не на основе грабительской дележки, выражаясь вульгарно, а на основе хозяйственного под'ема, поскольку середняка и бедняка мы будем хозяйственно поднимать,—постольку мы все больше будем приближаться к тому, что уровень жизни середняка и бедняка будет приближаться к уровню более зажиточного хозяйства; а затем на основе этого под'ема мы достигнем еще более высокой ступени, когда крестьянство будет исчезать и по отношению к пролетариату, как особый класс.

Вот что нужно иметь в виду, как определенную перспективу, которая еще очень далека, но уже стоит перед нами.

У нас—рабочая диктатура, но эта рабочая диктатура имеет союзника в лице крестьянства и чем больше она хозяйственно и культурно помогает крестьянству, тем больше крестьянство будет втягиваться в нашу общую систему через кооперативные организации, тем больше крестьянство будет приобщаться к общей культуре, тем больше будет стираться разница между пролетариатом и крестьянством. Мы вообще идем к тому состоянию, когда деление между рабочими и крестьянами превратится в деление на передовой слой трудящихся и его отсталые слои.

Сейчас этого еще нет, но основная роль рабочего по отношению к крестьянству заключается в функции руководства.

У нас диктатура рабочего класса, но отношение диктатуры рабочего класса к буржуазии это одно, а отношение ее к мелкой городской буржуазии—другое, а отношение к крестьянству это—третье. Это нужно помнить. С крестьянством наша диктатура находится в союзе, она должна руководить крестьянством в борьбе за бесклассовое коммунистическое общество.

И. Литвинов.

Некоторые заметки о союзе пролетариата с крестьянством.

(*К проблеме „Ленинизм и марксизм"*).

Маленькое введение.

Марксисты считают наиболее революционным классом общества—пролетариат. Это учение позаимствовали у марксистов и реакционеры. Многие реакционные партии с ужасом смотрели на рост пролетариата и старались принимать всякие меры, чтобы задержать этот рост. Бюлов—бывший канцлер Германской империи при Вильгельме—выразил когда-то надежду, что анти-коллективистический череп крестьянина убьет социализм пролетария. В Англии консерваторы принимали всякие меры для увеличения числа крестьян. То же было до войны в Германии. Но действительность как будто обманула все наши надежды и доказала беспочвенность страхов реакционеров. Пролетариат—самый революционный класс общества, но все-таки трудно назвать такую страну Европы, где социальный строй (капитализм) был бы так устойчив, как в той стране, где пролетариат составляет наиболее значительную часть населения, т.-е. Англии.

Правда, на это могут быть многие возражения. Главное из них следующее: Англия владеет колониями; ее пролетариат поэтому наиболее обеспеченный в Европе. Этим до известной степени об'ясняется и его слабая революционность. Но уже это одно возражение как будто говорит за то, что наше утверждение о революционности пролетариата не всегда верно, что оно как будто нуждается в весьма сильной поправке.

Вторая после Англии страна с наибольшим процентом пролетариата—Бельгия. И все-таки кажется, что не будет грехом против истины, если мы социальный строй Бельгии будем считать наиболее устойчивым после Англии. Опять скажут—бельгийский пролетариат тоже получает крохи со стола буржуазии. Бельгия особенно много колоний не имеет. Конго ей особенно значительных доходов пока не доставляет, но бельгийская буржуазия имеет (во всяком случае имела до войны) сравнительно много капиталов за границей. С этих капиталов она получала проценты. Бельгийская буржуазия была богата и поэтому тоже была в состоянии делиться крохами со своего стола с рабочим классом.

Что означают все эти возражения? Они означают вот что. Богатая буржуазия подкупает пролетариат, или точнее некоторые слои пролетариата, частью своих доходов. Следовательно, в

стране с богатой буржуазией пролетариат не особенно революционен. Но спрашивается, может ли где-нибудь **при нормальном ходе вещей** большинство или даже только значительная часть населения превратиться в промышленный пролетариат без того, чтобы буржуазия разбогатела? Ведь для развития промышленности необходимо чрезвычайное накопление богатств. Промышленность—не земледелие. В промышленности постоянный капитал, в особенности основной, составляет значительную часть всего капитала. С развитием промышленности органический состав капитала повышается. Промышленность требует много богатств. Нельзя указать в довоенной истории ни на один пример, где пролетариат какой-нибудь страны составлял бы 30—40% населения, а буржуазия этой страны была бы бедна. Если же это так, то это значит, что там, где пролетариат составляет половину, или еще бо̀льшую часть, населения, там он не особенно революционен, там ему есть что̀ терять (крохи со стола буржуазии).

Первая пролетарская революция в мире произошла в крестьянской России, где промышленный пролетариат составлял не больше 8—10% всего населения. Тому было много причин. Но все-таки, как бы то ни было, нельзя упустить из виду след. обстоятельства. В России революция возникла во время войны. Россия тогда не только не была покинута своими союзниками, Соединенные Штаты как раз тогда начали войну. Дела на русском фронте были не плохи. Последние военные поражения были нанесены России в 1915 году. 1916 год и начало 1917 года были годами сравнительно благополучными для русского фронта. Значительная часть Галиции была отвоевана обратно. В Азиатской Турции Россия разгромила турок и заняла всю Армению. А революция все-таки произошла и завершилась диктатурой пролетариата.

Совсем другую картину мы видим в Германии. Германия, в которой пролетариат составляет большинство населения, потерпела на войне небывалый крах. Мировая история до сих пор не знает примера подобного поражения. В результате одной проигранной войны, Германия низвергнута была с вершин славы в бездну нужды, разрухи и национального унижения; лишилась всех своих колоний, многих цветущих областей самой Германии, всего своего флота; самые промышленные ее области оккупированы чужестранцами, средние слои населения разорены, валюта (старая) обесценена хуже советского рубля, кучка спекулянтов захватила все богатства страны, пролетариат эксплоатируется, как нигде в Западной Европе. Фактически Германия лишилась даже своей самостоятельности. Худшего банкротства господствующего класса и господствующей системы нельзя себе и представить даже мысленно. А пролетарской революции... нет.

Не только особой революционности нет пока у большинства пролетариата германского, но есть пассивность и склонность к компромиссам, если при всех подобных потрясениях нет победоносной пролетарской революции...

Самый неустойчивый социальный строй сейчас на Балканах и в Италии. То-есть в странах, где крестьянство составляет большинство населения, где пролетариат молод, немногочисленен, но зато энергичен и где на-ряду с пролетарским движением имеется и революционное крестьянское движение. В Англии—самый устойчивый капиталистический строй в Европе; в Бол-

гарии—самый неустойчивый. В России—советская власть; в Германии—капитализм и демократический (т.-е. буржуазно-спекулянтский) парламентаризм...

Все эти факты требуют своего об'яснения и об'яснения марксистского. Не станем же мы повторять лепет некоторых нео-народников и реакционеров о мещанстве пролетариата и бунтарском характере крестьянства.

Пролетариат в индустриализуемых аграрных странах.

Маркс писал свой «Капитал» в 60-х годах XIX столетия. В его «Капитале» мужик как бы совсем отсутствует. В письмах и других произведениях Маркса имеются указания на возможную революционную роль крестьянства, но в его главной схеме, в «Капитале», революционного крестьянина [1]) (если не считать ирландца) нет. Сейчас мы живем в 3 десятке XX века. Главные законы марксизма себя прекрасно оправдали. Ленин в одном месте в «Империализме» замечает, что то опровержение марксизма, которое не может опровергать основы этого учения—как, например, концентрацию и централизацию капитала—не есть опровержение. Некоторые законы марксизма стали более ясными. Другие—более точными. Как же обстоит дело с революционностью пролетариата—этого могильщика капитализма по Марксу?

Прежде, чем ответить на предыдущие вопросы, мы должны отдать себе отчет в пролетариате времен Маркса. Кто знаком с историей 30-тилетнего периода рабочего движения в Западной Европе, начиная с сороковых и кончая шестидесятыми годами прошлого века, тот не может не согласиться с тем, что это был крайне революционный период в пролетарском движении Запада. В сороковых годах в Англии был чартизм—единственное до сих пор настоящее пролетарское революционное движение Англии; в Германии среди пролетариата тогда господствовал коммунизм. Страх германских капиталистов перед коммунизмом своих рабочих превосходил всякие пределы. Во Франции тогда работал Бланки. В 40-х годах Маркс и Энгельс с полным правом писали о призраке коммунизма, который бродит по Европе. В июньские дни 1848 года парижский пролетариат на баррикадах боролся за свои права. В 60-х годах возник Первый Интернационал. Во время франко-прусской войны социалисты и в Германии и во Франции не изменили Интернационалу. Закончился этот революционный период славной Парижской Коммуной и распадом I Интернационала.

В этот период 1830—1871 г.г. пролетариат Запада действительно был наиболее революционным классом общества. Ему терять было нечего, кроме своих цепей. Потом времена как будто изменились. Пролетариат первого периода повсюду составлял (в начале этого периода отчасти даже в Англии) меньшинство населения. Он тонул в море мелких товаропроизводителей. Крестьяне и ремесленники были гораздо многочисленнее пролетариата. Пролетариат тогда даже в Англии не порвал еще окончательно с землей, и еще чартисты выдвигали, среди остальных своих требований, и требования аграрного характера.

Но крестьянство тогда было весьма реакционно по существу. Оно было весьма отсталое, всецело находилось под влиянием духовенства, и о союзе между пролетариатом и крестьянством и мечтать нельзя было. Один класс—молодой, немногочисленный, но все растущий, энергичный, недовольный, но все свои надежды возлагающий на будущее; другой—старый, темный, неподвижный, многочисленный еще, но уже быстро тающий и как будто осужденный на полное исчезновение, тоже недовольный, но все свои взоры направляющий на прошлое. Между этими двумя классами тогда не могло быть никакого союза, немыслим был никакой блок. Времена крестьянских войн, казалось тогда, канули в вечность.

Положение пролетариата во всех тех странах, где он весьма революционен и сейчас во многом, если не во всем, напоминает положение рабочего класса 30—40-х, 50-х и 60-х г.г. в Западной Европе. Таково было положение пролетариата в России до 1917 года. Таково оно сейчас в Италии, на Балканах и отчасти на Востоке. Крестьянство составляет во всех этих странах большинство населения. Оно разлагается и выделяет пролетариат. Пролетариат молод, энергичен, буен. С ним нередко идет в ногу и крестьянство, передовая часть крестьянства. Это—потому, что изменилось все общество, изменился капитализм, изменилось и крестьянство. Империализм революционизирует и этот наиболее косный, как будто, класс населения.

В химии мы знаем такие примеры. Водород один не взрывает. Кислород один тоже не опасен. Смесь водорода с кислородом образует гремучий газ. В обществе получается как будто подобная картина. Там, где население состоит из одних крестьян, оно неспособно на решительные революционные действия: там, где оно преимущественно состоит из рабочих, оно при нормальных условиях также не особенно революционно. Смесь же крестьянства с рабочим классом образует революционную массу. Когда крестьянство разлагается и выплевывает безработных в города, когда рабочий класс молод и не порвал еще всех связей с землею, тогда ситуация наиболее революционна, тогда она наиболее опасна для существующего капиталистического строя. Такова как будто действительность.

Можно ли, однако, об'яснить эти факты? Нам кажется, что да. Уже давно при изучении положения рабочего класса в царской России пишущему эти строки приходилось наталкиваться на то печальное явление, что во многих отраслях промышленности заработная плата была так низка, что рабочие вынуждены были вести холостой образ жизни. Это явление как будто противоречит закону трудовой стоимости. Ведь согласно этого закона рабочая сила должна оплачиваться так, чтобы рабочий мог обзавестись семьей. Однако, после некоторых размышлений, автор пришел к выводу, что в России тогда этот закон как бы не действовал. Рабочая сила должна была продаваться ниже стоимости. Капиталисту нечего было заботиться о потомстве рабочих. Новая рабочая сила доставлялась деревней. Разлагающееся крестьянство забрасывало рынок труда выходцами из деревень. Эти безработные давили на заработную плату и понижали ее нередко даже ниже жизненного минимума для холостых рабочих. Это

[1]) Речь идет исключительно о революционной роли крестьянина, мелкого самостоятельного товаропроизводителя, в пролетарском перевороте и при строительстве социализма. Сельское хозяйство же занимает большое место в «Капитале» Маркса, особенно в III томе. Именно Маркс, а не кто-нибудь другой, раскрыл законы развития сельского хозяйства и тенденции процессов, происходящих при внедрении капитализма в сельское хозяйство.

явление повторяется во всех капиталистических странах на заре их капиталистического развития. Так, в Англии подобные условия труда рисует Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии», относящейся к сороковым годам прошлого века. Такие же страшные условия жизни рабочих существовали и в Германии и Франции в 40-х и 50-х, частично еще в 60-х и даже в 70-х г.г. прошлого века. Их рисует, между прочим, и Гауптман в своих «Ткачах». Этими обстоятельствами были вызваны постоянные восстания пролетариата во Франции в 30-х и 40-х г.г. прошлого века. Причина повсюду одна и та же. На заре капиталистического развития, рабочий для капиталиста является приблизительно тем, чем был негр—раб—для плантаторов фермеров юга С. Штатов Северной Америки. Вся задача капиталиста сводится к тому, чтобы поскорее и побольше извлекать из рабочего прибавочной стоимости. Пониже заработная плата, подольше рабочее время—таков лозунг капиталистов. Умрет рабочий, что за беда—его место займет десяток других, вытолкнутых из деревень. Для чего капиталисту заботиться о размножении рабочего класса и оплачивать это размножение, когда, без всяких расходов на то со стороны капиталиста, размножается крестьянство. Для чего капиталисту заботиться о рабочих подростках, об охране материнства и младенчества пролетариата? Жалеть рабочего нечего. Он еще не усвоил навыков труда. Он еще не квалифицировался. Место рабочего может занять любой парень из деревни. В этот период раннего капитализма рабочему классу терять, действительно, нечего, кроме своих цепей. В этот период пролетариат действительно—непримиримый враг существующего капиталистического строя.

В этой экономической особенности положения рабочего класса и оплаты труда на заре капиталистического развития кроется первая и наиболее важная причина революционности молодого пролетариата. Но есть еще одна причина. О ней говорит Маркс в своей главе о первоначальном накоплении. Эта причина—психологическая.

Никто не настроен так революционно, никто так не недоволен существующим строем и господствующими порядками, как обездоленный, мелкий товаропроизводитель, потерявший свою самостоятельность и вынужденный продавать свою рабочую силу. Маркс говорит по этому поводу, что то, что современному рабочему Англии, кажется, вполне законным и естественным, это их предкам—обезземеленным крестьянам—казалось чудовищным преступлением; лишь виселицами, батогами и суровыми законами о бродягах и бедных английским пролетариям вколачивали в головы естественность и нормальность состояния пролетариата. Таким образом, по этим двум причинам переходный период, эпоха разложения крестьянства, эпоха первоначального накопления—это наиболее болезненный и опасный для капитализма и революционный для пролетариата период. Особенно опасен этот период для капитализма, если он совпадает с сильно развитым капитализмом в других странах.

И одной из причин Октябрьской революции в России является то обстоятельство, что методы первоначального накопления (столыпинское законодательство о хуторном крестьянстве, переселенческом движении и выходе из общины) применялись в этой

стране в эпоху уже весьма развитого капитализма и даже империализма во всем мире. Крестьянство в России разлагалось тогда, когда в городах уже существовали новейшие фабрики, мощные паровые и электрические двигатели и господствовал финансовый капитал.

В этом кроется также одна из причин страстного стремления капиталов развитых промышленных стран к эмиграции в молодые индустриализуемые аграрные страны. Одной из причин этой эмиграции являются весьма выгодные для капиталистов условия эксплоатации рабочей силы в молодых капиталистических странах с разлагающимся крестьянством. В этих странах капиталист еле оплачивает прожиточный минимум самого рабочего. О его семье, о потомстве рабочего, о воспроизводстве рабочей силы путем естественного размножения пролетариата капиталист не заботится и заботиться не должен. Новая рабочая сила воспроизводится крестьянством в деревнях, без всяких расходов и трат на то со стороны капиталистов-предпринимателей. И в этом кроется одна из причин, почему капитал в Англии приносит в среднем от 7% до 10% дохода, а английские капиталы в Индии—30%, 40%, нередко даже больше.

Положение пролетариата в капиталистических странах в эпоху органического развития капитализма.

Когда крестьянство исчезает, как в Англии, или когда оно более или менее стабилизуется, как в Германии и отчасти и во Франции до войны[1], *и выходцы из деревень перестают затоплять рынок труда—лишь тогда вступает в силу закон трудовой стоимости относительно оплаты покупаемой рабочей силы. Тогда капиталист начинает быть заинтересованным в сохранении рабочей силы рабочего класса. Капиталистический строй начинает заботиться о воспроизводстве существующим рабочим классом, рабочей силы, и заработная плата повышается.*

Тогда на некоторое время наступает как бы некоторая солидарность интересов между некоторыми слоями рабочего класса и капиталистами. Появляется потомственный, городской промышленный пролетариат. Он квалифицируется, развивается, приспособляется все больше к машине. Производительность труда пролетариата растет[2]. Капиталисты все более становятся заинтересованными в сохранении этого рабочего класса. Они даже начинают делиться с ним крохами со своего стола.

Если согласимся со всем этим, тогда перед нами в совершенно новом свете встанут причины социального законодательства в капиталистических странах.

На социальное законодательство в капиталистических странах буржуазные ученые и соглашатели указывают с особым смаком. Ссылаясь на это законодательство, они доказывают возможность для рабочего добиться своих прав и при господстве капи-

[1] После войны разложение крестьянства и во Франции и в Германии идет довольно быстрым темпом.

[2] Накануне войны Англия занимала первое место в Европе по производительности труда своих рабочих. Россия занимала одно из последних мест. Еще ниже стояли балканские страны.

тализма, возможность эволюционного развития общества и даже мирного врастания в социализм. На самом же деле почти не подлежит сомнению, что пролетариат при капиталистическом строе в общем не в силах заставить капиталистов отказаться от своих эксплоататорских интересов. Когда буржуазии это необходимо, она не только не боится заставлять рабочих работать десять и больше часов в сутки,—она не отказывается и от того, чтобы посылать в ад кромешный миллионы и десятки миллионов людей на изуродование и смерть. Если буржуазии была невыгодна охрана труда—она бы мобилизовала всех своих лизоблюдов: попов и журналистов, ученых и политиков, учителей и полицейских, офицеров и сыщиков, кооператоров и соглашательских профработников, докторов и философов; и все они доказывали бы, что охрана труда вредна для легких и для кармана, для пролетариев и для капиталистов, для человеческого рода и для Северного полюса, для души и для рая, для крыльев ангелов и для девственности святой богородицы. И все это доказывалось бы цитатами из Библии и Евангелия, из Апокалипсиса и Корана, из Спинозы и Мальтуса, из Дарвина и Гете, из Канта и Ньютона; изречениями римского папы и турецкого султана, Далай-Ламы и Хутухты, Жанны д'Арк и Екатерины Медичи. И буржуазия настояла бы на своем.

Что же мы видим на самом деле? Совсем обратную картину. *В Англии охрана труда вводится консерваторами и либералами, в Германии прусскими юнкерами и Бисмарком. Капиталисты сами ее вводят. Конечно, не из-за христианского человеколюбия, а главным образом потому, что этого отчасти требуют их—капиталистов—интересы* [1].

Охрана труда становится необходимой тогда, когда положение крестьянства достигает известной стабилизации; деревня перестает затоплять города своими выходцами. Охрана существующего рабочего класса требуется тогда уже и во имя интересов предпринимателей. Нельзя больше так беспощадно пускать в расход силы рабочего класса. Тогда начинается расцвет социального законодательства. *И чем дольше продолжается этот исторический процесс, чем больше стабилизуется или исчезает крестьянство, чем больше звание «пролетарий» становится потомственным, чем больше трудовых навыков накопляется в пролетариате, тем больше заинтересованной становится буржуазия в охране существующего рабочего класса и в его воспроизводстве, даже расширенном воспроизводстве.*

[1]) Из этого, конечно, отнюдь не следует, что рабочие в капиталистических странах не должны бороться за развитие социального законодательства. Наоборот, от паршивой собаки хоть шерсти клок. Маркс считал великой победой рабочего класса в Англии установление более короткого рабочего дня.

Речь идет исключительно о том, что, несмотря на социальное законодательство, природа буржуазии и капиталистического общества отнюдь не меняется. Социальное законодательство в капиталистическом обществе вводится буржуазией, когда это ей выгодно или, во всяком случае, не очень вредит ее интересам. При ухудшающейся обстановке буржуазия в первую очередь отменяет почти все законы об охране труда. Настоящее развитие прочного социального законодательства возможно лишь при диктатуре пролетариата. Надежда через социальное законодательство при капитализме притти к социализму эволюционным путем—вреднейшая и глупейшая утопия.

В то же время буржуазия развитых капиталистических стран приступает к экспорту капиталов в малоразвитые страны. Экспортом капиталов капиталисты передовых стран превращают в своих данников рабочих и крестьян отсталых стран. Крохами от громадных процентов с этих капиталов капиталисты делятся и со своими рабочими.

Таким образом, наступает такое состояние, когда буржуазия заинтересована в охране и воспроизводстве пролетариата; пролетариат же, в свою очередь, становится как бы заинтересованным в грабеже колониальных и полуколониальных стран, в получении процентов с экспортируемых капиталов. Такой пролетариат проникается мелкобуржуазно-соглашательскими тенденциями [1]).

Из этого отнюдь не следует, что **постоянным** интересам пролетариата богатых империалистских стран противоречит социалистическая революция в этих странах, или революция в колониях. Речь идет исключительно о временных интересах пролетариата этих стран. Постоянные же классовые интересы пролетариата всегда и при всех обстоятельствах (в эпоху империализма) требуют социализма социалистической революции и союза с крестьянством и колониальными народами.

Сознательность каждого класса, между прочим, определяется и его умением жертвовать временными своими интересами ради постоянных.

К временным интересам рабочего класса относятся и цеховые интересы разных его частей.

Крохи со стола буржуазии затемняют сознание пролетариата, так как обостряют противоречия между временными и постоянными интересами рабочего класса.

Защищать свои постоянные интересы пролетариат лучше всего научается в процессе социалистической революции, так как господствовать прочно и долго может только класс, умеющий жертвовать временными своими интересами ради постоянных. В этом—весь секрет и все искусство управления. Поэтому ничто так не содействует росту и прояснению классового самосознания пролетариата, как непосредственное участие в социалистической революции.

В жертвовании постоянными интересами рабочего класса ради временных его интересов—«продажа первородства за чечевичную похлебку»—на-ряду со сплошным предательством всех и всяких интересов пролетариата один из главных признаков оппортунистической тактики. Наоборот, в **умелом** жертвовании временными интересами пролетариата ради постоянных классовых его интересов и в правильном сочетании защиты тех и других интересов—в этом суть большевизма.

В СССР постоянные интересы пролетариата требуют извест-

[1]) «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что кажется, что дело идет к тому, что самая буржуазная из всех наций будет в конце концов иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат на-ряду с буржуазией. У нации, эксплоатирующей весь мир, это до известной степени можно допустить».—Энгельс в письме к Марксу от 7 октября 1858 г.

ных уступок, и экономических и политических, с его стороны ради сохранения и укрепления союза с крестьянством (снижение цен на продукты промышленности, оживление сельских советов и т. д.), без чего немыслимо строительство социализма.

Позиция некоторых «архи-левых» (ох, ты мое горе!), выступающих во имя «стопроцентных» «пролетарских» интересов против уступок крестьянству (напр., против кампании за повышение производительности труда и т. д.), есть на самом деле меньшевизм наизнанку, меньшевизм в условиях диктатуры пролетариата.

Иммиграция рабочей силы [1]).

На заработную плату и вообще на положение рабочего класса влияют не только выходцы из деревень собственной страны, но и иммиграция. Иммиграция, т.-е. приток рабочей силы извне, из-за пределов данного государства, понижает заработную плату всего пролетариата, так как она также в значительной степени освобождает класс капиталистов от забот и расходов по воспроизводству рабочей силы. Поэтому соглашательские рабочие организации высоко-развитых капиталистических стран, борющиеся не за социализм, а за крохи со стола буржуазии, обыкновенно настроены весьма враждебно к иммиграции и требуют ее ограничения или даже полного воспрещения.

Однако относительно иммиграции следует сказать следующее. Иммиграция не в силах в такой сильной степени влиять на уровень заработной платы, как выходцы из деревень своего собственного государства. Причины следующие:

Когда страна становится способной к поглощению промышленной иммиграции, она уже в значительной степени исчерпала свои собственные резервы рабочей силы. Она уже не имеет быстро разлагающегося крестьянства. Она уже имеет развитую промышленность с квалифицированным пролетариатом. Иммигранты, чаще всего не имеющие почти никакой квалификации, являющиеся, главным образом, выходцами из деревень разлагающихся в процессе капитализма аграрных стран, эти иммигранты не могут в такой сильной степени конкурировать с местным пролетариатом и представляют собой менее ценный материал для предпринимателей [2]). Совсем иное бывает с выходцами из местных деревень на заре капитализма. Тогда и промышленный пролетариат страны обладает еще очень слабой квалификацией, ничтожными навыками для промышленного труда. Заменить пролетария может тогда очень легко любой парень из деревни.

Второе отличие состоит в том, что обыкновенно, когда какая-нибудь промышленная страна становится способной к поглощению притока извне рабочей силы, тогда в ней уже существует собственное рабочее движение с профсоюзами, кооперативами, рабочим представительством в парламенте и т. д., и понижение заработной платы представляет собой уже довольно трудный процесс, чреватый большими осложнениями.

---

[1]) Речь идет исключительно об иммиграции рабочих для промышленности, но отнюдь не о колонизаторской иммиграции.

[2]) В Соед. Штатах Сев. Америки почти весь квалифицированный пролетариат состоит из янки. Иммигранты заполняют собою обыкновенно кадры неквалифицированного пролетариата. Это явление повторяется почти во всех промышленных странах, где бывает приток рабочих из-за границы, — напр. в послевоенной Франции.

Третье отличие заключается в следующем. Выходцами из деревень в период разложения крестьянства являются обыкновенно экономически наиболее слабые и наиболее бедные элементы деревни. Хозяйственные, крепкие мужики или разлагаются в последнюю очередь, или же становятся фермерами-капиталистами. Разоренные и неспособные к экономической борьбе элементы являются весьма удобным об'ектом для бесчеловечной эксплоатации капиталистов. Лишь на фабриках и заводах эти вчерашние крестьяне научаются приемам революционной классовой борьбы и становятся угрозой для существующего строя. Совсем не то — иммигранты. Свою родную страну покидают, в поисках лучшего будущего, главным образом, наиболее энергичные, наиболее гибкие и предприимчивые элементы, обладающие к тому же некоторыми средствами (ведь без средств эмигрировать нельзя: необходимы, по крайней мере, расходы, иногда весьма значительные, на дорогу). Поэтому иммигранты не всегда являются таким удобным элементом для эксплоатации, как свои собственные обездоленные крестьяне.

Четвертое отличие: рабочие-иммигранты не только не обладают высокой квалификацией (иногда они не обладают никакой квалификацией). Они еще нередко не знают даже языка страны, совершенно незнакомы с ее обычаями, законами и образом жизни. Понятно, что они представляют собой не особенно ценный материал и не могут особенно успешно конкурировать с туземным пролетариатом.

Наконец, пятое и, пожалуй, самое важное отличие. Выходцы из деревень, взятые на фабрику, не увеличивают собой числа пролетариев в стране. Обездоленные крестьяне, будут ли они работать на фабрике или нет, все равно существуют. Тем, что им дают работу на фабрике, их положение только облегчается. Если же наступит кризис, увеличится безработица, тогда значительная часть этих выходцев из деревень сможет вернуться в деревню. Сохранились же почти у всех из них связи и нередко весьма живые и крепкие связи с земледельческим крестьянством. Совсем не то рабочие-иммигранты. Иммиграция рабочей силы — это палка о двух концах для капиталистического общества. С одной стороны, она, правда, содействует понижению заработной платы пролетариата и удешевляет цену рабочей силы. Зато, с другой стороны, в период кризиса и депрессии иммигранты увеличивают собой число безработных в стране и, представляя собой весьма энергичный элемент, они образовывают громадную опасность для существующего строя. Из безработных иммигрантов часто вербуются кадры преступников против частной собственности; из иммигрантов вербуются и члены революционных организаций (коммунистическая партия Соединенных Штатов насчитывает 20.000 членов. Из них 3.000 — янки, а 17.000 — иммигранты). Будучи совершенно чужими в стране и не имея никакой связи с ее деревней, безработные иммигранты оказываются в совершенно безвыходном положении и готовы на любые крайности; капиталистическое общество волей неволей обязано их кое-как поддерживать. Поэтому капиталисты сами также нередко выступают против иммиграции. Несмотря, однако, на все эти отличия, иммиграция рабочих, несомненно, ухудшает экономическое положение туземного пролетариата и если не всегда понижает уровень заработной платы, то

во всяком случае задерживает повышение этого уровня и мешает дальнейшему развитию социального законодательства.

Эмиграция влияет обратно иммиграции, и поэтому совершенно прав т. Покровский [1]), указывая на то, что высокий уровень заработной платы в Англии об'ясняется эмиграцией лишней рабочей силы из Англии в колонии, но это, конечно, только одна из причин привилегированного положения английского пролетариата. Одной эмиграцией этого об'яснить никак нельзя. Накануне войны самая сильная эмиграция шла из Италии, потом из балканских стран и некоторых областей Австро-Венгерской империи. Однако положение пролетариата во всех этих странах было весьма незавидное [2]).

Положение пролетариата при империализме.

Все на свете изменяется, все течет. С изменением экономического базиса изменяется и соотношение классов и их идеология. С наступлением эпохи монополистического капитализма, со вступлением капитализма в фазу империализма постепенно изменяется и положение пролетариата, и его миросозерцание.

---

[1]) «Очерки по истории рев. движений в России».

[2]) Как раз в эпоху империализма замечается более высокая заработная плата в странах, куда направляется эмиграция и весьма низкая в странах, откуда она идет. Исключение составляет, главным образом, Англия.

Вот что говорит Ленин:

«К числу особенностей империализма, которые связаны с описываемым кругом явлений, относится уменьшение эмиграции из империалистских стран и увеличение иммиграции в эти страны из более отсталых стран с более низкой заработной платой» (Ленин, Империализм, глава 7).

Количество эмигрантов в Соед. Штаты Сев. Америки (в тысячах).

		1904	1906	1908	1910	1913	1914
	Всего	812	1.000	782	1.041	1.200	1.218
Из них:	Итальянцев	196	286	135	223	274	2[illegible]6
	Ирландцев	37	41	36	38	37	34
	Поляков	67	96	68	128	174	122
	Словаков	28	38	16	32	27	26
	Кроатов	21	44	20	39	42	37
	Венгерцев	24	44	24	27	30	44
	Литовцев	12	14	13	22	24	21
	Скандинавцев	61	58	32	52	38	36
	Японцев	14	14	16	2,7	8	9
	Русин	4	6	17	17	30	37
	Балканцев (греки, болгары, сербы, турки, румыны, босняки и т. д.)	25	42	52	65	68	93

(«Statistical Abstract of the United States» за соответствующие годы).

Наибольшее число эмигрантов приходится на отсталые аграрные страны с крестьянством, разлагаемым молодым капитализмом. Заработная плата в этих странах весьма низка.

То же самое мы видим в Германии накануне войны. Из Германии ежегодно эмигрировало не больше 20—30 тыс. человек, несмотря на ежегодный естественный прирост ее населения в 800—900 тысяч человек. Зато в Германию ежегодно направлялись сотни тысяч рабочих из соседних стран. Было в Германии рабочих иностранцев:

В 1911/12 729 т. Из них русских 308 т., австрийцев 263 т., итальянцев 52 т.
» 1912/13 767 » » 317 » » 218 » » 68 »

(«Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» 1914).

В эпоху империализма, как известно, вывоз капиталов из богатых стран в отсталые страны начинает играть главенствующую роль, и интересы этого вывоза определяют собой всю политику капиталистических держав [1]). Крупные капиталистические державы увеличивают экспорт своих капиталов до небывалых размеров. Так несколько лет накануне мировой войны, Англия и Франция имели за границей до $^1/_6$ своего национального богатства, а Германия—до $^1/_{15}$. Капиталы устремляются, главным образом, в индустриализуемые аграрные страны, где доход с капиталов гораздо выше, чем в старых промышленных странах. Империалистические державы превращаются постепенно в своего рода рантье, живущих с доходов с отсталых стран, а все остальные страны мира превращаются постепенно в данников нескольких богатых государств. Буржуазия богатых стран частью своих громадных доходов (крохами со своего стола) делится и со своим пролетариатом, точнее, некоторыми слоями пролетариата, наиболее квалифицированными и организованными его слоями. Благодаря этому, в первый период империализма продолжается дальнейшее размагничивание революционной энергии рабочего класса богатых промышленных стран, продолжается и усиливается процесс развития в его среде соглашательских течений и тенденций [2]).

В то же время усиленный экспорт капиталов из империалистических стран еще более задерживает процесс пролетаризации крестьянства этих стран. Свободные капиталы утекают в колонии и полуколонии. В колониях идет, благодаря этому, бурный процесс развития капитализма, в них пролетаризуются миллионы и десятки миллионов мелких самостоятельных производителей-ремесленников и особенно крестьян. Мелкое землевладение же в капиталистических странах обнаруживает замечательную живучесть, что дает повод соглашателям ревизовать учение Маркса по аграрному вопросу. Соглашатели не видят и не хотят видеть [3]),

---

[1]) Резолюция конференции большевиков в марте 1915 г. (написана, кажется, Лениным): «Известные слои рабочего класса (бюрократия в рабочем движении и рабочая аристократия, которой перепадала частица от эксплоатации колоний и от привилегированного положения их «отечества» на мировом рынке, а также мелкобурж. попутчики внутри социалистич. партий и явились главной социальной опорой этих тенденций (социал-патриотических. *И. Л.*) и проводниками влияния буржуазии на пролетариат».

[2]) Более подробно о роли, значении и размерах экспорта капиталов накануне войны в ст. автора в «Вестнике Ком. Академии» № 11 за 1925г.: «О теории империализма Ленина и теории накопления Розы Люксембург».

[3]) Удивительное дело, насколько близоруки в своей критике основ марксизма буржуазные ученые и оппортунисты. Мыслить углубленно они не умеют. Глубокого анализа явлений они боятся, как чорт ладана. Особенно слабым местом у них является об'яснение империализма. Никто почти из них не понимает великого значения экспорта капиталов и всех его последствий, на что десятки раз указывал Ленин. Считаем необходимым привести здесь одно место из произведения Ленина, написанного им еще в конце XIX в.: «Развитие капитализма в глубь в старой, издавна населенной территории задерживается вследствие колонизации окраин. Разрешение свойственных капитализму и им порожденных противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь. Например, одновременное существование самых передовых форм земледелия представляет собою, несомненно, противоречие. Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колони-

что миллионы немецких и французских крестьян сохранили свою самостоятельность, как мелкие производители (видимо сохранили, на самом деле и они находились в кабале у капиталистов, и их владения покрыты были ипотечными долгами) лишь благодаря тому, что в то же время были превращены в пролетариев и полупролетариев десятки, если не сотни миллионов землевладельцев в Индии и Китае, в Египте и Южн. Америке, на Востоке и в России.

Таким образом в этот первый период империализма социальные отношения в старых богатых промышленных странах достигают некоторой стабилизации (временной). Соглашательские тенденции пролетариата усиливаются, гражданский мир укрепляется, устойчивым продолжает оставаться и положение крестьянства.

Совсем другой процесс происходит в отсталых индустриализуемых аграрных странах. Там в это время возникает и с бешеной быстротой развивается капитализм и происходит бурная ломка старых устоев. Старые общественные группировки отмирают, новые вырастают. Все это, главным образом, благодаря беспрерывному притоку золота из богатых материнских стран в эти колонии и полуколонии.

Но этот мирный (сравнительно мирный, конечно), первый период империализма продолжается недолго. Монополистический капитализм все развивается, тресты и синдикаты становятся международными. Они разделяют между собой мир, борьба за источники сырья становится все ожесточеннее, конкуренция экспортируемых капиталов становится все острее. Каждая новая концессия вызывает все большие трения и международные конфликты. Молодые империалистические страны (Германия), не имеющие колоний, требуют нового передела мира[1]). Капиталы безопаснее всего экспортировать в свои собственные колонии или полуколонии. Экспорт капиталов в чужие независимые страны

зуемых окраинах (для фабрикантов), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение. Само собою разумеется, что такое замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем» (Ленин, Развитие капитализма в России, глава VIII, § V). В этих кратких, но бесконечно содержательных словах—ключ к пониманию всего, как будто своеобразного, хода русской истории XIX и начала XX в.в., и притом ключ марксистский, без примеси «мессианства», «славянофильства» и т. п. мистификации исторической науки, а также разных «марксистских» (в кавычках) отсебятин. Эти слова содержат также ключ к пониманию процесса развития капиталистических стран в связи с их колониальной политикой, особенно в эпоху империализма, то есть в эпоху усиленного экспорта капиталов из промышленных стран в аграрные государства (до войны). Сколько буржуазных ученых, а также ревизионистов проглядели этот процесс! Недалеко от этих ревизионистов-оппортунистов ушли и ревизионисты-коммунисты (Варга и др.). Ревизионизм первых об'ясняется и злым умыслом и путаницей в сочетании с невежеством. Ревизионизм последних, однако,—исключительно путаницей и невежеством, нередко переходящим в комчванство. В этом главное и единственное отличие первых (ревизионистов социал-предателей) от последних (ревизионистов-коммунистов).

[1]) «Неравномерность экономического и капиталистического развития есть безусловный закон капитализма». (Ленин). «Этот закон состоит в том, что развитие отдельных предприятий трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит неравномерно, не в порядке установившейся очереди, а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран, и со скачками вперед в развитии других» (Сталин).

связан, ведь, с большим риском. Вложенные капиталы можно национализировать, можно конфисковать, построенные фабрики можно разрушать, мосты взорвать и т. д. Для завоевания новых колоний и для защиты старых необходима сильная армия, и в особенности сильный флот. Сильная вооруженная сила необходима и для получения концессий. Она же необходима и после получения концессий для защиты интересов капиталистов-концессионеров. Страна, экспортирующая капиталы, должна быть поэтому сильно вооружена. Экспорт капиталов неизбежно влечет за собой агрессивную внешнюю политику и крайнее усиление милитаризма и маринизма. В конце концов становится неизбежным вооруженное столкновение разных империалистических групп и коалиций; неминуемой становится империалистическая война, и тогда начинается второй период империализма.

Чем характеризуется этот второй период? Нам кажется, что не будет большой ошибкой, если мы примем за главный признак этой второй эпохи империализма—превращение промышленных стран в колонии. Одни аграрные страны уже недостаточны для помещения свободных капиталов. Необходимы новые колонии. Откуда их взять? Весь мир, ведь, уже разделен. И вот на наших глазах совершается своеобразная «колонизация» [1]) Австрии и особенно Германии (план Дауэса). В результате империалистической войны одна группа империалистских держав оказывается разбитой, буржуазия этих стран не только лишается всех своих колоний и почти всех своих заграничных капиталов, она насильственно принуждается еще платить дань державам победительницам. В таком положении оказываются не только державы, разбитые на войне, но даже державы победительницы, разбитые экономически (Франция победила на войне, но она экономически разбита, и многое говорит за то, что и ее ожидает новый план Дауэса, хотя, конечно, в более мягкой форме). Не имея чем платить, эти разбитые капиталистические страны вынуждены прибегать к заграничным займам на неслыханно тяжелых для развитых промышленных стран условиях. Так, Германия и даже Франция платят теперь свыше 8% по своим иностранным займам. Иными словами, капиталистические державы, ранее сами вывозившие капиталы, теперь становятся странами импорта капиталов, начинают играть роль колоний для более богатых стран.

Буржуазия этих стран, лишившись своих заграничных источников обогащения, тем самым лишается возможности делиться сверхприбылью со своим пролетариатом. Для своего обогащения она вынуждена усилить эксплоатацию собственного рабочего класса. Пролетариату разбитых империалистских стран приходится, кроме того, платить дань иностранным капиталистам, импортирующим капитал в эти страны. Для того, чтобы уплачивать эту дань, для того, чтобы платить контрибуцию, промышленной колонии приходится, если не иметь активный торговый баланс, то во всяком случае усилить свой экспорт. Для усиления экспорта буржуазия промышленных колоний имеет всего два

---

[1]) «Война, путем Версальского договора, навязала им (побежденным странам. *И. Л*) такие условия, что передовые народы оказались в положении **к о л о н и а л ь н о й з а в и с и м о с т и**, нищеты, голода, разорения и бесправности, ибо на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил» (Ленин, Доклад на III конгрессе Коминтерна. Курсив наш. *И. Л.*).

способа: увеличение вывоза своих товаров (промышленных) и уменьшение ввоза чужих товаров (земледельческих). Уменьшение ввоза сырья—пищи промышленности—немыслимо, так как это неминуемо вызывает уменьшение продукции, а следовательно, и вывоза. Остается только уменьшение ввоза продуктов питания широких трудящихся масс. Для увеличения вывоза необходимо удешевление продукции, что опять может быть достигнуто только понижением заработной платы. Таким образом буржуазия разбитых империалистских стран (промышленных колоний) по многим причинам вынуждена усилить эксплоатацию своего пролетариата и довести ее до крайних пределов во всех отношениях. Буржуазии этих стран не до охраны рабочего класса, не до социального законодательства. Ей не до жиру, лишь быть бы живу. Она доводит эксплоатацию пролетариата до невероятных размеров и стремится к максимальному сокращению расходов по воспроизводству рабочей силы.

Подкуп верхушек всего рабочего класса заменяется буквальным подкупом вождей соглашательских партий рабочего класса (Барматовщина в Германии).

В то же время буржуазия этих стран приступает к экспроприации средней и мелкой буржуазии как городской, так и деревенской. Лишившись возможности грабить крестьян Турции и Африки, немецкая и не только немецкая—это происходит во всех капитал. странах с инфляцией—буржуазия пускается на грабеж своих собственных крестьян, ремесленников и мелких торгашей. Ведь, «нужда не знает законов» (знаменитые слова Бетмана-Гольвега, немецкого рейхсканцлера, 4 августа 1914 г.). Она отнимает у них их мелкие сбережения, она лишает их плодов их долголетних трудов. Инфляцией, налогами, спекуляцией и грабежом казны крупная буржуазия общипывает, как липку, мелкую буржуазию. Закон обнищания Маркса, столько раз опровергнутый буржуазными учеными и ревизионистами, вдруг вновь выступает во всей своей голой грозной силе.

Таким образом мы видим, как изменяются классовые взаимоотношения во время империализма во время катастрофического существования капитализма. Пролетариат передовых промышленных стран возвращается опять как бы к своему исходному положению. Ему опять терять нечего, кроме своих цепей. Он лишается многих своих завоеваний, добытых им в результате долголетней мирной классовой борьбы. И тогда пролетариат постепенно вступает на путь решительной революционной классовой борьбы. Соглашательские иллюзии все больше и больше теряют свою силу, пролетариат постепенно начинает сознавать, что ему для сохранения своего существования ничего не остается, как взять на себя роль решительного могильщика капитализма. Но это совершается не сразу. Это—процесс длительный, болезненный, полный зигзагов. Старое соглашательское наследие продолжает еще долго тяготеть над пролетариатом. Соглашательским партиям всячески помогает и буржуазия, она им содействует в их усердной работе по задержанию революционного развития пролетариата. Но этот процесс в конце концов неминуемо должен завершиться отказом большинства пролетариата от соглашательских иллюзий и лжи и завоеванием этого большинства коммунистической партией.

Было бы грубейшей ошибкой думать, что изменяется положение пролетариата только побежденных стран. Положение рабочего класса ухудшается в большинстве капиталистических стран. Усиление эксплоатации пролетариата в одних промышленных странах неминуемо вызывает ухудшение его положения и в других странах. Мы это видим на наших глазах. Положение рабочих в Германии уже сейчас вызывает ухудшение положения рабочих в Англии. Если план Дауэса будет проведен, то мировой рынок будет затоплен дешевыми германскими продуктами, и наступление капитала на пролетариат Англии будет все время усиливаться. «Сегодня» германского рабочего —это «завтра» английского, и это начинают понимать наиболее дальновидные английские пролетарии. Страх перед планом Дауэса и его последствиями—одна из причин полевения английского пролетариата.

Во второй период империализма изменяется в сильнейшей степени и положение крестьянства, особенно в побежденных промышленных странах. Это уже ясно из всего вышеизложенного. Крестьянство капиталистических стран истекает кровью на войне и разоряется после войны (во время войны крестьянство как будто богатеет, благодаря растущей дороговизне на продукты питания. Но это только кажущееся обогащение. После войны накопленные богатства вылетают в трубу, благодаря инфляции и т. д. В настоящее время положение широких слоев крестьянства во Франции, Германии, на Балканах и других странах весьма тяжелое. Идет быстрая пролетаризация земледельческого населения. Только крайне незначительные слои крестьянства благоденствуют). Империализм революционизирует, таким образом, и крестьянство капиталистических стран. Правда, этот процесс еще более зигзагообразный, чем процесс революционизирования пролетариата. Крестьянин—мелкий собственник с узким кругозором. Недовольство крестьянина нередко бросает его в об'ятия самой черной реакции. Он начинает мечтать о реставрации давнего прошлого. Но в конце концов при умелом подходе к крестьянству со стороны пролетариата и его авангарда недовольство земледельческого населения результатами империалистской политики должно выливаться и уже сейчас начинает выливаться в стремление к низвержению капитализма и к установлению власти трудящихся.

В колониальных странах второй период империализма сопровождается бурным процессом индустриализации со всеми его последствиями. Крестьянство разоряется, пролетаризуется, лишается своей самостоятельности, оно охватывается все более глубоким недовольством существующей эксплоатацией, в первую очередь, конечно, иностранной эксплоатацией (события в Индии, Китае, Турции, Египте и других странах). Вместе с тем, возникает молодой класс—пролетариат. Он растет не по дням, а по часам, и его развитие идет по тому пути, который свойственен вообще пролетариату в индустриализуемых аграрных странах на заре их капиталистического развития (см. выше).

Пробуждается Восток и выдвигает свои требования. Повсюду таким образом подготовляется почва для союза пролетариата с крестьянством, для союза, который должен иметь своей конечной целью низвержение капитализма и установление власти трудящихся для перехода к социализму.

Первые прорывы империалистского фронта и союз пролетариата с крестьянством.

Где же могут происходить первые прорывы империалистского фронта? Конечно, «прорыв фронта империализма вероятнее всего может произойти в тех странах, где цепь империализма слабее, т.-е. где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться» (Сталин).

Где же это? На этот вопрос могут быть два ответа. Слабее всего позиции империалистов, во-первых, в побежденных промышленных странах, во-вторых, в странах аграрных, быстро и бурно индустриализуемых. В побежденных империалистских странах имеется на-лицо банкротство отечественной буржуазии, имеется и крайняя эксплоатация пролетариата и разоряемая мелкая буржуазия. Но в этих странах над пролетариатом тяготеет наследие соглашательского прошлого, мертвый хватает живого, идеология, выработанная в эпоху органического развития капитализма и первого периода империализма, тяжелым кошмаром давит на мозг рабочего класса. Необходимо время, и продолжительное время, пока пролетариат сбросит со своих плеч обузу прошлого. Кроме того, эти страны находятся в крайней зависимости от мирового рынка. Им не хватает своего собственного хлеба, они нуждаются в привозных продуктах питания. В случае победоносной пролетарской революции в какой-нибудь из таких стран (если нет еще диктатуры пролетариата в крупной аграрной стране) ей может угрожать голодная смерть от блокады (германские и австрийские соглашатели в 1918 г. все время играли на этом призраке голода. В своих записках и Адлер и Бернштейн и другие соглашатели признают, что не будь угрозы прекращения подвоза американского хлеба, соглашателям навряд ли удалось бы удержать пролетариат от провозглашения советской власти. Россия тогда была еще слишком слаба. Сама голодала и не могла служить в достаточной степени источником питания для пролетариев Запада). Этих двух препятствий нет в индустриализуемых аграрных странах. В них пролетариат революционен. Соглашательские тенденции не особенно вкоренились в его среде. Для этого не было экономических предпосылок. Мозг пролетариата еще не отравлен оппортунистическим ядом. Крестьянство этих стран, разоряемое, пролетаризуемое и к тому еще страдающее нередко от остатков феодализма [1], также полно недовольства и ищет выхода из тупика. Пролетарской революции в этих странах не так угрожает и призрак голода. В таких аграрных странах своего хлеба обыкновенно много, его даже вывозят. Блокада не так страшна для таких стран.

Проблема союза пролетариата с крестьянством становится, таким образом, важнейшей проблемой социалистической революции, ибо без правильного разрешения этой проблемы социалистическая революция становится не только трудной, но и невозможной. Если наиболее революционным пролетариатом является пролетариат индустриализуемых молодых капиталистических стран,

пролетариат стран с разлагающимся крестьянством, если в этих странах только и мыслимы первые прорывы фронта эксплоататорского строя, то что получается? Ведь, пролетариат в таких молодых капиталистических странах находится в меньшинстве, нередко в незначительном меньшинстве. Вырвать власть из рук господствующего класса не может класс угнетенный, находящийся к тому же в меньшинстве. Для победы и для удержания плодов победы такому классу необходимы союзники. Союзниками же пролетариата в таких странах могут быть только трудящиеся крестьяне. Рабочий класс в таких странах весьма связан с крестьянством, ибо крестьянство это—«вчера» пролетариата. Крестьянство в свою очередь весьма связано с пролетариатом, ибо пролетариат это—«завтра» крестьянства. У многих рабочих родители в деревнях. У некоторых пролетариев даже жены и дети. У многих крестьян—дети в городе на фабриках, а подрастающее поколение сел и деревень готовится уходить на заводы. В таких странах крестьянству, кроме того, приходится страдать, как мы уже говорили, и от пут остатков феодализма. Эксплоатация же иностранного капитала неизбежна во всех таких государствах. Поэтому в таких государствах и наиболее возможен, точнее неминуем, союз крестьянства с пролетариатом. Но при этом пролетариат, как класс наиболее передовой, наиболее организованный, наиболее сплоченный и наиболее эсплоатируемый, должен оставаться гегемоном революции. Лишь при диктатуре пролетариата мыслима победа не только пролетариата, но и трудового крестьянства. Крестьянство молодых капиталистических стран (точно так же как и крестьянство побежденных старых капиталистических стран) нуждается в диктатуре пролетариата не менее, чем сам пролетариат, как странно это ни звучит.

Революция же в молодых капиталистических странах отнимает лучшую опору и значительное поле деятельности и у капиталистов старых империалистских государств. Она же становится союзником пролетариата империалистских стран. Тем самым революция в молодых капиталистических странах толкает на путь к социализму и пролетариат старых богатых империалистских государств. Другого пути для мировой пролетарской революции нет и быть не может (см. производ. Ленина, его доклады на конгрессах Коминтерна и особенно его статью «Лучше меньше, да лучше»). Только через союз молодого революционного, хотя и немногочисленного пролетариата юных капиталистических стран с огромным многомиллионным, разоряемым, разлагающимся, а потому крайне недовольным и революционно настроенным крестьянством этих же стран может восторжествовать пролетарская революция.

События в Германии, ее поражение, обнищание и разорение показывают нам, как медленно, хотя неуклонно продвигается процесс революционизирования пролетариата в странах, где капитализм преобладает, где пролетариат, хотя составляет большинство населения, по долгое время был в плену у соглашателей (потому что некоторые его слои были экономически связаны с буржуазией). И когда, в результате продолжительного применения плана Дауэса, пролетариат Германии, превращенной фактически в капиталистическую колонию, решительно встанет на путь коммунистической революции, тогда эта революция может

[1] Чем позже капитализм проникает в какую-нибудь страну, тем он, при прочих равных условиях, менее устойчив; ибо тем реакционнее местная буржуазия, тем слабее борется она, напуганная опытом классовой борьбы пролетариата в других странах, с остатками феодализма, тем скорее она заключает союз с дворянством против рабочих и крестьян.

восторжествовать и восторжествует, как результат союза пролетариата германо-российского с многомиллионным крестьянством народов СССР.

Но эта проблема (союза пролетариата с крестьянством) приобретает еще большее значение, если на нее посмотреть с точки зрения всемирной революции. Настоящее положение мирового хозяйства в целом весьма похоже на положение индустриализуемой аграрной страны на заре капитализма. Промышленных пролетариев на всем земном шаре едва ли больше 150—180 миллионов, если не меньше. Крестьян же едва ли меньше 1.100—1.200 миллионов (включая и деревенских полупролетариев). Но крестьянство разлагается, капитализм проникает повсюду и повсюду разрушает старые устои. Это—уже не обыкновенный капитализм, это—монополистический капитализм, капитализм мировых трестов и банков, капитализм катастрофический. Дальнейшее органическое (мирное) развитие капитализма немыслимо. Перед человечеством сейчас уже стоит и будет стоять до победы пролетариата хотя бы в нескольких крупных странах, дилемма: либо диктатура пролетариата, советская власть и переход к социализму; либо дальнейшее существование капитализма и тогда гибель культуры и вырождение человечества от империализма и его войн. Сам от себя капитализм автоматически погибнуть не может. Нет абсолютно безвыходных положений для господ капиталистов (слова Ленина на 2 конгрессе Коминтерна). Если пролетариат будет бездействовать, капиталисты всегда найдут выход из любого положения, выход за счет жизни десятков миллионов людей и здоровья сотен миллионов. Значит, сидеть, сложа руки, и ждать дальнейшего развития капитализма, ждать превращения большинства населения земного шара в пролетариев, как это советуют некоторые оппортунисты, пролетариат не может. Эпоха социалистической революции наступила, и пролетариат для своего собственного спасения от гибели и для избавления всего человечества от вырождения должен действовать, должен сейчас же начать борьбу за свою диктатуру. Социалистическая революция стоит в порядке дня. Но как действовать пролетариату? Ведь он—меньшинство. Одному ему не свергнуть мирового капитализма, одному ему не удержать власти и после свержения капитализма. Для победы пролетариату необходим союзник, и союзником его может быть только крестьянство. И не только крестьянство Европы, но, главным образом, крестьянство колониальных и полуколониальных стран, крестьянство Востока и Африки. И если в ближайшие годы или ближайшие десятилетия социалистическая революция восторжествует во всемирном масштабе, то торжество этой революции будет достигнуто исключительно, как результат союза 150—180 миллионов пролетариев всего мира с 1.100—1.200 милл. крестьян колониальных и полуколониальных стран.

Идеология пролетариата.

Все вышеизложенное об'ясняет нам многое и в идеологии пролетариата. Соглашатели, социал-оппортунисты нередко издеваются над нашими большевистскими взглядами на пролетарскую идеологию. Они называют эти взгляды мистическими и из кожи лезут вон, чтобы доказать, что эти взгляды далеки от марксизма. «Почему,—спрашивают они,—пролетарская идеология свойственна

рабочим Владимира, Иваново-Вознесенска, Краснококшайска, в то время, как потомственные пролетарии Англии, Франции, Америки проникнуты мелкобуржуазными взглядами? Промышленным пролетариям Запада и Америки большевистская пролетарская идеология,—говорят соглашатели,—недоступна и непонятна, как китайская грамота за 7 печатями; для полурабочих же, полукрестьян России или Болгарии эта идеология является как бы врожденным шестым чувством. Разве это марксизм?» Конечно, дело не в мистике. Ларчик просто открывается. Причина этого явления—в экономике.

Верхушке рабочих Запада и Америки долгое время было что терять (крохи со стола буржуазии), поэтому ей и чужда была та идеология пролетариата, о которой говорит Маркс, т.-е. идеология пролетариата, которому терять нечего, кроме своих цепей. Рабочим молодых капиталистических стран с разлагающимся крестьянством терять, действительно, нечего[1]). Капиталисты стараются поскорее и побольше извлекать из этих пролетариев прибавочной стоимости. Никакой солидарности интересов между пролетариатом и капиталистами нет и о ней не может быть никакой речи. Не только крох со стола буржуазии пролетариат не получает; он еще вынужден продавать свою рабочую силу гораздо ниже ее стоимости. Поэтому, когда пролетариат

---

[1]) «Тут мы должны поставить вопрос, чем об'ясняется прочность таких направлений (соглашательских. *И. Л.*) в Европе и почему этот оппортунизм в Западной Европе сильнее, чем у нас. Да потому, что передовые страны создали и создают свою культуру возможностью жить за счет миллиардов угнетенных людей. Потому, что капиталисты этих стран получают много сверх того, что они могли бы получить, как прибыль от грабежа рабочих своей страны. До войны считали, что три богатейших страны: Англия, Франция и Германия, от одного только вывоза капитала за границу, не считая других доходов, имеют в год 8—10 миллиардов франков дохода. Понятно, что из этой милой суммы можно бросить хотя бы полмиллиарда на подачку рабочим вождям, рабочей аристократии, на всякого рода подкупы. Все дело сводится именно к подкупу. Это делается тысячами разнообразных путей: повышением культуры в наиболее крупных центрах, созданием образовательных учреждений, созданием тысячи местечек для вождей кооперативов, для вождей тред-юнионов, парламентских вождей. Но это делается везде, где есть современные цивилизованные капиталистические отношения. Эти миллиарды сверхприбыли есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении» (Ленин, Доклад на II конгрессе Коминтерна).

«В чем же экономическая основа этого всемирно-исторического явления (раскола II и III Интернационалов, *И. Л.*)? Именно в паразитизме и загнивании капитализма, которые свойственны его высшей исторической стадии, т.-е. империализму. Как доказано в настоящей книжке, капитализм выделил теперь горстку (менее одной десятой доли населения земли, при самом «щедром» и преувеличенном расчете менее одной пятой) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят простой «стрижкой купонов» весь мир. Вывоз капитала дает доход 8—10 миллиардов франков в год, по довоенным ценам и довоенной буржуазной статистике. Теперь, конечно, много больше. Понятно, что из такой гигантской сверхприбыли (ибо она получается сверх той прибыли, которую капиталисты выжимают из рабочих «своей» страны) можно подкупать рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Ее и подкупают капиталисты «передовых» стран—подкупают тысячами способов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых. Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная социальная (не военная) опора буржуазии. Ибо это—настоящие агенты буржуазии в рабочем движении, рабочие приказчики класса капиталистов, настоящие проводники реформизма и шовинизма» (Ленин, Предисловие к немецкому и французскому изданию книги «Империализм»,— XVII, изд. 1923 г., стр. 248. Курсив везде оригинала).

индустриализуемых аграрных стран освобождается от идеологии господствующих классов и приступает к созданию своей собственной идеологии, он создает идеологию революционную, насквозь проникнутую ненавистью к эсплоататорскому строю.

Конечно, пролетариям молодых капиталистических стран в этом процессе создания своей собственной классовой идеологии помогает и прошлое рабочего движения. Накопленный опыт пролетариев других стран облегчает работу пролетариям более молодых промышленных государств. Тот факт, что русский пролетариат, в отличие от английского и германского, уже у колыбели своего классового движения имел «Капитал» Маркса и теорию исторического материализма, конечно, весьма содействовал революционизированию российского рабочего движения и крайне способствовал развитию классового самосознания российского пролетариата, его превращению из класса в себе в класс для себя. Но корни все-таки кроются в экономике.

Конечно, это не значит, что пролетариям империалистских государств не может быть доступна пролетарская идеология в марксистском и ленинском смысле этого слова. На наших глазах миллионы потомственных квалифицированных пролетариев Германии все больше и больше проникаются настоящей большевистской идеологией. Этот процесс начинается уже и в других капиталистических странах, даже в Англии. Речь идет только о том, почему эта идеология легче всего усваивается пролетариями молодых стран, у которых нет проклятого наследия соглашательского прошлого.

Ленинизм и марксизм.

Таким образом, мы видим, как из экономических законов, установленных Марксом, в частности из закона трудовой стоимости, вытекает разрешение проблемы союза пролетариата с крестьянством в эпоху империализма, представляющее собою одну из основ ленинизма. Мы видим, таким образом, что ленинизм органически вытекает из марксизма, что ленинизм есть марксизм эпохи империализма и крушения капитализма. Этим самым ленинизм отличается от всякого оппортунизма как ревизионистского толка (типа Бернштейна, Реннера и К°), так и «ортодоксального» (типа Каутского, Мартова и К°). Оппортунисты, соглашатели II Интернационала распадались на две группы. Представители одной группы (Каутский, Мартов и К°) были как бы верны букве Маркса. По каждому поводу и без всякого повода у них была готовая цитата из Маркса. С живой изменившейся обстановкой они мало считались. Это—одна группа. Другая группа состояла из ревизионистов, которые только тем и занимались, что доказывали непригодность учения Маркса в изменившейся мировой ситуации. «Маркс устарел, Маркс нуждается в поправках, надо критиковать Маркса»,—постоянно твердили эти молодчики. Таким образом социал-соглашатели, поскольку они были ортодоксами (т. е. придерживались цитат из Маркса), они не были диалектиками (не подходили к решению проблем с точки зрения живой, постоянно меняющейся действительности); поскольку же соглашатели были «диалектиками» (горе-диалектиками—пробовали изучать действительность, да заблудились в трех соснах), они не

были ортодоксами (отрекались от учения Маркса). Поэтому на деле и те и другие не были ни ортодоксами, ни диалектиками [1]).

«Учение Маркса есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории подытоживание опыта». «Оно не догма, а руководство к действию» (Ленин). Ленинизм есть дальнейшее подытоживание опыта, есть руководство к действию в эпоху социалистической революции. Ленинизм сочетает верность марксизму на-ряду с самым серьезным изучением конкретной действительности. Ленинизм есть поэтому настоящий, диалектический марксизм. В н е л е н и н и з м а н е т м а р к с и з м а в э п о х у и м п е р и а л и з м а.

Маркс в свое время не мог конкретно решить проблемы союза пролетариата с крестьянством. Обстоятельства для этого не созрели еще тогда, во времена Маркса. Но своим гениальным умом Маркс предвидел важность этого пролетарского союза с крестьянством, и в своем письме к Энгельсу писал, что второе изданно крестьянской войны в Германии во многом облегчило бы задачи рабочего класса в его революции.

В эпоху империализма этот союз стал вопросом жизни и смерти как для пролетариата, так и для трудящегося крестьянства. Ленин, который в своих экономических трудах занимался изучением экономических связей и взаимоотношений пролетариата с крестьянством в аграрной стране с молодой промышленностью («Развитие капитализма в России») и экономическим об'яснением империализма; Ленин, доказавший, что в эпоху империализма дальнейшее органическое развитие капитализма немыслимо, что противоречия капитализма настолько остры, что дальнейшее существование капитализма должно постепенно переходить в его загнивание и вместе с тем в вырождение человечества;—Ленин первый и дал правильное разрешение проблемы союза трудящихся городских заводов с трудящимися деревенских полей.

Роза Люксембург была хорошая революционерка, но она ошиблась в своей теории накопления. Она видела главнейшие затруднения капитализма в невозможности, по ее мнению, накопления в чистом капиталистическом обществе, состоящем из одних капиталистов и пролетариев. Исходя из неразрешимых, по ее теории, противоречий чистого капитализма, где отсутствует крестьянство, а не, как Ленин, из конкретных противоречий монополистического капитализма, Роза пыталась об'яснить современную захватническую политику империализма. Согласно ее теории, абсолютное неизбежное загнивание капитализма наступает только при полном исчезновении крестьянства. Пока же дают себя чувствовать тенденции этого развития, которые тоже достаточны для гибели всей капиталистической системы (Анти-критика, стр. 34). Поэтому она пытается об'яснить империализм, абстрагируясь совершенно от главной действительной причины этого явления, от существования мировых трестов, синдикатов и банков. Существование же крестьянства, согласно теории Розы Люксембург, является об'ективной помехой для победы пролетариата,

[1]) В последнее время, после войны и российской революции, произошло слияние этих двух групп соглашателей. Каутский отрекся от диктатуры пролетариата, являющейся, по словам самого Маркса, главной основой марксизма. Таким образом произошло «врастание» Каутского в Бернштейна (по удачному выражению Д. Марецкого).

ибо облегчает существование капитализма. Поэтому Роза не видела и не могла видеть возможной революционной роли крестьянства сейчас; в настоящее время, когда противоречия капитализма, несмотря на существование больше миллиарда крестьян, уже приближаются к своему максимуму и требуют разрешения в виде пролетарской революции, так как мировые тресты и синдикаты достигли почти высшей точки своего возможного развития. Поэтому она и занимала неправильную позицию в крестьянском и национальном вопросах, поэтому она и не понимала правильности тактики большевиков после Октября 1917 г. (чит. ее книгу, написанную в тюрьме в 1918 г. и выпущенную ренегатом Паулем Леви); поэтому она ошибалась и в 1905 г.

А. Панкратова.

Левое крыло Амстердамского Интернационала и борьба за единство.

«Проблема единства профдвижения—это вопрос жизни или смерти рабочего класса».
(Из речи т. Зиновьева на VI с'езде профсоюзов СССР).

«А так как английский рабочий имеет безусловно решающее значение на чашке весов социального освобождения вообще, то важно именно в Англии найти точку опоры».
(Из письма Маркса Кугельману, «Письма Маркса и Энгельса», стр. 177).

Исторические корни раскола в мировом рабочем движении.

Общая картина раздробленности и расщепления послевоенного мирового профдвижения достаточно известна.

В основном это расщепление рабочего движения во всем мире идет по линии тех основных тактических разногласий, которые раскалывали рабочий класс еще до войны, и которые, в общем, сводились к отступлению от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики.

Ревизионизм (оппортунизм, реформизм), с одной стороны, анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм), с другой,—таковы были два основных отклонения от марксистского, социал-демократического пути, по которому шла и развивалась борьба рабочего класса как политическая (партии), так и экономическая (профсоюзы). Коренная причина, постоянно порождающая эти отступления от марксизма, лежала в самом экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран.

Эта же причина вызвала и те типичные особенности массовых рабочих экономических организаций, которые в результате дали различные не только по структуре, но и по тактическим и принципиальным положениям основные типы довоенного профессионального движения: тред-юнионы (Англия), синдикаты (Франция), геверкшафты или социал-демократические союзы (Германия).

Капитализм в различных странах и в разных областях народного хозяйства развивается не одинаково как по темпу, так и по качественным признакам. Самый процесс его развития диалектичен, идет в противоречиях и путем противоречий. Капитализм прогрессивен, поскольку он уничтожает старые способы производства, поскольку он развивает производительные силы, поскольку он создает, развивает, организует, дисциплинирует новый

прогрессивный общественный класс—пролетариат. Капитализм регрессивен, когда он на известной ступени своего развития задерживает рост производительных сил, когда он не в состоянии перейти на новую технически более целесообразную, высшую основу, когда он ведет к вырождению, закабалению и уничтожению рабочий класс.

Марксизм учит массы понимать эту диалектичность капиталистического процесса развития и в соответствии с этим строить свою тактику, имея в виду всегда прогрессивные задачи общественного развития в целом, интересы и исторические задачи рабочего класса в целом.

Но марксизм полно и прочно усваивается рабочим классом и его идеологами не везде и не всегда одинаково. В то время, как передовые элементы рабочего класса, живущего и развивающегося в условиях наибольшего развития крупного производства, усваивают теорию и тактику марксизма полностью, другие рабочие, особенно живущие в условиях отсталых или отстающих экономических отношений, усваивают только некоторые стороны марксизма, только отдельные его лозунги и требования, преувеличивая и возводя в одностороннюю систему теории или тактики то одну, то другую черту капиталистического развития. С другой стороны, причиной, усиливающей эти происходящие в рабочем классе разногласия, является и сама тактика буржуазии. Отстаивая свое господство, буржуазия вырабатывала два метода борьбы за свои интересы: метод насилия и прямого отказа от уступок рабочему движению и метод «либерализма», постепенных и малых реформ, частичных уступок. В разных странах, в зависимости от характера и темпа капиталистического развития, буржуазия применяет то одну, то другую свою тактику, то комбинируя обе, в зависимости от реального соотношения сил. Иногда в течение довольно длительного периода буржуазия применяет одну и ту же тактику, способствуя тем самым выработке соответствующей однообразной тактики пролетариата. Так, в Англии «либеральная» буржуазная политика и тактика по отношению к рабочему классу помогла оформиться консервативному типу тред-юнионистской политики и тактики рабочего класса. В Германии поворот буржуазии к уступкам в 90-х годах вызвал поворот от тенденций анархо-синдикализма 80-х г.г. к оппортунизму в рабочем движении, как отражению буржуазного реформаторства. Империализм оформил и укрепил оппортунизм в рабочем классе, создав экономическую возможность за счет монопольно-высоких прибылей и эксплоатации колоний, подкупа буржуазией верхних прослоек пролетариата.

Таким образом эпоха империализма должна была создать еще более серьезные тенденции к расколу рабочего класса, выделяя привилегированные группы рабочих (так называемую рабочую аристократию), откалывая их от широкой массы пролетариата, привлекая на сторону буржуазии данной страны и заинтересовывая их в ее поддержке и процветании сравнительно с другими.

Наконец, разногласия внутри рабочего движения порождаются и тесным соприкосновением и родственными связями рабочего класса с различными слоями мелкой буржуазии, в частности, крестьянства. Переход разоряющихся отдельных групп и слоев мелкой буржуазии к пролетариату, количественный рост пролетариата, пополняемого все новыми и новыми, классово не обработанными, политически еще не воспитанными элементами, вносит некоторые отклонения и задержки в развитие массового рабочего движения. Отсюда — неизбежный рост шатаний и колебаний, временный возврат к устарелым взглядам, методам, тактическим приемам. Буржуазии выгодно поддерживать эти разногласия в рабочем классе. Она ими пользуется, отрывая и вовлекая в орбиту своего влияния, подкупая и деморализуя отдельные части, отдельные группы рабочего класса, затемняя его классовое сознание либеральными и радикальными фразами и посулами, обманывая его мелкими реформами и частичными уступками, сводя классовые противоречия к несущественным различиям, легко будто бы устраняемым в условиях «политической» и «производственной» демократии.

«Введение в заблуждение рабочих, внесение раскола в их среду, превращение их политики в бессильный придаток бессильного и эфемерного реформаторства», — говорит справедливо голландский марксист Паннекук («Тактические разногласия в рабочем движении»),—такова позитивная, реальная цель либеральной политики буржуазии.

Эта буржуазная тактика питает и усиливает ревизионизм в рабочем движении, доводя разногласия внутри него до прямого раскола.

Война и, особенно, послевоенное время, когда усилились и осложнились тактические зигзаги буржуазии по отношению к рабочему классу, усилили и усложнили и разногласия внутри рабочего класса и рабочего движения.

Борьба двух основных тенденций в рабочем классе—реформистского и революционного—в современном рабочем движении превратилась в острое столкновение враждующих друг с другом группировок в мировом профессиональном движении. Профсоюзы всего мира раскололись на целый ряд различных, иногда резко враждебных, группировок. Первое место занимают **реформистские союзы**, воспринявшие идеологию реформизма, отказавшиеся от классовой борьбы и провозгласившие принцип сотрудничества с буржуазией. Центром реформистского рабочего движения является Амстердамский Интернационал [1]). Он лишен активного боевого духа, давно порвал с революционной марксистской идеологией и, по существу, является лишь подсобной организацией буржуазии, орудием в ее руках, с целью подчинения и закабаления рабочих масс.

Численно вся реформистская группа профсоюзов, об'единяемая Амстердамским Интернационалом (из них наиболее значительными являются германские социал-демократические союзы и английские тред-юнионы), достигает едва ли 10 миллионов. По подсчету самого Амстердама еще года два назад, он об'единял 24 милл. членов, а в отчете МФПС (Международной Федерации Профессиональных союзов—она же «Амстердамский Интернационал»), составленном к Венскому Конгрессу, в конце 1923 г. насчи-

[1]) «Амстердамский Интернационал» — международная федерация профессиональных союзов (МФПС) — образовался в 1913 г. из Международного Центрального Бюро (позднее Международный Секретариат), существовавшего с 1903 г. Во время войны МФПС распалась. В 1919 г. восстановлена центр МФПС в Амстердаме, почему и называется иногда «Амстердамом», в отличие от Московского, т.-е. Красного Интернационала Профсоюзов (Профинтерн).

тывалось в рядах Амстердама 22 национальных организации с общим числом членов 16.528.072. Из об'единяемых Амстердамом национальных организаций только три (Канада, Палестина и Южная Африка) принадлежат к вне-европейским об'единениям. Америка и Восток, развивающееся движение рабочих в колониальных и полуколониальных странах Амстердамом совсем не организовано. Таким образом Амстердамский Интернационал нельзя даже назвать всемирной организацией. Он является фактически только европейским об'единением профсоюзов.

К этой же группе реформистских профсоюзов можно отнести союзы, об'единяемые американской федерацией труда, правым своим крылом сросшиеся с либеральной буржуазией, по идеологии и, особенно, по практике, примыкающие к желтым предпринимательским союзам.

К реформистской группе примыкают соглашательские синдикалистские организации Франции, либеральные (Гирш-Дункеровские) союзы Германии и др. Всей этой группе реформистских организаций противостоит группа революционных организаций, примыкающих к Красному Интернационалу Профсоюзов, об'единяющему под своим знаменем революционной классовой борьбы союзы, меньшинства и группы 49 стран, из них такие, как Индия, Ирландия, Корея, Турция, Китай, т.-е. те молодые революционные организации рабочего класса в колониях и полуколониях, которые только сейчас вовлекаются в активно-борющиеся с капиталом ряды международного пролетариата.

Самое возникновение Профинтерна явилось результатом той в основе своей раскольнической политики, какой отличается вся деятельность реформистов. «Профинтерн возник для того, чтобы собрать все революционные силы международного профессионального движения в целях борьбы против подчинения рабочих организаций империалистической Лиге Наций»,—так об'ясняет отчет Профинтерна III Конгрессу происхождение Профинтерна, но за пределами этих двух основных групп мы видим еще и другие, несколько особняком стоящие, группы профессиональных союзов, как национальные и фашистские (особенно в Италии, Германии и Польше), как союзы религиозные (католические—в Германии, Италии и др.; протестантские—в Голландии и др.). Но как открыто-буржуазные, контр-революционные фашистские союзы, так и только прикрывающиеся религиозным облачением, но также желтые буржуазные католические и протестантские союзы являются только переходной ступенькой к союзам пятой группы—желтым, откровенно содержащимся на предпринимательские средства профсоюзным об'единениям, из среды которых вербуются отряды штрейкбрехеров и дезорганизаторов рабочего движения.

Наконец, последняя группа, об'единяющая профсоюзы на революционной, но анархистской платформе, является группа анархо-синдикалистских организаций Испании, Португалии, Скандинавии, Америки (Индустриальные работники мира). Анархо-синдикалистские группы, частично, входят в незначительный по своему значению берлинский анархо-синдикалистский Интернационал. Но раскол в мировом рабочем движении этими основными группами не исчерпывается. Мы имеем в настоящее время не только три международные организации (Профинтерн, Амстердамский и Берлинский Интернационалы), не только существование многих параллельных профессиональных организаций внутри каждой из стран. Силы рабочего класса раздробляются и по линии незажитых, а, наоборот, поддерживаемых буржуазией антагонизмов национальных и расовых. Бойкот белыми рабочими желтого и черного труда (особенно борьба против допущения в союзы китайцев и негров) привел к созданию чисто-негрских и т. п. особых союзов...

Американские союзы, напр., закрывают свои двери для европейских рабочих иммигрантов. В ряде европейских стран, как Польша, где отдельно существуют польские и еврейские союзы, или Чехо-Словакия, имеющая самостоятельные чешские и немецкие союзы, национальный антагонизм также раскалывает рабочие ряды.

Маленькая Чехо-Словакия является особенно характерным примером той величайшей раздробленности, какая характеризует современное мировое профдвижение. Там существует шесть профессиональных центров и несколько независимых союзов и об'единений. В столь же небольшой Голландии мы имеем семь общепрофессиональных центров. Нет ни одной страны, за исключением СССР, где профессиональное движение было бы не только идейно, но хотя бы организационно едино. Таким образом раскол в современном рабочем движении представляет собой, с одной стороны, картину распада и внутреннего разложения реформистских рабочих организаций, прочно «врастающих» в капиталистический строй, а с другой стороны—является результатом быстрого революционизирования широких рабочих масс в послевоенное время.

Реформизм является главной и единственной опорой буржуазии в эпоху распада капитализма, является, следовательно, главным и единственным источником раскола.

Борьба против раскола есть борьба против капитализма и против реформизма. Борьба за единство есть борьба за победу рабочего класса над империалистической буржуазией. Но с такой расколотой армией рабочий класс не может победить в неравном бою с государственно-организованной буржуазией. Более того, в таком состоянии рабочий класс даже не в состоянии удержать своих позиций, своих основных завоеваний, как 8-часовой рабочий день, фабричное законодательство, рабочие организации и т. п.

Наоборот, чем дальше, тем меньше у него остается надежд и иллюзий относительно возможности самых элементарных улучшений своего положения.

Особенно это ясно видно теперь, при современной международной обстановке, характеризующейся временной стабилизацией капитализма. Временное улучшение кон'юнктуры в отдельных странах и ряд поражений рабочих революций в период послевоенной борьбы пролетариата с империалистической буржуазией дали возможность буржуазии к переходу в активное наступление на рабочий класс, а буржуазным апологетам—некоторый повод к возвеличению временного укрепления империализма в фазу «нормального капитализма», способствующего «автоматической подготовке социализма современной концентрацией капитала».

Процесс интернационализации капитала, правда, осложняемый внутренними противоречиями и колебаниями, все же дает некоторую (и не малую) возможность к давлению на рабочий

класс. Положение рабочего класса при капиталистической «стабилизации» становится еще более критическим и трудным. План Дауэса, повернувшись временно своей лицевой стороной к германским рабочим, уже показывает свою сущность рабочим Англии, Франции, Италии и другим, требуя «поравнения» по более низкому жизненному уровню и ухудшенным условиям труда германских рабочих. Всюду в Европе и даже в Америке заработная плата падает. Безработица попрежнему давит миллионными цифрами и безысходностью тупика, в каком очутились рабочие, потерявшие работу вследствие капиталистической «перепланировки» хозяйства. Проблема расширения рынков, борьба за рынки становится очередной жгучей проблемой в каждой капиталистической стране. Такова об'ективная обстановка, в которой развернулась историческая борьба рабочего класса за единство.

И на фоне этой обстановки соглашательская политика и тактика Амстердамского Интернационала, мобилизовавшего свои силы против единства, хотя открыто еще не решаясь выступить против него, должна получить совершенно четкое отражение.

Но борьба за единство вскрыла не только, в сущности, давно уже знакомую картину буржуазной политики и тактики Амстердама. Она вскрыла, вместе с тем, и всю силу его внутреннего разложения и распада, основным и наиболее ярким выражением которого явилось быстро оформляющееся левое крыло Амстердамского Интернационала.

Кризис Амстердама и оформление левого крыла.

В чем сущность переживаемого и теперь уже для всех очевидного кризиса Амстердамского Интернационала?

Фактически это только новое и еще более наглядное подтверждение разложения, упадка, гибели реформизма. В характерной полемике между редакцией «Minority Movement» (орган профессионального английского национального движения меньшинства) и секретарем Амстердамского Интернационала Удегестом в январе 1925 г. последний, возражая редакции английской газеты, сам сделал следующее характерное заявление: «Неверно, будто борьба между правым и левым крылом в Амстердамском Интернационале началась только сейчас. Эта борьба началась в начале 1922 года, продолжалась до середины 1924 г. и нашла временное завершение на Венском конгрессе».

Таким образом хронологические рамки выкристаллизовывания левого крыла в Амстердамском Интернационале определил сам секретарь его—Удегест.

Попытаемся вкратце проследить, по какой линии, по каким основным вопросам нарастало оппозиционное настроение, оформившееся в фактическое левое крыло в Амстердаме.

Наиболее характерной чертой для реставрированного по окончании войны соглашательского Интернационала Профсоюзов является факт перенесения его ориентации на английские профсоюзы. Самое рождение Амстердамского Интернационала, прошедшее в больших муках, едва не кончилось отколом от Амстердама германских союзов, если бы не признание последними, в лице правого немецкого оппортуниста Зассенбаха, вины Германии в мировой войне. Амстердамский Интернационал, сложившийся с гегемонией профсоюзов Антанты, естественно, должен был опереться на наиболее сильные из них—профсоюзы Англии, при чем во главе Бюро Интернационала, вместо немца Легина, стал Эппельтон, смененный на Лондонском с'езде руководителем английских железнодорожников—Томасом. Эта гегемония английского профдвижения в Амстердамском Интернационале базировалась на трех основных моментах: 1) на политическом и экономическом преобладании Англии после войны в числе других европейских стран-победительниц; 2) на соответственно возраставшем влиянии английского рабочего класса, давшем победу рабочей партии и породившем в рабочем классе демократически-пацифистские иллюзии; 3) на финансовом значении английских тред-юнионов в общем бюджете Амстердама. Но и доминирующее значение английских тред-юнионов не внесло единства в тактику и политику Амстердама. Наоборот, несмотря на полное подчинение общему курсу со стороны германских и, вообще, менее влиятельных профсоюзов, гегемонии профсоюзов Антанты установить в Амстердамском Интернационале не удалось. Официальный отчет Амстердама, представленный им Римскому конгрессу в апреле 1922 г., с достаточной откровенностью констатирует разногласия внутри Амстердама с момента его зарождения. «Хотя и удалось установить единство между представителями профессиональных союзов разных стран, еще недавно враждовавших друг с другом, все же конгресс (речь идет о первом Амстердамском конгрессе. *А. П.*) не дал полного удовлетворения. При обсуждении почти каждого пункта получались противоречия, которые в течение долгих лет во время войны искусственно вспыхивали, и эти противоречия очень остро выступили наружу. Почти каждый день конгресса приводил к новым столкновениям, прежде чем удалось достигнуть единого голосования». Противоречия, отмеченные на первом конгрессе, несколько затушеванные принужденно-революционными фразами о социализации, 8-час. раб. дне и т. п., в связи с общим под'емом массового движения в 1920 году, на втором (Лондонском) конгрессе, вновь обострились ко времени третьего конгресса, состоявшегося в Риме (20—22 апреля 1922 года). Но теперь развитие внутренних противоречий в Амстердаме пошло по другой линии, определяясь новой экономической и политической обстановкой, характеризующейся наступлением капитала и новой угрозой войны.

Профинтерн и примыкающие к нему организации перед лицом наступающего капитала забили тревогу, предлагая всем рабочим организациям—профсоюзам и партиям—установить единый фронт пролетарской борьбы.

Под давлением общего стремления масс к созданию единого фронта, 15—16 ноября 1921 г. была созвана Амстердамом совместная конференция представителей международных секретариатов транспортников, горнорабочих и металлистов, принявшая резолюцию, призывающую рабочих и их организации «вести пропаганду против реакции и милитаризма с напряжением всех своих сил и пустить в ход всю свою хозяйственную мощь в целях воспрепятствования повторению человеческой бойни в мире».

Хотя эта конференция и ее резолюции не имели никаких реальных результатов для рабочего класса, все же она не оставалась без влияния на углубление разногласий внутри Амстердама.

Борьба развернулась вокруг вопроса о создании тройственного союза для борьбы против войны. Фиммен, инициатор и ор-

ганизатор совещания, один из представителей нынешнего левого крыла, защищал создание особого комитета по борьбе против реакции и милитаризма. Ходжес, выступавший во главе правого течения против такого комитета заявлял откровенно, почему комитет не нужен: «Я знаю по опыту, что такого рода коалиция не даст результатов, которых вы ожидаете».

Дальнейшая борьба внутри Амстердама развернулась уже на самом конгрессе. Осудив «морально» реакцию, конгресс снова призвал вести «устную и письменную пропаганду и энергичную, беспощадную кампанию против милитаризма и так подготовить рабочих к борьбе против милитаризма, чтобы они были согласны и готовы следовать всякому призыву солидарности рабочего класса и чтобы, в случае необходимости, по приглашению международного об'единения профсоюзов могли немедленно прекратить работу при наличии действительной угрозы войны».

Нет ничего удивительного, что, в результате таких «радикальных» предложений, даже в среде самих амстердамцев должно было возникнуть глубокое разочарование политикой и тактикой большинства в Амстердаме. Об этом свидетельствуют слова одного из участников конгресса, руководителя норвежских союзов Оле Лиана:

«Я даже сам не предполагал, что римский конгресс окажется таким чисто реформистским и совершенно отрицательным по своим результатам. Никаких конкретных указаний и планов борьбы рабочих в настоящих условиях он не дал...».

Оценивая значение произведенных выборов, Оле Лиан в своем отчете дальше пишет: «Конгресс окончательно и бесповоротно убедил меня в том, что реформировать Амстердамский Интернационал невозможно. Выборы, произведенные конгрессом, являются чрезвычайно показательными. Хотя всем было ясно, что иметь своим председателем Джона Томаса—сущий позор, все же Томас и другие члены бюро были торжественно избраны... По моему мнению, делегаты этого конгресса были скорее представителями своих стран, чем представителями рабочего класса. На конгрессе в Амстердаме в 1919 году можно было заметить некоторое подобие боевого настроения. В Риме не было видно ни следа волн к борьбе»...

Не вдаваясь в оценку личности и политики самого Оле Лиана, все же следует признать весьма показательной его характеристику конгресса. Однако внутренние разногласия в Амстердамском Интернационале оформились не столько на этой принципиальной оценке основных тактических и програмных выступлений Амстердама, сколько по двум, как будто, менее важным вопросам: 1) по вопросу о включении в производственные интернационалы революционных союзов, примыкающих к Профинтерну, и 2) по вопросу об отношении к ВЦСПС.

В сущности, это был один и самый принципиальный вопрос: об отношении Амстердама к революции, ибо, конечно, спор, по существу, шел и идет еще и сейчас вовсе не о пределах организационной автономии производственных интернационалов и даже не о включении ВЦСПС на основе статутов Амстердама в его состав, как на этом настаивают реформисты. Спор шел и идет по кардинальнейшему вопросу, от решения которого зависит судьба рабочего класса: держать ли курс по-прежнему на сотрудничество и поддержку буржуазии или повернуть курс решительно и смело навстречу социалистической революции.

Но само собой разумеется, что нельзя считать такого рода положение—оформленной платформой левого крыла. Такой платформы, такого определенного политически и идеологически выраженного лица левое крыло еще не имеет. Венский конгресс (в июне 1924 г.), в котором Удегест в цитированной полемике с журналом английского движения профсоюзного меньшинства видел уже «завершение» спора между правым и «левым» крылом в Амстердамском Интернационале, на самом деле, только положил основы и углубил внутренние разногласия в Амстердаме, как об этом свидетельствуют дальнейшие события.

Левое крыло, в лице Фиммена и английской делегации, дало бой на Венском конгрессе по «русскому вопросу». Бой внешне, формально как будто окончился победой правых. Резолюция, принятая конгрессом, гласит довольно определенно, при каких условиях ВЦСПС может войти в Амстердам: «Конгресс предлагает Бюро Амстердамского Интернационала принять, по мере возможности, меры к вовлечению в международное профессиональное движение советских профсоюзов без ущерба, во всяком случае, для авторитета Амстердамского Интернационала, неизменно придерживаясь основных статутов и постановлений Амстердамского Интернационала».

Представители левого крыла, хотя и уклончиво, согласились с такой резолюцией. Фиммен даже выразил свою радость по поводу «достижений» конгресса по «русскому» вопросу: «хотя,—заявил он,—сторонники сближения настаивали на более определенных и широких решениях, все же нужно радоваться, что удалось добиться хотя бы таких результатов». Однако постепенная эволюция английских тред-юнионов влево, явившаяся, как увидим ниже, в результате ослабления метрополии, индустриализации ее колоний, потери Англией большинства рынков, невозможности для нее соперничества с усилившейся Америкой, с одной стороны, и в результате крушения демократических иллюзий, с другой,—внесла полное замешательство в ряды Амстердама.

Положение неустойчивого равновесия в Амстердамском Интернационале сказалось и на результатах выборов в Бюро: председателем его был избран Персель—председатель Генерального Совета английских тред-юнионов и наиболее решительный и последовательный сторонник единства. Пока его поставили в компанию правых вождей Амстердама—трех вице-председателей: Жуо, Мертенса и Лейпарта, секретарей—Удегеста и Зассенбаха, при чем самый состав Бюро гарантировал не только полную неприкосновенность старой политики Амстердама, но и полную безопасность последнего от всяких «неожиданностей» со стороны Перселя.

Но «гарантии» не помогли. На Амстердамском корабле была пробита брешь. Единство мирового профдвижения оказалось тем гвоздем, который пронзил его, как будто, непроницаемую реформистскую броню. И поскольку силою обстоятельств опора Амстердама—английские тред-юнионы—стали на сторону союзов СССР и вместе с последними на борьбу за единство, постольку Амстердам, стоя перед угрозой лишиться опоры и повиснуть в воздухе, должен был—в тех или иных формах и выражениях—словесно признать и союзы СССР и единство, а фактически встретить то и другое ожесточеннейшей кампанией вражды и клеветы, широко развернувшейся при помощи всей реформистской и буржуазной прессы.

Полевение английского рабочего движения и борьба за единство.

В чем заключается об'ективный смысл основного требования, расколовшего Амстердам на «правое» и «левое» крыло,—признания и об'единения с союзами СССР? Почему это требование тем настойчивее и решительнее, чем сильнее наступление капитала и чем слабее отпор наступающему капиталу со стороны Амстердама?

Развернувшаяся и все более обостряющаяся классовая борьба требует от рабочего класса организации соответствующей силы и степени противодействия капиталу. Амстердамский Интернационал лишен этой способности активного противодействия, хотя бы в силу своего качественного состава, в силу своей реформистской, соглашательской, пассивной политики и тактики.

Единственно, что могло бы оживить, поднять, возродить Амстердам, как рабочую, классово-самостоятельную, боевую организацию—это его перестройка. Она могла бы произойти двумя путями: 1) путем внутренней реорганизации, путем уничтожения цеховщины и переконструирования всего об'единяемого Амстердамом профдвижения по производственному принципу, и 2) путем одновременного вливания в Амстердам новых, живых сил движения, следовательно, прежде всего тех профсоюзов, которые составляют базу революционного движения во всем мире,—именно профсоюзов СССР, а также и всех остальных революционных профсоюзных меньшинств.

Без осуществления этих двух условий Амстердам, как таковой, должен быть скинут со счетов истории рабочего класса. Без превращения в боеспособную международную рабочую организацию, умеющую и желающую стоять на почве классовых интересов и экономических требований пролетариата, он ему не нужен. И чем бессильнее окажется он помочь пролетариату в его революционной борьбе с капиталом, тем скорее уйдут от него массы.

Но без масс, которые Амстердам помогал подчинять буржуазии, он перестает быть нужным и самой буржуазии. В том и другом случае Амстердаму предстоит разложение и гибель.

Против этой перспективы должно было встать так наз. левое крыло Амстердамского Интернационала, как это видно из следующих характерных слов Фиммена на международном конгрессе транспортников: «Считая Амстердам единственным Интернационалом,—заявил Фиммен,—я хотел бы, чтоб в его ряды проник московский дух». Но «московский дух»—это не только существенно-отличная организационная структура профессионального движения, «московский дух»—это, прежде всего, отказ от политики подчинения буржуазии, это—непримиримая классовая борьба против капитализма и курс на мировую социалистическую революцию. И если Амстердамские организации не на словах, а на деле пожелают проникнуться таким «духом», нам не только будет с ними по пути, но мы всемерно и целиком поддержим проникнутое стремлением реорганизовать Амстердам в «московском духе» его левое крыло.

Эту об'ективную, историческую задачу выполняет ныне английское профессиональное движение своей борьбой за сближение с русскими профсоюзами, тем самым делая первые шаги по пути к мировому единству, а следовательно, осуществляя постепенно возможность проникновения в затхлую атмосферу обуржуазившегося Амстердама свежего революционного «московского духа».

Но выступление английского профсоюзного движения на борьбу за единство в блоке с профсоюзами СССР, конечно, происходит не с такими открыто выраженными революционными целями. У него есть достаточно и своих оснований для полевения. И хотя процесс происходит медленно, все же он происходит с чисто английской постепенностью и неуклонностью. Еще Энгельс в одном из писем к Зорге (в 1892 г.) писал, что англо-саксонская раса «тяжело ворочает мозгами», что ее «европейская и американская история (экономический прогресс и преобладающее мирное развитие в политическом отношении) еще более способствовала этому качеству», и что «здесь помочь могут только великие события». Слова относились к перспективе революционизирования американского движения, но они целиком могут быть отнесены и к проблеме революционизирования английского движения.

В Англии мы сейчас несомненно видим начало новой исторической по своему значению главы рабочего движения. Еще Ленин не раз отмечал столетиями выработанную консервативность английского рабочего движения, вследствие исключительного монопольного положения английской промышленности, делавшей Англию «фабричной мастерской» всего мира, дававшей буржуазии за счет колониальных прибылей подкупать рабочий класс собственно Англии, создавая сравнительно сносные условия для обученной, хорошо оплачиваемой части так называемой рабочей аристократии. Но уже перед войной, в связи с возраставшей конкуренцией в лице германского капитала, и особенно теперь, после нескольких лет войн и революций в Европе, когда Англией были потеряны многие из ее прежних рынков сбыта,—Англия все более утрачивает свое монопольное положение на мировом рынке и одновременно все более ослабевает ее былая колониальная мощь. А эти обстоятельства («великие события», по словам Энгельса) не могут не сказаться и уже сильнейшим образом сказываются на всем экономическом и политическом положении в Англии. Привилегированное положение рабочей аристократии уменьшается. Растет безработица. Ухудшаются условия труда. Нищает рабочая масса. Все это обостряет классовую борьбу, заставляет рабочий класс искать выхода, искать какой-нибудь точки опоры в своем неустойчивом положении, искать новых путей воздействия на буржуазию. Такой точкой опоры для него является сближение с СССР, политическое сближение с которым могло бы открыть рынок СССР для английских товаров, уменьшить безработицу в Англии, а ввоз хлеба в Англию из СССР мог бы удешевить предметы первой необходимости. Именно эти экономические причины заставили английский рабочий класс не только впервые усумниться в правильности и целесообразности своей старой тред-юнионистской тактики, но и отказаться от былых методов борьбы рабочей партии. Первое особенно наглядно выражено в создавшемся и все возрастающем движении революционного меньшинства английских профсоюзов, проводящего всю свою работу под знаменем борьбы за единство. Это революционное меньшинство наиболее полно и целостно отражает сдвиг в массах. Отражением последнего является и то

полевение в руководящих кругах английских профсоюзов, которое ныне определяет физиономию левого крыла в Амстердамском Интернационале. Сомнение в целесообразности старой тред-юнионистской тактики Персель, глава этого левого крыла, прекрасно выразил в своем журнале: «Единство мирового профдвижения» («International trade-union unity» № 1): «Я все больше и больше чувствую,—пишет он в редакционной передовице,—что единство является самым жгучим вопросом тред-юнионизма. Я чувствую так же остро, во время стачки или другой угрожающей рабочим опасности, всю необходимость скорейшего разрешения этого вопроса». А в заключение он высказывается еще более решительно: «Почему мы за единство? Почему единство сделалось жгучим вопросом всего мира? Не из сентиментальных или филантропических побуждений. Нет. Мы за единство, потому что единство—значит сила. И когда единство будет достигнуто, ближайшей задачей рабочего класса будет использование этой силы для своего освобождения, для освобождения угнетенных народов и для уничтожения капитализма со всеми его спутниками: нищетой, страданиями, варварством».

Но крах старой тред-юнионистской тактики, выразившейся в признании необходимости и неизбежности революционной классовой борьбы, идет сейчас параллельно с крахом всей системы реформизма, поскольку она выражена в старых, ныне негодных политических методах рабочей партии. Недолгий и печальный опыт макдональдовского рабочего правительства только подтвердил спаянность рабочей партии с буржуазией и отсутствие у нее самостоятельной рабочей политики. Естественно выросшее отсюда недовольство в английском рабочем классе должно было привести к разногласиям и конфликту между левой частью английских тред-юнионов и правым крылом рабочей партии. Любопытным эпизодом этого все углубляющегося конфликта является дискуссия о роли тред-юнионов и рабочей партии, происшедшая между Джоном Уитли, бывшим министром «рабочего» правительства и секретарем генерального Совета Фредом Брамли. В связи с кампанией английских тред-юнионов за единство профдвижения, все более увлекающей их на путь классовой борьбы и таким образом все более отрывающей массы от реформистского влияния рабочей партии, лидеры последней подняли травлю против нынешней линии генерального совета тред-юнионов. Возражая Уитли, будто «тред-юнионы не в состоянии вести переговоры и бороться», ибо они бессильны и являются «лишь тенью того, чем они были некогда», Брамли, в энергичных выражениях, критикует всю политическую ориентацию рабочей партии: «Если верно, что политическое движение одержало большие успехи, а тред-юнионы отстали, то причины не трудно открыть. До тех пор, пока лучшие люди тред-юнионистского движения будут стремиться лишь к тому, чтобы попасть в парламент, а затем в правительство, и будут считать это своей конечной и важнейшей целью, положение не изменится. Тред-юнионы раздроблены, дезорганизованы и ослаблены потому, что те, кто наиболее способен был бы развивать их работу, превращают их в политический трамплин для себя».

И уже прямой угрозой звучат его заключительные слова:

«Что же случится с политическим движением, если тред-юнионы совершенно от него отделятся? Главным источником силы политического движения, ведь, является финансовая и моральная поддержка тред-юнионов»...

Еще, пожалуй, лучше, чем сами тред-юнионы и рабочая партия, понимает смысл сдвига в английском рабочем движении и значение борьбы за создание единства мирового профдвижения, сама буржуазия.

Вся буржуазная пресса и, в особенности, английская полна тревожными комментариями происходящих событий.

Интересно, что все они сходятся на одной оценке кампании за единство: осуществление единства профессионального движения есть путь к революции и шаг к коммунизму.

Английская либеральная буржуазная газета «Манчестер Гардиан» так прямо и пишет, что отныне профсоюзы становятся дверями, через которые коммунизм входит в английское и мировое рабочее движение. Все конкретные шаги, которые были сделаны в направлении достижения единства профдвижения, начиная с Гулльского конгресса и пребывания в Англии русской делегации профсоюзов,—поездка на VI с'езд профсоюзов СССР английской профсоюзной делегации и положительный отчет ее о России, образование Англо-Русского комитета единства, созванная в результате Лондонская англо-советская профсоюзная конференция и, особенно, совместная декларация русских и английских делегаций, инициатива англичан в деле созыва предварительной конференции ВЦСПС с Амстердамом—все эти шаги встречаются небывалыми атаками из реформистского и буржуазного лагеря. Но пока эти атаки достигают лишь одного: они заставляют еще решительнее действовать, еще определеннее отмежевываться, еще быстрее оформляться левое крыло Амстердамского Интернационала. Оно еще не имеет ни определенной программы, ни четко выраженных принципиальных тактических подходов ко многим основным вопросам рабочей борьбы.

Но общий подход, общее знамя борьбы, естественно и неизбежно революционизирующее и определяющее дальнейшую политику и тактику левого крыла, у него имеется: это—борьба за осуществление мирового единства профдвижения.

Ленин, оценивая в 1913 году революционизирующее значение стачки углекопов в 1912 г., показавшей «новый дух» британских рабочих, указывая, что после стачки углекопов английские рабочие научились бороться и увидели тот путь, который приведет их к победе,—писал:

«Профессиональные союзы Англии медленно, но неуклонно поворачивают к социализму,—вопреки многим членам парламента из рабочих, упорно отстаивающих старинку либеральной рабочей политики. Но этим последним могиканам не удержать старинки!»

С еще большим основанием мы можем перенести эти слова к современному положению в Англии и во всем мире.

Да, профсоюзы Англии и всего мира идут и придут к коммунизму. И никаким последним могиканам из Амстердама «не удержать старинки». Залогом и свидетельством этого является выходящее из его недр и медленно зреющее революционное ядро профсоюзов, именуемое пока «левым крылом» реформистского, уходящего в архив истории, Амстердамского Интернационала.

Рут Фишер.

Выборы фабзавкомов в Германии.

I.

Происходящие в этом году в Германии выборы фабзавкомов заслуживают особого внимания:

1. Они имеют большее значение, чем выборы в буржуазный парламент, так как даже после политического кастрирования их знаменитым законом о фабзавкомах 1920 года, ограничившим их задачи повышением «производительности предприятий», они при наличии коммунистического влияния являются сильными боевыми пролетарскими оплотами; в коммунистических руках они становятся видными органами пролетарской борьбы за власть и могут значительно способствовать усилению коммунистического влияния в свободных профсоюзах.

2. Начиная с марта 1924 года, когда происходили выборы в фабзавкомы в прошлом году, частично еще в обстановке нелегального существования партии, руководство партией взяли в свои руки левые, приступившие к организации производственных ком'ячеек, развернувшие кампанию в пользу профсоюзного единства и на январском пленуме ЦК сугубо подчеркнувшие необходимость мобилизации предприятий для борьбы за частичные требования (повышение заработной платы, 8-часовой рабочий день), как уже раньше это было намечено Франкфуртским партс'ездом. Таким образом нынешние выборы в фавзавкомы будут до некоторой степени генеральным критерием для проверки правильности линии партии, определения влияния и силы ком'ячеек и успехов, достигнутых в кампании за профсоюзное единство.

3. Выборы в фабзавкомы в 1925 году происходили в марте и апреле—в тот же период года, когда происходили впервые в истории Германии выборы германского президента.

II.

В этом году партии приходилось при выборах фабзавкомов преодолевать неимоверные трудности. Прежде всего выборную кампанию надо было строить так, чтобы она была в то же время кампанией в пользу профсоюзного единства, чтобы она не только не ослабила влияния коммунистов в свободных профсоюзах, но и способствовала его усилению, с другой же стороны, недопустимо было итти на сделки с СПГ на предприятиях, наоборот, именно здесь, на предприятии, надо было сосредоточить ударную силу в борьбе с СПГ и разоблачать самым беспощадным образом их предательскую роль, для отрыва от них массы. Сочетать то и другое очень трудно; для этого требуется тонкая маневренная, но строго преследующая определенную цель тактика, при чем в каждом округе и даже в каждом предприятии обстановка своеобразна.

В чем же состоят чудовищные трудности положения? Официальный орган Всегерманского Об'единения Профсоюзов «Геверкшафтсцейтунг» поместил в № 1 за 1925 г. статью под названием «Выборы в фабзавкомы в 1925 г. и коммунистические махинации». В этой статье в первую голову устанавливается, что при выборах фабзавкомов профсоюзы должны держаться решений, вынесенных Лейпцигским профсоюзным с'ездом в 1922 году. В пункте 4 этой резолюции говорится: «Поскольку на том или ином предприятии выдвигается профсоюзный список, на основе этих положений (положения эти излагаются в п. 3: «При намечении кандидата решающее значение имеет не политическое течение, а его профессиональный стаж, общая активность и профсоюзный опыт». *Р. Ф.*), ни один из членов профсоюзов, входящих во Всегерманское Об'единение, не может фигурировать в качестве кандидата в другом выдвигаемом на выборах списке». К этому статья прибавляет: «Так говорит профсоюзное право, это—закон, которого должен держаться каждый член профсоюза. С несоблюдающими его надлежит поступать так, как поступают коммунисты обычно с теми, кто не соблюдает их решений.

В том же духе высказались и официальные органы отдельных профсоюзов. А Диссман, «левый» деятель СПГ и председатель крупнейшего профсоюза во Всегерманском Об'единении—германского союза металлистов,—вынес даже на конференции Всегерманского Наблюдательного Совета фабзавкомов металлопромышленности в Штуттгарте резолюцию, в которой говорится, что при выборах фабзавкомов должен выдвигаться лишь единый список кандидатов свободных профсоюзов. Сепаратные списки недопустимы: кто нарушит это постановление, подлежит исключению из союза.

Такое поведение реформистской профсоюзной бюрократии вынудило партию отказаться от выдвигания оппозиционных профсоюзных или партийных списков, не то—пришлось бы считаться с новыми массовыми исключениями коммунистов из профсоюзов,—а кандидаты, выдвигаемые при выборах в фабзавкомы, не принадлежат обычно к числу наихудших работников партии. Итак, это грозило бы чрезвычайным ослаблением влияния коммунистов в профсоюзах и низвело бы профсоюзную работу партии на уровень состояния ее до Франкфуртского партс'езда.

Эти факты имели решающее значение при выработке КПГ тактики при выборах в фабзавкомы.

Наметить единую общую для всех предприятий тактику было почти невозможно, так как, как мы уже упоминали, на различных предприятиях, при том зачастую в одной и той же местности, обстановка различна: на одном предприятии влияние КПГ и СПГ взаимно уравновешиваются и думать здесь приходилось лишь о выдвигании общего списка свободных профсоюзов, на другом предприятии можно было держаться старой традиции и выдвигать партийные списки, не боясь последствий для кандидатов. Опять же на одном предприятии на стороне партии большинство профорганизованных рабочих, а на другом большинство профсоюзных функционеров против нас, большинство же рабочего состава нам сочувствует. Последнее случается довольно часто; но это чревато новыми трудностями, так как гер-

манский закон о фабзавкомах требует, чтобы списки кандидатов намечались на общем собрании рабочих предприятия, а резолюция Лейпцигского профсоюзного с'езда—чтобы кандидаты намечались на собрании профорганизованных рабочих или профсоюзных функционеров.

В начале в партии существовали разногласия по вопросу о тактике, которой надлежит держаться при выборах, но вслед за тем вопрос был разрешен единогласно принятой резолюцией на январском заседании пленума ЦК.

Согласно резолюции пленума ЦК, тактика партии при выборах фабзавкомов должна преследовать следующие цели:

1. Активного руководства рабочей массой со стороны партии.
2. Внушения этой массе доверия к революционному руководительству.
3. Усиления влияния коммунистов в свободных профсоюзах организационным путем—посредством массового вступления в них сочувствующих партии.
4. Завоевания партией боевых пролетарских позиций и
5. Взятия партией в свои руки органов пролетарской борьбы.

Резолюция пленума ЦК считает, что первоочередной задачей для достижения этой цели является заполнение списка кандидатов свободных профсоюзов коммунистами и на-ряду с обработкой массы на этом надо сосредоточить все усилия. Там, где заполнить список свободного профсоюза коммунистами на общем собрании рабочих предприятия не удается, надо изо всех сил добиваться этого на последующем собрании профорганизованных рабочих предприятия. Это должно одновременно служить поводом к массовой вербовке сочувствующих партии в свободные профсоюзы.

На-ряду с этим резолюция намечает конкретно путь, которым надлежит итти в том или ином случае, типичном для многих районов, подчеркивая однако настойчиво необходимость борьбы с целью овладения списком свободных профсоюзов при всех обстоятельствах. Она заранее отвергает возможность каких бы то ни было сделок с СПГ, как при неустойчивом большинстве, так и при наихудшем положении партии на данном предприятии. Даже в самых безнадежных случаях фракциям рекомендуется, при выдвигании списков кандидатов, отстаивать права меньшинства на профсоюзных собраниях.

Лишь по исчерпании всех средств и в особых случаях с согласия окружного комитета партии разрешается выдвигать списки профсоюзной оппозиции, при чем включать в них надлежит лишь таких товарищей, которым не грозит уже исключение из профсоюза.

Самостоятельным революционным профсоюзам, входящим в Красный Профинтерн, рекомендовалось проводить избирательную кампанию под углом зрения профсоюзного единства и ни в коем случае не выдвигать собственных списков, поскольку удается заполнять список кандидатов свободного профсоюза коммунистами.

III.

Кампании, проводимые партией при выборах фабзавкомов, проходили очень планомерно. Это свидетельствует о происшедшей консолидации партии под руководством левого ЦК и ее постепенной большевизации. Кампании эти начались непосредственно вслед за выборами в рейхстаг 7 декабря. Итоги и уроки этих выборов были использованы для предстоящих выборов в фабзавком. Партийная печать единодушно писала, что выборы фабзавкомов гораздо важнее для коммунистов, чем выборы в парламент. А потому вся наша партия должна изо всех сил работать по подготовке выборов в фабзавкомы.

После состоявшегося 10—11 февраля пленума Центрального Комитета развернулась планомерная кампания. Она началась с проработки ее партийной организацией. Все партийные органы, вплоть до производственной ком'ячейки, на основании специального циркуляра ЦК партии и резолюции пленума Центрального Комитета, уделили большое внимание выборам в фабзавкомы и выработали план развертывания этой кампании в рамках, указанных окружными комитетами.

Одновременно с этим была поведена соответствующая кампания в партийной печати. Момент этот был использован для более широкого развертывания редакционной рубрики «С предприятий». Относительно многих провинциальных партийных газет можно определенно констатировать, что в течение этой кампании они шире развернули свою рабкоровскую сеть.

Благоприятными поводами для развертывания ком'ячейками кампании против социал-демократов послужили магдебургский процесс Эберта и мюнхенский—Ауэра. Они использованы были шире, чем можно судить по крупной партийной печати. Доказательством тому—усиленный выпуск нелегальных коммунистических ячейковых газет в период этой избирательной кампании.

Во время этой кампании работа велась по строго выработанному плану. Началась кампания по предприятиям с рабочих собраний. Им сопутствовали соответствующие рабочие корреспонденции в ежедневных органах коммунистической печати. Судя по отчетам в печати, на рабочих собраниях устанавливалось отношение к готским требованиям, по предложению коммунистов выдвигались особые заводские требования, звучало требование расширения прав фабзавкомов. Товарищи, освещали политику бывших социал-демократических фабзавкомов и вообще политику СПГ. Одновременно с этим коммунистические фракции в парламентах повторно выдвигали требования 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы государственным рабочим и содержания чиновникам, расширения прав фабзавкомов и проч.

Особый характер стали носить эти рабочие собрания с конца февраля в Рурской области после Дортмундовской катастрофы и всюду в Германии в связи с предстоящей стачкой железнодорожников и нависшей угрозой дружной борьбы горнорабочих, металлистов и железнодорожников.

Дальнейшему развертыванию кампании служили конференции фабзавкомов и заводских делегатов, носившие в большинстве окружный характер. Так, в конце февраля в Берлине состоялся Берлин-Бранденбургский с'езд фабзавкомов и заводских делегатов, в котором принимали участие 234 коммуниста, 4 социал-демократа, 4 независимца, 1 синдикалист и 116 беспартийных. 22 февраля состоялся с'езд берлинской рабочей молодежи, обратившийся к берлинским фабзавкомам с требованиями рабочей молодежи. На Тюрингенском с'езде фабзавкомов—в составе тоже нескольких сотен участников—выступил в пользу профсоюзного единства представитель английского меньшинства.

Главными лозунгами партии во всей этой кампании были: «Ни единого предприятия без фабзавкомов!», «Избирайте революционные фабзавкомы!». При этом, разумеется, выдвигались 10 пунктов боевой программы. Берлинский с'езд фабзавкомов выпустил воззвание «К Берлин-Бранденбургскому пролетариату», содержащее в себе нижеследующие общие положения: «Рабочие могут добиться 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы и освобождения из тюрем классовых товарищей лишь путем дружной сплоченной борьбы рука об руку с революционными фабзавкомами, высвобождения профсоюзов из-под влияния реформистских вождей и надлежащего отпора словесной демагогии». Конечно, и противники развернули энергичную избирательную кампанию. СПГ пустила в ход свой профсоюзный аппарат. Профсоюзная бюрократия и вся профсоюзная печать, тираж которой достигает 6 миллионов, повела кампанию в пользу СПГ.

Рабочие союзы, руководимые германскими националистами (желтые), устроили в конце февраля так наз. Всегерманский с'езд фабзавкомов, который оказался очень малолюдным и где кроме германского националиста-депутата рейхстага не выступал ни единый доподлинный член фабзавкома.

IV.

Итоги происходивших на этот раз выборов в фабзавкомы еще не могут быть подведены окончательно, но существенных изменений против того, что есть, уже быть не может, а наблюдаемые результаты свидетельствуют о значительном приросте голосов у коммунистов, а следовательно о получении коммунистами большего количества мест в фабзавкомах по сравнению с 1924 годом. Так, в Рурской области на 131 горнопромышленном предприятии подано в общей сложности 76.610 голосов за Унион (входящий в Красный Профинтерн), 61.675 за союз горнорабочих, 48.751 за христианский союз и 10.757 за прочие иные (синдикалистов, гирш-дункеровцев, желтых и т. д.). Места распределяются следующим образом: на долю Униона приходится 603, союза горнорабочих—475, христианского союза—360, прочих—31. При этом надлежит принять во внимание, что в числе 61.000 голосов, поданных за союз горнорабочих, значительное количество голосов подано за коммунистов, потому что, как это уже было указано выше, Унион отказывался от выдвигания собственных списков там, где удавалось заполнить амстердамский список коммунистами. Так, на шахте в Вестфале все 12 членов фабзавкома, прошедших по списку Амстердамского союза горнорабочих,—коммунисты. Так же обстоит дело и в рурской металлопромышленности. На 28 золингенских заводах прошли: 108 коммунистов, 38 беспартийных (большинство из них сочувствует КПГ), 9 социал-демократов и 13 христиан. В прежнее время почти половина мест принадлежала социал-демократам. Социал-демократы потерпели здесь значительное поражение. Такова картина и в Центральной Германии. На Леновском предприятии, например, прошло 13 коммунистов, 6 социал-демократов и 3 желтых. Всюду в мансфельдском районе наблюдается значительный прирост голосов у коммунистов и убыль их у социал-демократов. На крупных лейпцигских полифоновских заводах прошло 6 коммунистов, 3 социал-демократа, тогда как в прошлом году соотношение было обратное: 2 и 7. В Хемнице прошло 52 коммуниста, 32 социал-демократа и 10 беспартийных (большинство их сочувствует коммунистам). На 17 предприятиях Лимбаховского промышленного района не прошло ни одного социал-демократа. В числе 81 члена фабзавкома имеется 72 коммуниста и 9 сочувствующих КПГ. Та же картина в Берлине, Южной и Северной Германии, в Шифбеке, боевом оплоте гамбургского восстания в 1923 году, где все члены партии или сидят по тюрьмам, или скрываются, на джутовском прядильном заводе прошло 10 коммунистов и 1 социал-демократ, тогда как старый фабзавком состоял из 7 коммунистов и 4 социал-демократов. На кожевенном заводе Шмидта в Гамбурге в составе прежнего фабзавкома было 7 социал-демократов и ни одного коммуниста. В теперешнем фабзавкоме 5 коммунистов, 5 сочувствующих и ни единого социал-демократа.

Все это—наугад выхваченные примеры. Но они прекрасно отражают общую картину нынешних выборов, при чем рост количества коммунистов членов фабзавкомов свидетельствует о растущем доверии заводских рабочих к коммунистической партии. Затем по результатам видно, как постепенно лишаются доверия и утрачивают влияние на рабочих социал-демократы, всюду, где рабочие в шахтах, у верстаков, токарных станков и машин работают 10—12 часов за скудную заработную плату.

Выборы в фабзавкомы служат подтверждением правильности проводимой партией линии, подчеркивающей необходимость борьбы за частичные требования, а это сугубо важно для партии. На-ряду с этим выборы в фабзавкомы показали, что производственные ком'ячейки в общем и целом настолько организованы, что способны успешно справляться с трудными задачами, связанными с выборами в фабзавкомы. Они столь успешно проводили тактическую линию, намеченную расширенным пленумом ЦК, что в целом ряде случаев социал-демократы были вынуждены выдвинуть собственные партийные списки, вопреки решениям Лейпцигского профсоюзного с'езда. Приведу два типичных примера: собранием профорганизованных рабочих крупного Осрамовского завода в Берлине был принят список, выдвинутый коммунистами. Недовольные социал-демократы выдвинули другой список—сочувствующих СПГ. В ответ на это сочувствующие КПГ выдвинули третий список. В результате список свободных профсоюзов (заполненный кандидатами КПГ) получил 1.673 голоса, список сочувствующих КПГ—413, а сочувствующих СПГ лишь—143. Второй случай таков: на крупной текстильной фабрике Дириг в Оберлангенвилау в Силезии собрание профорганизованных рабочих приняло список КПГ. На-ряду с ним фигурировал другой список—христианский. Тогда социал-демократы заявили: сторонники СПГ не должны участвовать в выборах, подавайте чистые листы. После этого результат голосования оказался таков: 1.300 голосов было подано за профсоюзный список, 500 за христианский и около 700 незаполненных бюллетеней, принадлежавших сторонникам СПГ. В другом случае социал-демократы, чтобы дать отпор коммунистам, овладевшим профсоюзным списком, составили общий список с христианами и желтыми.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что выборы в фабзавкомы являются новым шагом вперед по пути к профсоюзному единству. Всюду наблюдалось массовое вступление в свободные

профсоюзы. Таким образом выборы в фабзавкомы значительно содействовали укреплению коммунистического влияния в свободных профсоюзах.

V.

Выборы в фабзавкомы совпали в этом году с выборами президента. Любопытно поэтому сопоставить те и другие. Как известно, при первом голосовании на выборах президента КПГ лишалась 800.000 голосов по сравнению с количеством голосов, поданных за нее на выборах в рейхстаг 7 декабря 1924 г. Социал-демократам же удалось об'единить вокруг себя огромное количество в 8 миллионов голосов. Они по сравнению с прошлыми выборами ничего не потеряли. Что же касается выборов в фабзавкомы, здесь заметна значительная убыль голосов у социал-демократов и сильный прирост их у коммунистов. Чем это об'ясняется? Нельзя же допустить, чтобы широкая масса пролетариата на предприятии голосовала за коммунистов и в то же самое время на выборах президента за социал-демократов. Действительно вряд ли хотя бы единый рабочий, голосовавший на предприятии за коммунистов и подавший 7 декабря бюллетень тоже за коммунистов, голосовал на выборах президента за кандидата социал-демократов—Брауна. Видно это хотя бы из того, что на выборах президента общее количество голосовавших на 3 миллиона меньше, чем 7 декабря. Социал-демократам удалось получить 8 миллионов голосов лишь благодаря тому, что за них голосовал кое-кто из буржуазного лагеря.

Убыль голосов у коммунистов свидетельствует о наличии в широких массах германского пролетариата иллюзий. Для всех было ясно, что кандидатура Тельмана может иметь значение лишь революционной демонстрации, широкая же масса еще не понимает необходимости революционной демонстрации при выборах президента. Когда же они голосуют за коммунистов при выборах в рейхстаг или провинциальные парламенты, они знают, что им удастся провести хотя бы одного коммуниста.

Выборы президента не могут или могут служить лишь плохим критерием влияния партии в массах. Что же касается выборов в фабзавкомы, происходящих на самих предприятиях, на месте производства, там, где происходит сплочение пролетарских масс, эти выборы ярко показали, за кем готовы следовать широкие пролетарские массы: они уже отворачиваются от черно-красно-золотых барматовских социалистов и готовы следовать за красным знаменем, поднятым коммунистической партией. На нынешних выборах фабзавкомов КПГ завоевала на предприятиях новые боевые позиции. Задача ее в ближайшее время—укрепить эти позиции в промежутке между двумя валами революции, их расширить и завоевать новые—первым делом в свободных профсоюзах.

В. Богушевский.

О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии.

Наша политика по отношению к крестьянству знает несколько этапов после Октябрьской революции. Первый этап, последовавший сейчас же после разгрома помещика, представляет собою этап резкой классовой борьбы внутри деревни. Это—эпоха комитетов бедноты, эпоха экспроприации кулаков и зажиточного крестьянства, эпоха всеобщего поравнения, когда безземельный и безлошадный получил необходимые ему для ведения хозяйства минимальные средства производства.

Следующий этап—это когда, в результате упомянутого поравнения, все крестьянство стало середняцким. Этот период, кроме того, в силу известных обстоятельств, привел к всеобщему понижению уровня крестьянского хозяйства, т.-е. само середняцкое хозяйство стало ниже середняцкого хозяйства дореволюционного времени.

Само собой разумеется, что в условиях военного коммунизма не могло существовать ни кулацкого, ни вообще капиталистически-предпринимательского хозяйства. Если в то время мы говорили об особом отношении к среднему крестьянству, противопоставляя его отношению к кулаку, то речь, таким образом, могла итти только о б ы в ш е м кулаке. При этом особое отношение к нему вполне оправдывалось тем, что, как бывший кулак и эксплоататор, он был, конечно, настроен контр-революционно, не принимал революции, стремился к свержению советской власти, вел антисоветскую агитацию среди крестьянства, не подчинялся постановлениям правительства и всячески, чем мог, содействовал его врагам. Таким образом «звание» кулака в эпоху военного коммунизма было уже, повидимому, э к о н о м и ч е с к и м анахронизмом, хотя его п о л и т и ч е с к и й смысл сохранился в полной мере.

Наша победа на всех фронтах контр-революции, конечно, сама по себе еще не означает исчезновения контр-революционных сил и поползновений, тем не менее для всякого очевидно, что с потерей надежд на свержение советской власти при помощи бело-генеральской контр-революции или антантовской интервенции, эти поползновения совершенно перестали находить какой бы то ни было резонанс в сколько-нибудь широких общественных кругах, а в особенности в деревне. Уже одно это поставило под знак вопроса и политический смысл «звания» кулака еще до наступления новой экономической политики.

Новая экономическая политика и дальнейшее развитие ее начал по-разному должны были на первый взгляд повлиять на наше отношение к вопросу о наличии в деревне кулачества.

С одной стороны, замена продразверстки продналогом, допущение свободы торговли и прочее без сомнения примирили с советской властью значительную часть тех крестьян, которые все еще были настроены контр-революционно, которые были активными участниками бандитизма или подрывали наше хозяйство, отказываясь засевать поля. Таким образом «политический» кулак, т.-е. активный враг советской власти, стал постепенно все более и более исчезать. С другой стороны, однако, самое развитие принципов новой экономической политики, означающее рост товарно-денежных отношений, открыло возможность появления снова, впервые после революции, капиталистического предпринимательского крестьянского хозяйства в деревне. Призрак кулака уже не «бывшего», уже не «политического» кулака эпохи гражданской войны, снова явился перед нами. Понятно, что нет сейчас более жгучего, более захватывающего всех вопроса, чем вопрос о кулаке в деревне и, следовательно, вопрос о путях и возможных последствиях расслоения крестьянства.

Первое, что необходимо делать для того, чтобы разобраться в вопросе о деревенском кулаке, это—перенести его на чисто экономическую почву. Мы видели, что это требование вполне законно сейчас, поскольку разгром контр-революции и введение новой экономической политики, если, может быть, и не совсем, то во всяком случае почти совсем, уничтожило тип политического кулака. Мы не хотим, конечно, сказать этим, что в деревне царят одни только советские или коммунистические настроения, но мы вправе утверждать, что настроения деревни стали более однородными в том смысле, что индивидуальные антисоветские настроения (почти исключительно партийно-эсеровские), во-первых, остаются чисто индивидуальными, а, во-вторых, не находят себе обычно об'яснения ни в нынешнем, ни в прежнем социально-экономическом положении данного суб'екта (более всего об'ясняясь, как сказано, партийной принадлежностью). С другой стороны, все претензии крестьянства к советской власти почти полностью укладываются в рамках чисто экономических требований.

Вот почему мы считаем, что вопрос о кулаке может, а следовательно, и должен быть перенесен полностью на экономическую почву.

Итак, после этого предварительного замечания постараемся установить, имеем ли мы право говорить о наличии у нас в деревне экономического типа кулака, есть ли предпосылки в нашем хозяйственном строе для развития этого типа. Чтобы не отыскивать в старой литературе определений этого экономического типа, мы воспользуемся лишь двумя выписками из двух современных статей т.т. А. Смирнова и М. Калинина. И т. Смирнов и т. Калинин особенно внимательно в последнее время анализировали тип кулака, сопоставляя его с типом хотя и крепкого, но трудового крестьянина.

Тов. Смирнов дал в «Правде» ряд статей о «крепком трудовом крестьянстве». В одной из них («Правда» от 7 апреля) мы находим следующее определение, вернее, характеристику кулака, как определенного, резко отличного от трудового крестьянина типа:

«Что же такое кулак в деревне? Мы должны прямо сказать, что это—прежде всего ростовщик, занимающийся эксплоатацией маломощного соседа не только путем эксплоатации его труда, а главным образом путем всякого рода кабальных сделок, путем деревенской мелкой торговли, посредничества, «дружеского» кредита с «божескими процентами»—одним словом, это—**хозяйство, которое ведению своего хозяйства на земле уделяет самое ничтожное внимание, а свои силы и средства направляет главным образом для использования бедственного положения своих маломощных соседей в целях их закабаления**» [1]).

Если не придавать этой характеристике значения точного определения, то легко признать, что сложившееся у нас представление о кулаке на самом деле обладает теми чертами, которые приписаны кулацкому хозяйству тов. Смирновым. Ростовщичество, кабальные сделки, торговля, связанная с ростовщическими операциями, закабаление маломощных хозяйств—вот эти вполне определенные черты.

Тов. Калинин, в своей статье «Теория и практика борьбы» («Известия» от 22 марта) рисует облик кулака почти теми же красками:

«... всякому кулаческому хозяйству, как большому, так и маленькому, присуще увеличивать свою мощь эксплоатацией маломощных. Конечно, и это мое толкование слишком расширительно. Под это определение подходит всякое частное хозяйство, хоть в какой-либо степени пользующееся наемным трудом (иными словами не всякое хозяйство, пользующееся наемным трудом, является кулацким. *В. Б.*)... В литературе, да и в обыденной жизни, под кулачеством подразумевается закабаление окружающего населения такими условиями работ или такими хозяйственными сделками, которые являлись бы для одной стороны убыточнее средних сделок в этом роде. Примерно, крестьянин наймет работника и за уплату вперед заработной платы понижает ее ниже средней в данной местности. Второй случай: кулак покупает у бедняка хлеб на корню за плату ниже нормальной. Третий случай: дает пользоваться инвентарем за цену значительно выше себестоимости. Четвертый случай—продает свой продукт бедноте в долг или просто монопольно по повышенным ценам. Одним словом, кулак всегда стремится на исключительной бедности, на трудных моментах клиента нажиться, разоряя его».

У тов. Калинина, как видим, особенно резко подчеркнуто, что не самая сделка (торговая, кредитная, наем рабочей силы), а особенный ее характер, сплошь и рядом чисто количественное отличие ее от других подобных же, является признаком кулацких отношений. И здесь перед нами те же самые черты: кабала и ростовщичество.

Заметим мимоходом, что т. Калинин для портрета кулака прибегает к краскам прошлого, пережитого («в литературе, да и в обыденной жизни»). Ни он, ни т. Смирнов не дают примеров и не говорят о наблюдениях, сделанных ими в современности. Что это значит, мы сейчас увидим.

Кто же такой в конце концов кулак и откуда он берется в деревне?

На этот вопрос нет двух ответов. Кулак есть продукт разложения крестьянства, это—сельско-хозяйственный капиталист, **но не всякий с.-х. капиталист, а обладающий особыми чертами**. Что кулак есть продукт расслоения деревни —это совершенно бесспорно, и лишь народническое стремление

---

[1]) Курсив автора.

доказать, что крестьянская община не разлагается, могло породить представление о кулаке, как о чем-то чуждом, инородном по отношению к крестьянству. Кулак, конечно, вышел из того же самого середняцкого крестьянского теста, из которого па другом полюсе вылепился батрак. Кулак вышел из середняка, превратившегося сначала в зажиточного или крепкого трудового крестьянина, а затем—в обыкновенного предпринимателя и эксплоататора; об этом никто не спорит. Вопрос заключается в другом.

Является ли неизбежной эволюция зажиточного крестьянина (безразлично, трудового или предпринимателя - капиталиста) в кулака и, если нет, то каковы те условия, при наличии которых складывается этот совершенно специфический экономический тип? [1]).

Для присвоения сельской буржуазией кулаческих черт необходимы совершенно особенные условия, а именно условия, характеризующиеся двумя словами: *остатки крепостничества*. Известно, что именно остатки крепостничества, как в области земельных отношений (отказ от отработки, община), так и в области отношений сословных (замкнутость крестьянского сословия), а также политических, именно это, вместе с отсталостью экономического развития вообще, являлось в дореволюционной России питательной средой для черт, характеризующих кулачество. Вместе с тем необходимо отметить, что уже тогда «роль капитала не исчерпывается кабалой и ростовщичеством, что капитал обращается также и на производство», «что зажиточное крестьянство вкладывает деньги не только в торговые заведения и предприятия, но и в улучшение хозяйства, в покупку и аренду земли, в улучшение инвентаря, наем рабочих и т. д.» [2]). Иначе говоря, на-ряду с кулацкими проявлениями мы наблюдаем и нормальное капиталистическое развитие растущего крестьянского хозяйства. Капиталистически развивающееся крестьянское хозяйство приобретает, таким образом, черты кулацкого хозяйства лишь в известных, строго определенных условиях. Совершенно правильно при этом и т. Смирнов и т. Калинин говорят о реакционном характере чисто кулацкого хозяйства, следуя в этом за Лениным, который установил, что «самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала в нашей деревне *задерживает* разложение крестьянства» [3]). Но особенно важно для нас *указание Ленина на те факторы, которые препятствуют или устраняют кулацкий характер деревенского капитализма. Это — развитие торговли, сближающее деревню с городом*, вытесняющее «*примитивные сельские базары*» и *подрывающее «монопольное положение деревенского лавочника»*, и *развитие «европейски-правильных форм кредита»*, вытесняющее деревенского ростовщика. «Капитал зажиточных крестьян, вытесняемый из мелкой торговли и ро-

---

[1]) Мы совершенно не касаемся в данной статье вопроса о том, в какой мере процесс кооперирования крестьянства открывает сейчас *возможность некапиталистического вообще* развития крестьянского хозяйства, что не означает, разумеется, чтобы мы игнорировали или тем более отрицали эту возможность. Просто, это—другой вопрос.

[2]) *Ленин*. Развитие капитализма в России, глава II, стр. 114—115, изд. «Московский Рабочий», 1923 г.

[3]) Там же, стр. 115.

стовщичества обратится в более широких размерах на производство, на которое он начинает обращаться уже теперь» [1]).

Если мы с этими предпосылками подойдем к современному положению, то получим следующую картину. Новая экономическая политика принесла с собой разложение крестьянства; оно приводит к образованию предпринимательских, капиталистических крестьянских хозяйств (через предварительное превращение середняцких в крепкие, трудовые, зажиточные хозяйства). Возможно, что *первые* шаги развития товарного и капиталистического товарного хозяйства у нас, содействовали кулацкому перерождению этих хозяйств, так как, вообще говоря, именно низкий уровень развития капиталистических отношений содействует росту ростовщичества и т. п., но зато полное, радикальное уничтожение остатков крепостничества должно было сильнейшим образом подорвать самую возможность такого перерождения. Кроме того, у нас сейчас энергичнейшим образом при активнейшем содействии государства происходят именно те процессы, о которых, как мы только что видели, говорил Ленин, как об уничтожающих развитие кулачества: во-первых, развитие торговли и—что особенно важно—кооперативной и государственной, т.-е. несравненно более могущественной, чем торговля деревенского лавочника; и, во-вторых, развитие «европейски-правильного кредита» и—что опять-таки важно—кредита кооперативного. Мы не говорим уже о целом ряде административных мер, принимаемых государством с целью борьбы с кабальными сделками и прочее.

Возможно ли, спрашивается, в таких условиях развитие специфического типа кулака? Конечно, нет! Оно невозможно и сейчас при сравнительной слабости кооперации (потребительской, кредитной, производственной и пр.). Оно тем более невозможно будет в дальнейшем, чем скорее и внушительнее будет рост кооперации. Кулак, как определенный экономический тип, доживает свои последние дни. *Говорить о кулаках, как об общественном слое сейчас можно только в том случае, если считать, что всякий сельско-хозяйственный предприниматель есть кулак или же если вообще по инерции от эпохи военного коммунизма всякого исправного крестьянина считать кулаком.*

Кулак—это тип дореволюционной России, переносить эту терминологию в наши условия, сохраняя то же самое содержание понятия, совершенно неправильно. Возможности нарождения кулака в наших условиях крайне ограничены, наоборот, на-лицо явится тенденция к вымиранию его. Кулак—это жупел, это—призрак старого мира. Во всяком случае, это—не общественный слой, даже не группа, даже не кучка! Это—вымирающие уже единицы.

Вот почему, как нам кажется, и т. Калинин и т. Смирнов фактически не находят современных красок для портрета кулака и заимствуют их из деревни прошлого. Вот почему, мы полагаем, слишком много чести делают они кулаку, разражаясь против него грозными филиппиками.

И вот почему вместе с тем их точка зрения остается об'ективно абсолютно правильной, поскольку они требуют бережного отношения к крепкому зажиточному крестьянину, т.-е. к

---

[1]) Там же, стр. 115.

середняку, переросшему свое середняцкое существо и вступившему на путь накопления: смешивать его с кулаком, конечно, не правильно.

Немаловажным свидетельством в пользу того, что кулака в самом деле в деревне почти не существует уже и сейчас, является то действительное, непритворное затруднение, которое представляет и для самих крестьян и для непосредственных наблюдателей деревни вопрос о том, кого из данных граждан данного селения признать кулаком. Рассказов об этом подчас сильно юмористических, а подчас и грустных было уже приведено в газетах достаточное количество. Повторять их мы не будем.

Итак, ни на минуту не отрицая процесса расслоения деревни со всеми вытекающими отсюда последствиями, мы, однако, решаемся утверждать, что только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно об'яснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака.

Впрочем, одну оговорочку надо сделать. Есть и у нас сейчас те моменты в общественно-экономических отношениях в деревне, которые сильно напоминают кулаческие, есть эти элементы «особо невыгодных для одной стороны сделок», о которых говорит тов. Калинин. Особенно ярко сказывается это в наших современных арендных отношениях. С другой стороны, есть и элементы ростовщичества, те самые «дружеские» услуги за «божеские» проценты, против которых основательно негодует т. Смирнов. Но и тут мы не вправе говорить о кулаке, так как ни в коем случае нельзя утверждать наличия тенденции к обособлению какого-либо слоя или группы в крестьянстве, монополизирующих проистекающие из этого особые выгоды. С одной стороны, «божеские» проценты берет решительно всякое крестьянское хозяйство настолько хотя бы зажиточное, что ему есть что одолжить (и само в свою очередь платит те же «божеские» проценты, так как и ему приходится одалживаться), с другой стороны, относительно аренды можно сказать, что в накладе иной раз остается именно исправное, более или менее зажиточное крестьянское хозяйство, так как сплошь и рядом в аренду сдают сейчас полукрестьяне-полурабочие, отказывающиеся от обработки земли, так как они окончательно осели в промышленности, а берут в аренду более или менее крепкие крестьяне. Кто кого тут эксплоатирует разобрать нелегко!

Наконец, нельзя отрицать, конечно, и случаев кулацкой эксплоатации наемного труда. Примеров тому достаточно.

Если поставить вопрос, на какой основе вырастают эти элементы нео-кулачества (элементы кулачества, а не кулаки!), то мы должны, кажется, признать, что почву для них создает недостаточное еще развитие товарности крестьянского хозяйства, с одной стороны, и те стеснения арендных отношений и найма рабочей силы, которые имеются в нашем земельном кодексе—с другой.

Начавшийся уж пересмотр некоторых положений земельного кодекса и настойчивая работа по кооперированию крестьянства должны сделать появление кулацких элементов в экономических отношениях деревни совершенно невозможным и окончательно уничтожить традиционный тип кулака.

С. Тимов.

Под знаком войны.

(Итоги бухарестской конференции Малой Антанты).

Малая Антанта—это образование, сложившееся в 1920—21 г. из стран-победительниц: Чехо-Словакии, Юго-Славии и Румынии в целях охраны статус-кво, т.-е. границ, установленных мирными договорами, в юго-восточной Европе. Заключив между собою, в течение 1920 и 1921 г.г., ряд военных соглашений, указанные три страны решили, что их министры иностранных дел будут собираться по мере необходимости для того, чтобы установить общую линию поведения в деле защиты своих интересов.

Нужно заметить, что в самом начале образования Антанты выяснилось, что между членами последней существуют определенные противоречия. Точка зрения на русский, например, вопрос была не у всех одинакова. В то время, как Румыния была настроена определенно враждебно к СССР и настаивала на помощи ей в бессарабском вопросе, Чехо-Словакия, заинтересованная в торговле с нами, не склонна была становиться на точку зрения румынского правительства, а Юго-Славия, не имеющая непосредственных точек соприкосновения с нашей Республикой, тем более не хотела брать на себя обязательств по отношению к охране восточных границ Румынии. Вопрос об отношении к СССР был, поэтому, из официальной программы Малой Антанты исключен, хотя к нему неоднократно возвращались.

В дальнейшем развитие внутренних отношений между странами Малой Антанты шло в двух направлениях: 1) по линии сужения круга вопросов, в которых союзные страны были взаимно заинтересованы вообще и 2) по линии роста противоречий в некоторых других вопросах. Высшее свое развитие обе эти тенденции получили за последний год—полтора, так что Малая Антанта за последнее время, как едино-политический фактор, представляла полуживой труп, и даже многие буржуазные публицисты не отрицали того, что она находится накануне краха.

Однако, последние события в Западной Европе и на Балканах толкнули страны Мал. Антанты вновь на сплочение. Провал гарантийного договора, события в Болгарии, избрание Гинденбурга президентом и воинственные речи в венгерском парламенте навели на буржуазию малых стран-победительниц смертельный страх и заставили их призадуматься над судьбами границ своих владений. Чехо-Словакия первой сделала отсюда практический вывод и пошла на сближение с Польшей. Еще не так давно

Прага и Варшава находились в натянутых отношениях, но теперь Бенеш, чехо-словацкий министр иностранных дел, удостоил своим приездом польскую столицу и там подписал (23 апреля) арбитражный договор, обязующий Польшу и Чехо-Словакию передавать на разрешение перманентной комиссии из 5 человек некоторые спорные, возникающие между ними вопросы. Не говоря уже о том, что этот договор, имеющий 25 статей, перечисляет больше вопросы, которые не подлежат решению арбитражным путем, нет сомнения, что не только для заключения арбитражного договора приезжал г. Бенеш в Варшаву: на банкете, устроенном в его честь, польский мининдел Скржинский, между прочим, сказал: «Наши страны одновременно увидели восход свободы, и их национальная организация зиждется на одинаковой основе неприкосновенных мирных договоров. Наши страны, которые вместе страдали, должны быть и в будущем об'единены в общем усилии и совместном сотрудничестве, вытекающем из логики истории и угроз будущего». Если переведем эти пышные слова на общечеловеческий язык, то станет ясным, что речь идет о создании гарантии соблюдения мирных договоров и, в частности, установленных польско-немецких границ, к исправлению которых Германия стремится. Отвечая на речь своего коллеги, Бенеш, солидаризуясь с ним, в то же время сказал: «После того, как мы завоевали политическую свободу, мы должны добиться экономической эмансипации. Наши народы имеют жизненные интересы, для претворения в жизнь которых мы должны друг-другу помогать и друг-друга дополнять. В этих целях нам предстоит выработать систему экономической солидарности, способной стать базой новой нашей свободы». Это означает, что Чехо-Словакия опасается германской конкуренции, которая будет представлять для нее тем большую угрозу, если осуществится намерение Австрии, встречающее, конечно, полное сочувствие в Германии, присоединиться к последней. Поэтому и Польша и Чехо-Словакия нуждаются теперь больше, чем когда бы то ни было, друг в друге для того, чтобы противопоставить себя поползновениям Германии и Австрии. Для выработки конкретных мер именно в этом направлении и приезжал чешский мининдел в Польшу.

В некоторых кругах Мал. Антанты чехо-польское сближение рассматривалось, как вступление Польши в состав этой Антанты. Бухарестский «Адеверул» писал, что «Румыния не может не радоваться по поводу этого сближения, как важного события, касающегося и нашей страны». Однако, радость румынской буржуазии преждевременна потому, что подобное вступление Польши означало бы обязательство со стороны и Чехо-Словакии и Юго-Славии гарантировать Польше и Румынии их границы с СССР. Подобная же возможность исключается всей историей развития отношений в среде Мал. Антанты. И действительно, хотя на последней конференции и обсуждались чехо-польские отношения, но состав Мал. Антанты остался прежним. Следовательно, дело ограничилось, повидимому, секретными обязательствами Чехо-Словакии и Польши только относительно Германии и Австрии. Несмотря на все это, чехо-польское сближение означает косвенное усиление Мал. Антанты.

Совершенно в духе варшавских речей бухарестская конференция приняла постановления относительно Австрии и Венгрии. Невыносимое положение первой заставляет ее искать спасения в об'единении с Германией. Мал. Антанта по этому поводу постановила: «соблюдение в целом всех статей мирных договоров—прежде всего». Что касается ее финансового оздоровления, то оно и в дальнейшем должно происходить под покровительством Лиги Наций, а пока что Бенеш ей посоветовал: «терпения и труда». «Речь не идет,—сказал он,—о том, чтобы помогать Австрии, а о тесном и дружеском сотрудничестве для устранения отрицательных последствий ее расчленения». Это нужно Бенешу, конечно, не для оздоровления Австрии, а потому «что по мере устранения трудностей, прекратится и тенденция к присоединению к Германии». Но и это сотрудничество ни в какой степени не означает конфедерации, сущность которой мы выяснили еще в мартовской книжке нашего журнала. «Что касается проекта Дунайской конфедерации,—заявил тот же Бенеш представителям печати,—то ее никто не желает, а поэтому она неосуществима; что допустимо, так это экономическое сотрудничество с соблюдением экономического и политического суверенитета наследственных стран. Это сотрудничество не может превратиться в таможенный союз и не может допустить свободного обмена, но зато может допустить пониженные тарифы и заключение преференционных конвенций». Таким образом, проект создания Дунайской конфедерации провалился, и англо-американские круги, добивавшиеся его осуществления, потерпели поражение.

Еще более решительную позицию заняла бухарестская конференция по отношению к Венгрии. По утверждению румынской печати, депутат Баросс произнес в начале мая в венгерском Национальном Собрании речь, в которой требовал от правительства активной политики с целью пересмотра Трианонского договора. Бетлен, венгерский премьер, говорил о том же на одном собрании парламентского большинства. Он заявил будто бы, что изменение мирного договора является постоянной целью всех сознательных венгров, однако для того, чтобы этого добиться нужно выждать благоприятного момента. Эти заявления произвели ошеломляющее впечатление. Одна видная румынская газета писала по этому поводу: «Правда, что граф Бетлен говорит о мирном пересмотре договора, но как мы можем себе представить, чтобы он и другие руководители Венгрии были настолько наивны, чтобы полагать, что победители добровольно согласятся на уничтожение мирных договоров?.. Они не могут не сознавать того, что изменения договоров во вред победителям в нынешних условиях нельзя добиться иначе, как только силою, т.-е. войною»... Официальное сообщение о работах конференции гласит, что поведение Венгрии, в частности в деле своего разоружения, не удовлетворяет правительства Мал. Антанты и не может «вызвать отношения доверия, необходимого для укрепления мира в центральной Европе. Эти отношения доверия становятся под угрозу заявлениями о необходимости изменения положения, созданного мирными договорами. Страны Мал. Антанты вынуждены принять их к сведению и сделать соответствующие выводы». Все это, по заявлению Бенеша, «принципы», что касается их осуществления, то это «находится в связи с нашей тактикой, а об этом мы не можем говорить открыто». Коротко, но вразумительно: отношения

между странами Мал. Антанты и Венгрией становятся натянутыми и могут привести к самым неожиданным сюрпризам.

Наконец, болгарский вопрос. Нужно сказать, что многое из того, что происходило в Болгарии, а также в связи с болгарскими событиями прошло незамеченным для общественного мнения нашей страны. Разыгравшиеся там события чуть было не поставили под угрозу мир на Балканах, и если войны удалось на этот раз избежать, то возможность ее в ближайшем будущем по поводу того или иного события совершенно не исключена.

Когда в церкви «Св. Недели» в Софии произошел взрыв, то для всех стало ясно, что правительство Цанкова, раздув это событие в «большевистскую» опасность, попытается «спекульнуть» на нем в целях увеличения армии и уменьшения бремени, наложенного на Болгарию Нейским договором. И в самом деле, в номере от 22 апреля правительственный официоз и орган правящей партии Болгарии «Демократически Сговор» в передовой дословно писал: «Вместе с увеличением численности армии, нам необходимо уменьшить непосильные финансовые тяготы, наложенные Нейским договором. Тяжкие репарационные обязательства ухудшают экономическую жизнь страны и создают условия для большевистской пропаганды. Помимо этих тяжелых финансовых обязательств, наше финансовое положение ухудшается благодаря системе добровольческой армии. Поэтому нам необходимо добровольческую систему заменить обязательным военным набором». Совет послов разрешил Болгарии увеличить количество добровольцев на 10.000 чел. до 31 мая. Заинтересованные страны этому воспротивились, но под давлением великих держав вынуждены были молчаливо проглотить эту пилюлю. Для нас не подлежит, однако, сомнению, что Румыния и Юго-Славия увидели в попытке Цанкова свалить с себя обязательства мирного договора и уничтожить коммунистические и радикальные элементы страны—предпосылку для политики реванша Болгарии. Поэтому они, особенно Юго-Славия, не прочь были сделать попытку интервенции. События складывались именно в этом направлении 21 апреля Цанков произнес речь в Народном Собрании, в которой сказал: «Верно, что Болгария опирается на свою, хоть и небольшую, но храбрую армию. Наша армия не агрессивна... но мы можем сказать, что кто посягнет на Болгарию, тот натолкнется на грудь болгарского войска и болгарского народа. (Бурные рукоплескания «сговористов»). Все расчеты на разрушение и уничтожение Болгарии ошибочны, и кто играет с огнем, тот от огня и погибнет» («Дем. Сгов». от 22 апр.). Ген. Волков, военный министр, был еще более откровенен и заявил журналистам: «Пограничные силы были сконцентрированы (на юго-славской границе) еще до взрыва из опасения налета бандитов (?!). Болгарский народ и весь мир должен знать, что, что бы ни произошло, болгарская армия будет знать, как поддержать порядок и защищать Болгарию против всякой интервенции, откуда бы она ни происходила».

Совершенно откровенно раскрыл нам карты «Адеверул», видная румынская газета. В передовой от 24 апреля она писала вот что: ...«В день, когда внутреннее положение маленького королевства станет опасным для спокойствия мира, в особенности ее

соседей, могут произойти очень тяжелые международные события».

«Из всех соседей Юго-Славия—самая беспокойная. Она не может стерпеть, чтобы революция стала хозяином положения в Болгарии, ни допустить увеличения военных сил. Отсюда вытекает очень тяжелое положение, ибо болгарское правительство заявляет, что не может без достаточной армии поддержать порядок».

«Какова будет развязка трагедии, разыгрывающейся по ту сторону Дуная?»—спрашивает газета и приходит к заключению, что «положение на Балканах неясно» не только в силу внутренних событий, «но и в силу реакции, которая наступит изнутри и позиции соседних стран». Почему интервенция не произошла? Да потому, что Юго-Славия не была обеспечена с тыла, а Румыния определенно опасалась, что красные войска перейдут Днестр, чтобы занять в этот момент Бессарабию. «Для Румынии эта опасность была бы еще большей, чем вмешательство в дела по ту сторону Дуная» («Адев.»).

«Но могут наступить обстоятельства, когда и положение пассивного наблюдателя не будет лишено опасности». Какие это такие обстоятельства? В случае, если в Болгарии вспыхнет революция, «ни в коем случае Румыния не может оставаться стиснутой между двумя большевистскими странами, которые бы ее задушили в соответствующий момент» («Адев.» от 24 апреля). Таким образом, интервенция в Болгарию не произошла не по воле правительств Белграда и Бухареста, а в силу опасения Румынии и Юго-Славии, что подобный шаг может привести к их собственному краху.

Как же отнеслась конференция Мал. Антанты к Болгарии? Она ей обещала моральную помощь в борьбе с большевизмом и потребовала роспуска вновь избранных добровольцев к 1 июня текущего года. Непроходимая пропасть лежит между Болгарией и Мал. Антантой, и никакие выдумки про «большевистскую» опасность ей не помогут. Цанкову остается или покориться ярму мирных договоров или открыто повести политику реванша.

Если верить буржуазной печати, все эти вопросы были решены единодушно. Это вполне возможно, но это единодушие в данном случае обязано противоречию интересов, существующему между странами Мал. Антанты: в венгерском вопросе они все одинаково заинтересованы, в австрийском же—Чехо-Словакия больше заинтересована, чем Юго-Славия и Румыния, а этих последних события в Болгарии касаются больше, чем Чехо-Словакии; отсюда взаимные уступки, на которые министры вынуждены были пойти для того, чтобы сохранить общее дело, созданное системой послевоенных договоров. Призрак ревизии мирных договоров реял над конференцией Мал. Антанты и заставил буржуазию трех союзных стран теснее сплотиться: элементы взаимной заинтересованности временно взяли верх над моментами антагонизма. Это обстоятельство, по моему, ничуть не должно нас смущать потому, что консолидация сил Мал. Антанты свидетельствует не о силе буржуазии в юго-восточной Европе, а о слабости ее и на Западе и на Юго-Востоке. Укрепление отношений между странами Мал. Антанты об'ясняется тем фактом, что положение в Западной Европе в высшей степени неопределенное, что, выражаясь нашим

злободневным языком, политическая стабилизация капитализма находится под большим вопросительным знаком и может быть сорвана в любой момент каким-нибудь непредвиденным событием. Усилия Мал. Антанты сейчас направлены на создание гарантийного договора. В настоящее время между странами Мал. Антанты существуют следующие договора: конвенция между Юго-Славией и Чехо-Словакией от 14 августа 1920 г., подкрепленная военной конвенцией 2 июля 1921 г. и возобновленная на 5 лет в 1922 г., и румыно-чешская конвенция от 23 апреля 1921 г., обе направленные против Венгрии, и румыно-юго-славское соглашение от 8 июня 1921 г., направленное против Болгарии, дополненное военной конвенцией 23 января 1922 г. Но с провалом женевского проекта гарантийного договора они стараются расширить эту базу. Для этой цели Юго-Славия ведет переговоры с Грецией; Румыния—с Грецией же и, как мы видели, Чехо-Словакия—с Польшей. Этим путем они хотят расширить круг союзников в определенных вопросах и обойти те именно вопросы, в которых интересы сталкиваются и которые неизбежно возникли бы при приеме Греции и Польши в состав Малой Антанты.

К чему должно неизбежно привести подобное «обрастание» Мал. Антанты. По нашему мнению, к росту опасности войны и окружению Советского Союза. Когда читаешь балканскую печать, то так и чувствуешь, что атмосфера насыщена опасностью конфликтов и что она готовит общественное мнение к будущим столкновениям. «Враги, которые не дают себя устранить», так озаглавил свою статью накануне открытия конференции «Адеверул» и в ней в черных красках рисовал все козни Болгарии, Австрии, Венгрии и Германии к пересмотру мирных договоров. Еще раньше «Самоуправа», белградский официоз, поместил вызывающую статью, свидетельствующую о том, что малые страны-победительницы прекрасно отдают себе отчет в том, что нарушение в каком-нибудь уголке Европы границ может привести к краху всего статус-кво в Европе. Статья озаглавлена: «Фронт на Висле». В ней, между прочим, говорится: «Теперь становится ясным, что Германия подготовляет угрожающее наступление на Висле... Будущая война начнется на Висленском фронте. Если этот фронт будет прорван, то это повлечет за собою крах западного фронта. В прочности висленского фронта заинтересованы все страны и народы, которые стоят за соблюдение территориального разграничения после войны... Фронт на Висле—это наш фронт... Ни одна запятая не должна быть изменена в тексте договоров. Речь не идет о споре между немцами и поляками, а о споре, затрагивающем интересы всех подписавших договоры стран».

Бенешу, видимо, удается взять на борт Юго-Славию и Румынию и заинтересовать их в походе против Германии, пытающейся исправить свои восточные границы и присоединить к себе Австрию. Положение вещей в юго-восточной Европе складывается под знаком войны, и вся работа бухарестской конференции имела целью подготовку союзов на случай будущих столкновений.

Что касается отношения всех этих событий к судьбам нашего Союза, то тут представляется интересным привести отзывы прежде всего французской печати. «Пти Паризьен» по поводу

поездки Бенеша в Варшаву писал, что польско-чешское соглашение является дополнением к польско-румынскому соглашению (Польша и Румыния находятся в оборонительном союзе против СССР, заключенном 4 марта 1921 г.); а «Тан» в передовой от 24 апреля писал так: ...«польско-чешское сближение значительно усиливает Малую Антанту и связывает последнюю с группировкой балтийских государств, которая образована в том же духе совместной защиты, что будет не безразлично в тот момент, когда придется позаботиться о сохранении европейского мира и от немецкой опасности и от угроз (?) русского большевизма». Еще более откровенна была, как мы видели, юго-славская печать. Не держит языка за зубами и румынская. В статье: «Вопрос о греко-румынском союзе. Что нам рекомендуется и что нам не советуется» «Адеверул» (от 17 апреля) проводил ту точку зрения, что СССР будто бы стремится захватить Бессарабию, а потом перешагнуть и к проливам. Если, мол, для Ангоры, это сейчас не ясно, и она «кокетничает» с Москвой, то в один прекрасный день она в этом убедится и придет к заключению, что между Турцией и Румынией существует взаимная заинтересованность и окажется, поэтому, с ней в союзе против СССР. Поэтому с Турцией сейчас ссориться не следует, а следовательно, не надо и союза с Грецией, который неизбежно будет направлен против Ангоры. «Оборонительный фронт против агрессивных действий со стороны России может быть действительным только в том случае, если он будет проходить от Балтийского моря не только до Константинополя, но и по ту сторону проливов на протяжении южного берега Черного моря до того пункта, где Россия приходит в соприкосновение с Зап. Азией».

Все эти цитаты, думаем, не нуждаются в комментариях; смысл их слишком ясен. Даже если бы у окружающих нас буржуазных стран не было злого умысла против нас, то на то существуют великие державы, которые их направят в качестве своего орудия против нас. Малая Антанта и слагающиеся вокруг нее новые союзы будут направлены английским империализмом против СССР, против экспансии Италии на Балканы и против революционной Турции. Со своей стороны, Франция, несомненно, попытается направить их и против СССР, и против Германии, и против Англии для того, чтобы вынудить у последней уступки в вопросе о гарантии безопасности. Поэтому новые комбинации на Балканах и, вообще, в Юго-восточной Европе означают не что иное, как выражение обострения отношений между великими империалистическими державами: Англией, Францией и Италией.

Каковы дальнейшие перспективы развития Мал. Антанты? Братание мининделов на бухарестской конференции ни в коем случае не означает устранение существующих между ними противоречий. В русском вопросе интересы стран Мал. Антанты продолжают оставаться различными. Бенеш по выходе с конференции заявил, что он готов признать Советы, но выжидает подходящего момента. Румынии же и Юго-Славии придется ждать пока мы их признаем, а сделаем мы это тогда, когда они вынуждены будут согласиться на урегулирование спорных вопросов соответственно интересам нашей страны и Бессарабии.

Антагонизм между Румынией и Юго-Славией в вопросе о Банате и нацменьшинствах продолжает оставаться во всей своей силе. Характерно отметить, что Иорга, националист, профессор (кстати сказать, идеальный образец буржуазно-профессорского невежества и тупоумия), кумир румынского общества, счел нужным именно накануне открытия конференции выступить в палате депутатов с критикой политики правительства в данном вопросе. «Банат,—сказал он,—представляет экономически одно целое и через соглашение с сербами, на основе взаимных экономических выгод, мы можем заключить договор о восстановлении экономического единства через политические границы». Это предложение было встречено аплодисментами, а общество македонцев-студентов румынских университетов подало на самую конференцию меморий, в котором, перечисляя все грехи сербского правительства, не соблюдающего статей мирных договоров относительно защиты нацменьшинств, просит заступничества против денационализаторской политики румынского меньшинства в сербской Македонии. Все это достаточно иллюстрирует «дружеские» отношения между союзниками.

Та же Румыния окончательно не определила своего отношения к Болгарии. К последней она определенно тяготеет, но когда разрешили Болгарии увеличить армию, то запротестовала. В некоторых румынских кругах считают, что более выгодно отказаться от предполагающегося греко-румынского союза, который восстановит против себя Болгарию, и ориентироваться на последнюю, чтобы иметь ее союзником в случае столкновения с СССР. Наконец и Юго-Славия несколько находится на распутье. Если Греция откроет сербской промышленности свои рынки и даст ей свободный выход через Салоники в Эгейское море, то Юго-Славия пойдет с ней на союз, в противном случае, она вновь обратится в об'ятия Италии, чтобы противопоставить ее Греции в спорных территориальных вопросах.

В силу всех этих обстоятельств у нас нет никаких оснований предполагать, что малейшее изменение положения в центральной и юго-восточной Европе, которое может там произойти, не вызовет к жизни антагонизмов, которые теперь как-будто отступили на второй план. Наоборот, борьба великих империалистических держав, которая вновь с удвоенной энергией начнется с момента образования новых союзов на Балканах вокруг Мал. Антанты, которая теперь как-будто ушла в себя вследствие политической и экономической слабости Франции и враждебности Англии к гарантийному договору, неизбежно приведет к обособлению балканских держав и вовлечению их в те или иные сферы влияния. А это и приведет Малую Антанту к ее естественному концу, который сейчас пытаются отсрочить, — к краху.

Ал. Ширямов.

По поводу одной анкеты.

Мы довольно много писали о ленинском призыве и приблизительно знаем эту среду, ее запросы, настроения... Я хочу коснуться настроений и запросов не только этой, но и другой низовой партийной среды, уже поработавшей в партии, поскольку эти настроения могли выявиться в проведенной мною анкете в одной из школ политграмоты. До заполнения анкеты я уже поработал со школой в течение двух месяцев. Установившийся при этом со стороны курсантов интерес к занятиям, дружная совместная работа, основанная на большой самодеятельности курсантов, позволили провести анкету при полном интересе к ней со стороны курсантов и обеспечили ее успех. Участвовало в анкете 32 курсанта, подано анкет 30. Из этих 30-ти ленинского призыва 15 человек, остальные вступили в партию ранее. В большинстве своем слушатели школы являются рабочими, уже поработавшими в партии, или на различных советских постах.

В момент вступления их в партию учиться было некогда, острая нужда в работниках заставляла партию немедленно использовать их на работе. Но вот гражданская война закончилась, настали условия иной, более мирной работы по строительству новой государственности; работы, потребовавшей, кроме преданности интересам пролетариата, еще тех или иных знаний, в партии наступила полоса проверок и чистки. У многих знания оказались недостаточными и это привело их самостоятельно или по постановлению поверочных комиссий в школу политграмоты.

Лучше всего состав школы будет виден из следующих цифр. Из 32 человек вступили в партию в 1917 г. 2 чел., в период между 1918 и 1920 годами—6 чел., с 1921 г. по 1923 г.—6 чел., в 1924 г.—15 чел.

По возрасту: до 20 лет—1 чел., от 20 до 30 лет — 17 чел., свыше 30 лет—13 чел.

Все грамотные, все читают газеты, книги, многие уже побывали в кружках, двое учатся на рабфаке. По образованию: малограмотных—1, со средним образованием (кончивших школу II ступени)—4 чел., остальные имеют низшее образование.

10 человек служили в царской армии и участвовали в мировой войне, 16—в гражданской войне, 19 чел. работали на заводах более года, 7—крестьяне, 18—жили в деревне.

Им была предложена для заполнения следующая анкета:

1. Считаете ли вы ту жизнь, которую сейчас ведете, интересной, полной.
2. Что вас интересует в жизни.
3. Удовлетворяет ли вас та работа, которую вы сейчас выполняете и какую работу хотели бы выполнять.

4. К какой деятельности вы себя готовите.
5. Кем бы хотели быть.
6. Какие науки и знания вы хотели бы приобрести.

Для того, чтобы ответы могли быть вполне независимыми, я поставил в классе вопрос о том, не сделать ли эту анкету анонимной. Это предложение вызвало оживленный обмен мнений и анонимность была принята единогласно, были сделаны даже дополнительные предложения подавать анкеты в конвертах, опускать их в ящик и т. д. Дополнения эти были отвергнуты.

Для полноты характеристики состава школы упомяну еще, что большинство курсантов занимают разные должности от курьеров до зав. фин. отделом в одном из крупнейших хозяйственных об'единений СССР; меньшинство—рабочие на складах.

Из числа курсантов женщин—9, среди комсомольцев—2 девушки.

Через неделю я собрал и суммировал ответы. Когда я проводил анкету, мною руководило прежде всего желание выявить полностью лицо аудитории, полученные же ответы затронули ряд таких вопросов, которые представляют и широкий партийно-общественный интерес. Поэтому я решил поделиться с товарищами результатами этой анкеты.

По первому вопросу из 30 ответивших вполне удовлетворены жизнью девять товарищей, ибо как пишет один из них:

«...только и можно жить при Советской власти».

Другой товарищ добавляет:

«...жизнь всегда интересна, но полнота жизни чувствуется особенно теперь, когда строится пролетарское государство и приходится участвовать в строительстве его, хотя и в малом размере».

9 товарищей считают жизнь интересной, но не полной:

«...интересной да, а полной нет...».

Здесь идет уже некоторое раздвоение. Общественная жизнь, конечно, интересна, такой еще не было в мире; но некоторые личные запросы товарищей не удовлетворяются. Почему? Один «потерял здоровье в классовой борьбе», другой много перенес: «пришлось видеть очень многое, но хорошего очень мало».

Одна из курсанток отвечает:

«цели, которые я себе поставила, мною еще не достигнуты, а достичь их в условиях, в которых я живу, очень трудно. Если хватит здоровья, то лет через 5—6 я их достигну».

Три товарища связаны тяжелыми семейными условиями; так хочется учиться, принимать участие в общественной жизни, посещать собрания, но... семья приковывает к месту.

Некоторых жизнь не удовлетворяет. Ряд товарищей кратким «нет» отгораживается вообще от разговоров на эту тему. Для других основной причиной недовольства является еще неналаженность жизни вообще:

«...жизнь еще не налажена, чтобы считать ее полной...». «Чем она скрашивается, так это—вполне ясным и отчетливым сознанием того, что сейчас идет подготовка и развертывание лучших перспектив жизни для будущих поколений».

В большинстве недовольные жизнью товарищи недовольны и той работой, которую им приходится выполнять.

Неудовлетворенность работой, естественно, не может не отражаться на оценке партийцами своей жизни. Трое из них загружены на работе не в том об'еме, в котором они могли бы выполнять работу и выполняли ее до революции. Есть жалобы на отсутствие необходимых знаний, на то, что работа, в особенности перегрузка, мешает приобретать эти знания. Товарищ, стремящийся к чисто партийной работе, принужден заносить входящие и исходящие. Он не жалуется, он отмечает, что неудовлетворен работой, но подчиняется партии:

«... так как на ней (на этой работе) нужен партиец, то приходится выполнять».

Но здесь в струю естественного недовольства своим положением вливается уже и другая нотка. Удовлетворения работой «...нет, а желание, где работать (говорит одна анкета), отпадает, так как члены партии посылаются туда, где это является необходимым по мнению партии».

В ответах на третий вопрос попалась только одна такая анкета, но в ответах на пятый—их уже четыре:

«стоит ли чего-либо желать, если партия все равно пошлет тебя не туда, куда ты хочешь»...

«Это зависит от партии, которая посылает на ту или иную работу».

На третий вопрос 16 анкет дают удовлетворительный ответ. Из 30 партийцев 16 стоят на работе, которая их вполне удовлетворяет. Это не так уже плохо.

Необходимость специализироваться на какой-либо работе здесь еще не достаточно осознана. Чем больше партиец будет оставаться без специальности, тем естественно чаще партия будет бросать его на случайные и неудовлетворяющие его работы. Ячейки, от которых в первую очередь зависит выявлять способность партийца, могут и должны более активно стремиться «поставить надлежащего человека на надлежащее место» и изживать эту ненормальность в использовании партийцев не по специальности.

Что интересует партийца в жизни?

Только две анкеты дают, помимо общественных устремлений, сведения о личных желаниях заполнявших их:

«...лично для себя,—говорит одна,—интересуюсь поездкой за границу».

Другой любит охоту. В этом направлении анкета не выявила личных устремлений партийцев, просто потому, что товарищи не считали интересным давать эти сведения. Общий тон ответов—это стремление приобрести как можно больше знаний.

Необходимость знания усвоена вполне. Чтобы быть строителем нового общества, чтобы, состоя в партии, вести за собой массы, нужно знание, нужно упорное и систематическое изучение способов и путей достижения коммунизма.

Типичным ответом на этот вопрос является следующий:

«Принимать активное участие в общественной и политической жизни, стремясь всеми своими силами приблизить эру социализма и дожить до нее. Посмотреть на тот общественный строй, за который мучительно борется рабочий класс, к которому принадлежу и я. И иметь среднее материальное существование для своей семьи».

Этот товарищ на первый и третий вопросы анкеты ответил коротким «да»..

В той или иной форме этот ответ варьируется во всех анкетах.

«Меня интересует в жизни,—пишет один едва разбираемым почерком,—развиться хорошо в политическом отношении, а также получить какое-либо специальное образование».

Он же на первый вопрос ответил, что его жизнь не удовлетворяет:

«потому что сейчас еще не так хорошо все налажено у нас, чтобы считать жизнь полной».

«Интересует меня будущность человечества всего земного шара»,—отвечает другой.

«Меня интересует в жизни общество, в котором нет богатых и бедных».

«...ход революционного движения».

«...развертывание революции и ее ближайшая цель—мировая революция».

«Хочу быть полезным членом трудовому народу».

«Хочу быть честным человеком и тем самым иметь спокойную совесть».

Особо конкретную цель поставил себе один товарищ:

«чтобы как можно скорее разбить польскую шляхту, которая свирепо расправляется с рабочими и крестьянами».

Он до конца остается верен этой «идее» и по четвертому вопросу хотел бы готовить себя «разбить Польшу и соединиться с германским пролетариатом, где бы можно было похоронить буржуазию мировую». А быть он хотел бы «агитатором деревни».

На четвертый вопрос анкеты—«к какой деятельности вы себя готовите?»—пять товарищей заявили, что не готовятся ни к какой. Двое из них об'ясняют это кратким: «года ушли», двое предоставляют решение партии—«какую поручит партия»—и пятый говорит:

«не готовился и не готовлюсь, так как моя деятельность должна всецело зависеть от назначения парторганов, которые назначают, а к чему готовиться—трудно предугадать».

Верно ли это? Конечно, нет. В конце статьи мне еще придется вернуться к этому ответу в связи с другим подобным же ответом.

Из остальных ответивших пять готовят себя определенно к хозяйственной деятельности: по одному — к профессиональной, культурно-клубной, журналистике, партработе. Остальные еще точно не определили своих наклонностей—вообще к общественной работе, или вообще к накоплению знаний и политическому развитию».

Пятый вопрос анкеты почти повторяет собою четвертый, и я хотел исключить его из анкеты, но когда я его огласил, класс запротестовал, указывая на то, что готовить себя в данное время человек может к одному, а его действительное влечение может быть к совершенно иной области работы или знания. Вопрос решено было оставить в анкете, практика же показала, что по существу ответы на него одинаковы отчасти с четвертым, отчасти с шестым, поэтому я их здесь выпускаю.

По шестому вопросу желания партийцев разделились. Девять товарищей желают хорошо изучить марксизм, стать широко развитыми людьми нового строя, одновременно высказывая желание изучить конкретно ту или иную науку или приобрести знания, напр., по механике, по технике и т. д. Десять товарищей хотят получить политико-экономическое знание, т.-е. для коммуниста—тот же марксизм; пять—получить техническое образование; по одному—быть агрономом, журналистом, техником в деревне, изучить языки, пение.

Таковы данные анкеты.

Приведу еще типичные для различных групп курсантов ответы по всей анкете. Вопросы выпускаю:

«Конечно, как рабочему в настоящее время жизнь не так хороша и интересна, раз жизнь не налажена, идет борьба с иностранным капиталом (1). Только усердная работа и чтение политических книг (2). Пока работа меня удовлетворяет (3). Быть хорошо политически развитым (4). По своей неподготовленности в настоящее время каким-нибудь начальником быть не могу, а если это будет нужно, то могу выполнить более легкую (5). По техническому (6)».

Вот вторая анкета рабочего:

«Сейчас жизнь для меня не является интересной, потому что я не могу еще рассматривать более существенные вопросы моей жизни (1). Меня интересуют в жизни больше всего вопросы общественного характера (2). Работа меня не удовлетворяет, которую я сейчас веду, потому что мне она не нравится, а хотел бы вести более живую (3). Готовлюсь к более для меня подходящей работе и к общественной (4). Я хотел бы быть рабочим, знающим все политические и общественные вопросы (5). Хотел бы быть развитым человеком политически и получить техническое образование (6)».

Характерна анкета «протестанта»:

«Свою жизнь считаю интересной, но не полной, в связи с утерянным здоровьем в классовой борьбе (1). Интересуют меня знания вообще (2). Работа, которую веду сейчас, не удовлетворяет, а желание где работать отпадает, так как члены партии посылаются туда, где это является необходимым по мнению партии (3). Ни к какой деятельности не готовился и не готовлюсь, так как моя деятельность и т. д. (см. выше) (4). Буду тем, кем найдет нужным партийный орган (5). Желал бы получить техническую подготовку (6)».

Приведу еще одну анкету, тоже типичную для ответов женщин-курсанток:

«Жизнь, которую веду сейчас, считаю интересной, но не полной, потому что цели, которые я себе поставила, мною еще не достигнуты, а достичь их в условиях, в которых я живу, очень трудно; если хватит здоровья, то через 5—6 лет их достигну (1). Интересует меня в жизни очень многое, хочется учиться и учиться (2). Вся работа, которую я сейчас веду (канцелярская), меня вполне удовлетворяет, так как надо начинать с того, что сможешь хорошо выполнить, а там, выучившись на маленьких делах, и большую работу сможешь вести (3). Готовлю себя к культурно-клубной работе (4). Хотела бы быть самым полезным человеком, выучить себя для ответственной работы, так как кто не надеется на свои силы, то пусть и плетется куриным шагом, а люди, которые смогут работать, то они, зная себя, как способного человека, должны не заглушать в себе жажду знания, а развивать, так как способные и энергичные люди нам нужны».

«Еще хотела бы не тратить зря время на службу (без которой нечем существовать), а это драгоценное время затратить на учебу и партработу. В настоящее время это самое большое желание (5). Хотела бы иметь знания для литературно-газетной работы, для этого, если бы не мешала служба, я поступила бы в институт советских журналистов и литераторов (6)».

Жизнь интересна, но она усложняется с каждым днем. Не было еще в мире эпохи, подобной переживаемой. Но чтобы строить новую жизнь, коммунистическое хозяйство, нужны знания, надо учиться и учиться. Эта мысль, это стремление едино для всех. Не беда, что то место, которое я хочу занять в этой жизни, в этом строительстве, еще далеко от меня, что нужно пять-шесть лет упорного труда, чтобы достигнуть его, не беда, лишь бы было здоровье. Разве это не та основная, здоровая черта, которая определяет новые силы, рвущиеся к работе, новый класс, крепкий, упорный в достижении поставленных целей, подвигающийся к творчеству новой жизни.

Ему ничего не страшно, он ни от каких временных неудач, еще неналаженности жизни, не приходит в уныние.

И начинать надо, говорит последняя анкета, с маленького, учиться надо на простой по силе работе... «с того, что сможешь хорошо выполнить.

А научился—шагай дальше.

Именно, начинай с того, что хорошо выполнишь.

Да ведь именно Ильич и говорил нам, что самый большой грех для коммуниста думать, что он все знает и все может. Именно Ильич предупреждал партию, те новые кадры, на которые ляжет вся тяжесть строительства коммунистического хозяйства, что надо учиться и учиться, что тот, кто думает через два года жить в этом коммунистическом обществе, или авантюрист, или не развитый совершенно человек, что нужны годы и годы упорного труда и нужно знание, как его, это хозяйство, строить.

Мысль учителя воплощается в дело и новые кадры борцов за коммунизм стоят на верной дороге.

После этого общего бодрого тона всех поданных анкет голосом из другого мира будет звучать для нас заявление еще одной анкеты, еще одного «партийца».

Он отвечает на первый вопрос.

«Нет, потому что в настоящее время чувствуется сильная реакция в партийной жизни, нет свежей мысли, отсутствует товарищеская спайка, нет революционного смеха, оказалось много подсиживателей и подглядывателей...»

«Интересовала меня общественная деятельность, но благодаря причинам, изложенным в пункте 1, я остаюсь только зрителем или работаю, что дадут, впредь до изменения методов работы руководителей...»

Хорошо отвечает этому «зрителю» приведенная выше анкета...— «кто не надеется на свои силы, то пусть и плетется куриным шагом, а люди, которые могут работать, то они, зная себя, как способного человека, должны не заглушать в себе жажду знания, а развивать...»

Какие изменения методов работы ждет этот товарищ, он с полной ясностью выявляет в ответе на четвертый вопрос:

«...члены партии не располагают своим «я» и своим временем. Можно ли готовить себя к чему-либо при наличии таких бесконечных фактов, как постановления партии «отправить на какую-то работу»—иди. Знаешь ты эту работу или нет, для партии как бы безразлично—«приказываю и баста»... Нет качественного учета, нет добровольного выявления своих познаний, желаний и наклонности к работе—есть только принуждение, именуемое «партдисциплиной»...

Вот они «изменения методов работы»-то. Партдисциплина мешает. Нужно ли искать другой более яркий и совершенный облик меньшевика, пробравшегося в партию. Здесь налицо все главные организационные принципы меньшевизма.

Дисциплина не дает выявиться личности человека, его «Я».

Разве не этот «принцип» ярко сказался сейчас в «Уроках Октября», по которым весь октябрьский переворот проделан отдельными личностями. Те, кто видит в т. Троцком организующий оппозицию центр, направляют свои удары по самому основанию партии—ее единству, ее дисциплине.

Для них партия—учреждение, смысл существования которого исчерпывается устройством их собственной жизни, как они ее желают и мыслят; жизнь партии, задачи партии для них стоят на втором плане.

Партия должна обеспечить их по их желанию службой, которая доставляла бы им удовольствие, «революционный смех»; участвовать в борьбе, т.-е. нести те или иные обязанности в партии, они будут по влечению своего сердца, а отнюдь не по «принуждению».

Партия не смеет им «приказывать», она может их лишь просить и лишь с их согласия давать им ту или иную работу.

Желают—работают, не желают—не работают.

Не жизнь, а малина.

Черная обыденная работа революции, незаметная, но необходимая, подчас основная, на которой не ведомые никому гибнут и сгорают раньше времени сотни и тысячи членов партии,—эта работа не для их эстетических натур.

Что должна, напр., делать партия, если ей надо бросить в деревню сотню или тысячу просто хороших коммунистов, ибо науки строить хозяйственную жизнь по-коммунистически до сих пор не существовало и научиться ей было не от кого,—это не их дело.

Партия как хочет и они тоже.

Разумеется, чем нормальнее будет становиться жизнь и крепче существование нового строя, тем меньше должно быть и будет использование членов партии не по специальности; но еще долго партия принуждена будет бросать партийцев, обладающих разными знаниями, на такую работу, единственной специальностью которой является ее необходимость для революции, для сохранения диктатуры пролетариата. Ведь в том и трудность строительства коммунизма, что это для всех нас новая «специальность».

Только люди, желающие использовать партию для устроения своей собственной жизни, т.-е. в своих собственных целях, люди чуждые партии и большевизму, могут восставать против «принуждения, именуемого партдисциплиной», и в ожидании развала партии оставаться «зрителями».

В партию их привела только личная выгода, и именно поэтому они не уходят из нее.

Это про них сказал Ильич:

«Всякий оппортунист отличается приспособляемостью, и меньшевики, как оппортунисты, приспособляются, так сказать, «из принципа» к господствующему среди рабочих течению, перекрашиваются в защитный цвет, как заяц становится белым зимою. Эту способность меньшевиков надо знать и надо ее учесть. А учесть ее, это значит очистить партию,—примерно, до девяноста девяти сотых всего числа меньшевиков, примкнувших к РКП после 1918 г.».

Заканчивая обзор анкеты, я считаю, что по своим результатам она вполне достигла поставленных целей. Аудитория школы вполне выяснилась, ясно и направление, в котором должна развиваться наша учеба. Анкета выявила ряд интересных и в узко-партийном и в общественном смысле вопросов, которые следует тщательно проработать с курсантами. Разве не интересен, напр., вопрос о том, надо ли коммунисту готовить себя к какой-либо определенной работе помимо общей готовности итти туда, куда потребуют задачи революции, или он может без руля и без ветрил носиться в революционной стихии, не зная и не желая иметь своего места в строительстве новой жизни. Или, напр., может ли член партии, оставаясь в ее рядах, занять «ответственный» пост «зрителя». И не только в рядах партии, а вообще в пределах СССР.

Для зрителей победившая революция отвела просторный «амфитеатр»... за границей.

Мы гоним со службы спецов, если они обнаруживают склонность работать лишь «постольку, поскольку» они подчиняются принуждению,—можем ли мы терпеть в своих рядах (членов партии) меньшевиков, равняющихся по спецам и загранице.

Все эти вопросы имеется возможность выявить и обсудить в классе не в порядке дискуссии, которая не всегда уместна в школе, а «не затрагивая личностей», как обсуждение основных вопросов жизни партии и ее организационных принципов.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

П. Попов.

Перенаселение деревни.

> Главная и непрерывная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления, или от неравномерного распределения имуществ; богатые не в силах, доставить бедным работу и пропитание; поэтому бедные, по самой сущности вещей, не имеют права требовать от них работы и пропитания: вот какие важные истины вытекают из закона народонаселения...
>
> Если эти истины всюду распространятся, на что, со временем, мы можем надеяться, то низшие классы народа, взятые во всей их совокупности, станут более миролюбивы и послушны; они не так легко готовы будут на возмущение в случае недостатка хлеба.
>
> Мальтус.

> Капиталистическое накопление постоянно создает, пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно, т.-е. для потребностей капитала в самовозрастании, излишнее или добавочное рабочее население.
>
> Рабочее население, вместе с производимым им же самим накоплением капитала, создает, следовательно, в возрастающих размерах средства, делающие часть его избыточною.
>
> Маркс.

Буржуазные экономисты, особенно, если они профессора, с особой любовью фиксируют внимание читателей и слушателей на двух пунктах—перенаселении деревни и законе убывающего плодородия почвы. Проф. Бруцкус—яркий, даже махровый представитель буржуазной науки—цинично-откровенно писал: «аграрная революция (октябрьская) сама по себе не могла решить аграрного вопроса, как проблемы перенаселения; с экономической точки зрения земельный переворот (октябрьский) не мог дать крестьянству ничего существенного»[1].

Профессор Лубны-Герцык сообщает: «Русская революция разрешила эту задачу (дополнительное наделение по терминологии автора) одним великим стихийным порывом. Ныне вся удобная для сельского хозяйства земельная площадь находится в руках трудового крестьянства... Всеобщий уравнительный передел стал действительностью. Однако земельной нужды русского крестьянства он не устранил... (курсив наш. *П. П.*). Аграрное перенаселение России после нивелирующего воздействия русской революции выяснилось грозно и не двусмысленно»[2].

---

[1] Б. Бруцкус, Аграрное перенаселение и аграрный строй,—«Сельское и лесное хозяйство», № 7—8, 1922 г., стр. 30.

[2] Л.-Герцык, Об аграрном перенаселении России, стр. 9,—отдельные оттиски из журнала «Сельское и лесное хозяйство», № 10, 1923 г.

Итак, оба буржуазные экономиста, величайшие достижения социальной революции Октября сводят на-нет.

Первому из них—проф. Бруцкусу—это понадобилось для того, чтобы «научно» доказать ту, по его мнению, истину, что аграрный строй, чтобы он... «мог обеспечить нормальное развитие народного хозяйства... должен создать известную свободу мобилизационным процессам» [1]), и, во-вторых, что «национализация земли генерализирует и обостряет тот принцип иммобильности земли, который привел уже русское общинное крестьянство к величайшему кризису» [2]). Выход из этого положения проф. Бруцкус видит в денационализации, в восстановлении частной земельной собственности.

«Аграрный строй должен быть таков, чтобы он с полной определенностью ставил перед населением проблему народонаселения и содействовал ее разрешению. Этому условию удовлетворяет институт частной земельной собственности, и ему не удовлетворяет общинное землевладение.

«Для собственника совершенно ясны те задачи, которые на него возлагает увеличение семьи. Учитывая возможное интенсифицирование хозяйства, он может точно определить, сколько его детей сумеют прокормиться на его участке... Проблема ясна, она в сильнейшей мере стимулирует энергию, трудоспособность населения; делаются сбережения, глава семьи страхует свою жизнь, имея в виду трудный момент дележа наследства, приобретаются профессиональные навыки. Сознание предстоящих к преодолению трудностей не остается без влияния через брачность на темп размножения населения. Наконец, к моменту дележа наследства залог земли дает остающимся средства для выдела сонаследников» [2]).

Тут все договорено, все ясно, нет ни капли завуалирования, ни в постановке вопроса, ни в проектах разрешения.

Что касается второго автора, то этот развивает уже чисто мальтузианские взгляды и разрешение аграрного кризиса, собственно, видит в применении непосредственных мер ограничения рождаемости со стороны самого населения. Так, он об'являет: «для меня нет сомнения в том, что интенсификация нашего сельского хозяйства не является выходом из кризиса аграрной насоленности», как не является для него выходом переселение, которое не в силах поглотить всего естественного прироста населения, так же, как не является выходом и развитие промышленности, темп которой благодаря революции сократился [3]).

Так ставят вопрос о перенаселении и так его разрешают представители буржуазной науки. Но как же должен быть поставлен вопрос нами, марксистами?

Прежде всего, самым категорическим образом мы должны отмежеваться от каких бы то ни было абсолютных законов размножения населения; есть только закон роста населения определенных эпох, соответствующих определенным системам производства этих эпох, как это с ясностью и точностью установил Маркс.

---

[1]) Бруцкус, Аграрное перенаселение и аграрный строй,—«Сельское и лесное хозяйство», № 7—8, стр. 33 и 35.

[2]) Ibid., стр. 20.

[3]) Лубны-Герцык, Об аграрном перенаселении России, стр. 22, и отдельный оттиск журнала «Сельское и лесное хозяйство», № 10, 1923 г.

Определенным производственным отношениям всегда свойственен свой закон народонаселения, и рост населения нормируется в каждую эпоху присущими ей общественными отношениями. Например, закон размножения крепостного населения был иной, чем закон размножения государственных крестьян. Так по Тройницкому числилось крепостного населения

по 8 ревизии	1836 г.	22.778.000	об. п.
» 9 »	1851 »	22.368.000	» »
» 10 »	1858 »	22.563.000	» »

За 22 года—с 1836 по 1858 год—количество крепостных уменьшилось на 1,0%, тогда как общее количество населения возросло на 16,8% и в этом числе государственных крестьян—на 12%.

Таким образом помещичий строй сельского хозяйства конца крепостной эпохи определенным образом разрешал проблему размножения крепостного населения. Опираясь на эксплоатацию крепостного труда и организацию крепостного хозяйства, помещики нормировали определенным образом размножение принадлежащего им населения.

Совсем другим темпом начало расти население после падения крепостного права. За 9 лет—с 1858 по 1867 год—бывшее крепостное сельское население увеличилось на 2,4 миллиона, т.-о. на 10%.

Капитализму, как и другим формам производства, свойственен свой закон возрастания населения, при чем этот закон возрастания модифицируется суммой конкретных условий каждой данной страны, степенью и формой капиталистических отношений как в городах, так и сельских местностях, взаимоотношениями сельского хозяйства и промышленности, продолжительностью периода развития капиталистических отношений, взаимоотношениями с другими странами и другими конкретными историческими данными условиями жизни каждой страны определенной эпохи на определенной стадии ее исторического развития.

Приводим статистическую справку о движении населения 4-х стран [1]):

	1480 г.	1580 г.	1680 г.	1780 г.	1880 г.
Европейская Россия	2,1	4,3	12,6	26,8	84,5
	100,0	204,8	600,0	1.276,2	4.023,8
Англия	3,7	4,6	5,5	9,6	35,0
	100,0	124,3	148,6	259,5	945,9
Франция	12,6	14,3	18,8	25,1	37,4
	100,0	113,5	149,2	199,2	296,8
Испания	8,8	8,2	9,2	10,0	16,3
	100,0	93,2	104,5	113,6	185,2

Таким образом мы видим, что каждая из указанных стран имела свой темп возрастания населения.

---

[1]) В. Покровский, Население,—«Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон», т. XX.

Эти статистические справки показывают, как велика разница темпа движения населения в отдельных странах, в которых господствуют определенные формы производственных отношений, и вместе с тем показывают, как бесполезны и бесплодны всякие рассуждения о законах размножения вне конкретных условий времени и пространства, разработка проблемы абсолютного закона народонаселения.

Не знает абсолютного перенаселения и капитализм, т. е. абсолютного недостатка для определенных групп, классов, стран средств существования, хотя ему и свойственны законы избыточного сельского и городского населения. Маркс писал: «Если избыточное рабочее население есть необходимый продукт накопления или развития богатства на капиталистической основе, то это избыточное население, в свою очередь, становится рычагом капиталистического накопления, и даже прямо условием существования капиталистического способа производства. Оно образует готовую к услугам промышленную резервную армию, которая так же абсолютно принадлежит капиталу, как если бы он вырастил ее на собственный счет»[1]) (курсив наш. *П. П.*).

Тов. Ленин, констатируя 3 формы относительного перенаселения—1) перенаселение текущее, 2) перенаселение скрытое (к этой категории он относит сельское население, теряющее свое хозяйство с развитием капитализма, а не находящее неземледельческие занятия), 3) перенаселение застойное, говорит:

«Совокупность всех этих слоев населения и составляет относительно избыточное население, или резервную армию»[2]).

«Избыточное население... составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, без которого оно не могло бы ни существовать, ни развиваться»[3]).

Но и в недрах самого капиталистического общества закон народонаселения подвергается известной модификации.

Страны с сильно развивавшимся капитализмом—как Германия и Англия без Ирландии—знают избыточное население городов, являющихся резервным фондом рабочей силы для развития ее капитализма; в странах же, где капитализм в зачаточном состоянии, или где он слабо развит, или где он, хотя и получил большее развитие, но где сельское хозяйство еще является господствующей формой хозяйства—там, как общее правило, резервный фонд избыточного населения, нужного капитализму, образуется в деревне, а не в городах.

Россия относилась к числу этих последних стран. Она именно имела до войны сгущенность населения в некоторых районах, избыточное население которых и являлось резервным фондом. При чистом капитализме это избыточное население является фондом для капитализма, а при государственном капитализме—мы это прямо должны сказать—оно явится фондом для государственного капитализма. Отрицать аграрное перенаселение было бы наивно, и весь вопрос сводится к ясному пониманию природы аграрного перенаселения. Тактика страуса не к лицу рабоче-крестьянскому правительству и коммунистической партии. Но есть ли что-либо здесь опасное, а если есть, то в чем заключается эта опасность и как она велика, какие методы и какие средства для ее устранения надо применить?

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 531.
[2]) Н. Ленин, Собр. сочин., т. II, изд. 1923 г., стр. 201—202.
[3]) Ibid., стр. 202.

Когда говорят о перенаселении, то исходят из некоторого критерия или показателя. Большинство говорящих о перенаселении обычно ограничивается констатированием сокращения площади сельско-хозяйственных угодий, приходящейся на 1 душу населения после определенного периода времени—10, 20, 30 и т. д. лет... и делают отсюда выводы о перенаселении. С определенностью мы должны заявить, что не найдено, да и не может быть найдено об'ективного критерия для определения перенаселения.

Нахождение критерия специально для сельского хозяйства, исходя только из обеспеченности населения землей и не учитывая вместе с тем общей системы народного хозяйства, промысловости населения, общего размера с.-х. производства, форм и характера использования рабочей силы вне своего хозяйства, связи сельского хозяйства с народным хозяйством, функции которого оно выполняет,—является больше чем неудачным.

Таким методом нельзя ни определить нормальной населенности, ни определить степень перенаселенности какой-либо страны или ее отдельных районов[1]).

Размер хозяйства в каждом данном районе стоит в самой тесной связи со всеми производственными и естественно-историческими условиями районов. Поэтому измерять перенаселение абстрактными нормами и исходить из критериев, не связанных с экономикой данного района, его историей, всей суммой условий, которыми определяется направление народного хозяйства как в этом районе, так и вообще всего хозяйства, значит или обнаружить полное непонимание вещей, или, наоборот, сознательно стремиться к раздуванию проблемы перенаселения.

В зависимости от того, какой критерий мы возьмем, при оценке перенаселенности, мы получим ту или другую степень этой перенаселенности (см. таблицу на стр. 86).

Итак, если бы мы подобно Баллоду установили размер хозяйства, исходя из технических предпосылок (оптимальной, как говорят наши неонародники, Чаянов и др.) и отвлеклись бы от истории и экономики страны, то мы в категорию избыточного населения отнесли бы огромный % всего сельского населения—не менее, как видели выше, 60%.

Если бы мы, подобно Постникову (см. Южно-Русское хозяйство), исходили из размеров хозяйства многоземельного Юго-Востока, определяемого трудовыми ресурсами крупных семей (норму хозяйств у колонистов) в 60 дес. пашни на хозяйство, то это означало бы, что 67% всего населения должно бы оказаться за пределами земледелия.

Если бы мы вздумали измерять перенаселенность методом известной комиссии 1901 г. и исходили бы из критерия ею установленного 5,3 дес. посева или 7,9 пашни на рабочую силу, то в избыточное население должно бы отнести 54% всего населения.

[1]) См., напр., Лубны-Герцык, Об аграрном перенаселении России, и отдельный оттиск журнала «Сельское и лесное хозяйство»; Нефедов, Закон народонаселения и Россия.

Степень населенности.

1916	Число хозяйств в тыс.	Милл. десятин. Удобн. (без леса).	Милл. десятин. Пашни.	Норма. На 1 хозяйство приходится.	Норма. Какого угодья.	Приход. населения в тыс. всего обоего пола.	Избытки сел. насел. (+) и т. д.	В % к существ. насел.	Недостатки сел. населен. (−) и т. д.	В % к существ. насел.
				На хозяйство.						
Европейская часть СССР. По статист. материал. . .	16.672	255,6	140,2	15,3[1]) 8,4 4,2	удобной пашни посева	84.887	—	—	—	—
По методу определ. оптимальн. размеров. хоз. .	312	—	—	450[2])	пашни	33.696	+51.193	60	—	—
По методу Постникова . .	2.337	—	—	60[3])	пашни	28.044	+56.845	75	—	—
По методу б. Министерств. Земледелия .	17.040	—	—	15[4])	удобн.	102.238	—	—	—17.349	20
				на работ. обоего пола						
По методу Комис. 1901 г. .	—	—	—	5,3 7,9	посева пашни	39.050	+45.839	50	—	—
Конструктив.-эмпирич. метод установлен. на основе материал. Тульск. губ.:				На рабоч. силу обоего пола						
а) хоз. без промысл. . . .	—	—	—	3,74	пашнн	80.978	+3.911	5	—	—
б) хоз. с пром., не отрыв. от землед. . . .	—	—	—	2,81	пашни	107.780	—	—	-22.891	27
в) хоз. с пром., отрывающ. от землед. .	—	—	—	2,41	пашни	125.670	—	—	—40.781	48

Если за критерий взять 15 десятин удобной, как это делало Министерство Земледелия в своей работе о вольнонаемном труде, то мы получим в итоге не перенаселенность, а, наоборот, ненормальную разреженность населения. При этой норме необходимо было бы вселить еще 20% населения.

Если же для измерения перенаселенности мы взяли бы критерием размер хозяйства малоземельного района, то перенаселение мы нашли бы только в ультра-малоземельном районе, в других же районах, тоже малоземельных, но не ультра-малоземельных, не говоря уже о среднеземельных и многоземельных, где оказалась бы резко выраженная разреженность населения.

[1]) На 1 хозяйство 5,1 душ обоего пола.
[2]) На 1 хозяйство. 108 душ обоего пола.
[3]) На 1 хозяйство 12 душ обоего пола.
[4]) На 1 хозяйство 6 душ обоего пола.

Итак, оттого, какой критерий мы возьмем, зависит и определение степени перенаселенности;—от определения излишка населения—в 75%, до недостачи—в 20%. Отсюда можно и должно сделать только один вывод, что перенаселение надо измерять не площадью земли на 1 душу, а суммой всех рессурсов, которые население получает от всех видов заработка—и от земледелия, и от промыслов.

Необходимо, при разрешении вопросов о перенаселенности, отбросить мертвые схемы и брать в каждом районе исторически созданные типы хозяйств, изучать эти типы как со стороны их организационного плана, охватывающего и производство и потребление (крестьянское хозяйство имеет эти планы, хотя и не записанные в книге, хотя и не одобренные агрономами), так и того места, той роли, которую данный тип играет в общем хозяйстве района и народном хозяйстве в целом.

Вот, повторяем, почему к вопросу о перенаселении надо подходить реально и исторически.

Проблема заключается не в том, чтобы искать подобно буржуазным экономистам теоретические нормы «нормальные», «истинные», «справедливые», соответствующие трудовым силам хозяйства, и по ним строить земельные отношения и политику—разреживать население в одних районах и уплотнять его в других. В лучшем случае это — экономическая маниловщина; если она и имеет смысл, то только в программе с.-р. («никаких политиков»), но ни в какой мере она не может быть признана руководящей идеей советского государства.

В России, при сравнительно слабом развити капиталистических отношений, т.-е. при ничтожном накоплении капитала и слабом заселении окраин, рост сельского населения являлся для целой эпохи исторического развития фактором развития производительных сил, ибо единственным рессурсом производительных сил, рессурсом, которым располагало хозяйство этой эпохи, была живая рабочая сила. Только благодаря именно тому, что растущее население не поглощалось и не могло поглощаться городом и промышленностью, было возможно развитие производительных сил на окраинах (заселение, колонизация окраин); это—с одной стороны; с другой, если бы весь приток населения в ту эпоху поглощался бы городом или выбрасывался за пределы государства, то мы, несомненно, имели бы застой не только сельского хозяйства, но и всего народного хозяйства.

Страна слабо заселенная, т.-е. страна, бедная орудиями и средствами производства, где рабочие руки являются единственным орудием развития производительных сил,—такая страна только в порядке интенсивного роста своего населения могла разрешить проблему развития производительных сил. Только так, а не иначе могли развиваться производительные силы страны. То обстоятельство, что сельско-хозяйственное население росло и не поглощалось городом—и не могло поглощаться им—было, собственно говоря, предпосылкой для развития народного хозяйства, а не фактором его разрушения. Этот избыток населения являлся предпосылкой для развития промышленности, так, как города не могли образовать у себя из собственных рессур-

сов резервного фонда рабочей силы для снабжения развивающейся промышленности и других отраслей.

Только буржуазные писатели выдают этот рост населения за «гнилостный» процесс (Бруцкус), который в ближайшем будущем принесет все ужасы перенаселения.

О значении перенаселения Владимир Ильич говорит: «Могли бы быть построены железные дороги, если бы не образовывалось постоянно избыточное население? Известно ведь, что спрос на такого рода труд сильно колеблется по годам. Могла ли развиться промышленность без этого условия? (В периоды горячки она требует массы строительных рабочих для вновь воздвигаемых фабрик, зданий, складов и т. п. и всякого рода вспомогательной поденной работы, занимающей большую часть так называемых отхожих неземледельческих промыслов). Могло ли без этого условия создаться капиталистическое земледелие наших окраин, требующее сотен тысяч и миллионов поденщиков, при чем колебания спроса на этот труд, как известно, неномерно велики? Могло ли бы иметь место без образования избыточного населения феноменально быстрое сведение лесов предпринимателями-лесопромышленниками на нужды фабрик? (Лесные работы принадлежат тоже к числу наихудше оплачиваемых и наихудше обставляемых, как и другие формы труда сельских жителей на предпринимателей.) Могла ли без этого условия развиться система раздачи работы на дома в городах и деревнях купцами, фабрикантами, магазинами, составляющая столь распространенное явление в так называемых кустарных промыслах? Во всех этих отраслях труда (развившихся, главным образом, после реформы) колебания спроса на наемный труд крайне велики. А ведь размер колебаний такого спроса определяет размер избыточного населения, требуемого капитализмом» [1]).

Итак, по В. И. Ленину перенаселение играло огромную роль при капитализме и являлось предпосылкой его развития, так как избыточное население составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться [2]).

Но, если капитализм не мог существовать без относительного избыточного населения в определенных районах, то **может ли существовать без него государственный капитализм**. С определенной категоричностью мы должны сказать: **нет, не может. В известной степени сгущенность населения в определенных районах должна быть**, чтобы развивалась государственная промышленность и другие отрасли народного хозяйства, так как городское население не может в порядке прироста своего населения покрыть все потребности народного хозяйства в человеческом материале. Даже такие страны, как, например, Германия, имеющая около 60% всего населения в городах, поглощает не только весь прирост городского населения, но впитывает в себя и часть коренного населения, уменьшая абсолютно количество сельского населения. То же мы видим и в Англии, и во Франции.

Государственный капитализм должен и будет исходить из дифференцированности населения, не одинаковой насыщенности

[1]) Н. **Ленин** (В. **Ульянов**), Собр. сочин., изд. 1923 г., т. II, стр. 202—203.
[2]) Ibid., стр. 402.

им территории, и **при развертывании промышленности и других отраслей народного хозяйства необходимо опираться на избыточное население в некоторых районах**.

При данном развитии производительных сил страны известная степень сгущенности населения, известная степень перенаселения некоторых районов **является условием развития производительных сил страны, развития промышленности и интенсификации сельского хозяйства**.

Мы не Маниловы и не сантиментальные мелкие буржуа, чтобы пугаться фактов. Мы фактов не пугаемся. Мы их изучаем.

Но, признавая и учитывая перенаселенность, мы тем самым не хотим сказать, что ничего не нужно делать. Мы не хотим сказать, что пусть идет так, как идет. Как раз наоборот. Мы, констатируя перенаселенность в некоторых районах, и познав ее природу и значение для развития производительных сил, должны принять меры к ее устранению, но... только **в порядке развития промышленности, в порядке развития торговли, в порядке развития других отраслей народного хозяйства**, на основе государственного капитализма, в порядке проведения мероприятий по переселению, колонизации, мелиорации, сочетающейся с планом развития госпромышленности, т.-е. в порядке проведения мер, имеющих целью развитие производительных сил. Само собою разумеется, что уродливые формы перенаселения должны быть ликвидированы мерами государственной политики, мерами государственных мероприятий. Перенаселенность мы будем и должны лечить не в порядке пропаганды абортов или других «милых» мальтузианских средств, а в порядке роста промышленности, развития сельского хозяйства, мелиорирования окраин, их заселения, т.-е. в порядке развития государственного капитализма.

Буржуазные экономисты с особым удовольствием заявляют, что до войны сельское хозяйство развивалось и, следовательно, перед войной была разрешена проблема населенности в порядке капиталистических отношений.

Так Бруцкус писал: «после революции 1905 г., накануне войны, русское народное хозяйство стало развиваться настолько благоприятно, что аграрный кризис определенно шел к своему разрешению» [1]).

Теперь же, по мнению Бруцкуса, «после уничтожения частной собственности, мы вновь стоим перед грозной проблемой перенаселения». Так ли это?

Прежде всего, это утверждение совершенно не верно, если иметь в виду разрешение аграрного перенаселения в порядке Столыпинских законов.

Хуторализация и закрепление наделов, в порядке сокращения общего земельного фонда (выделы на хутора производились по повышенным нормам), скучивали все большую и большую массу населения на меньших земельных площадях сельско-хозяйственных угодий, т.-е. создавали как раз то, что подходит

[1]) **Бруцкус**, Аграрное перенаселение и аграрный строй,—«Сельское и лесное хозяйство», № 7—8, стр. 14.

под категорию избыточного населения, и если это не особенно ощущалось, то только потому, что этот момент совпал с усиленным развитием капитализма, а не стоял в связи с расширением частной собственности.

Только близорукостью и жаждою во что бы то ни стало ничего не видеть, кроме института частной собственности, можно об'яснить непонимание того, что Столыпин, создавая перенаселение, не мог не революционизировать 100-миллионную массу населения, которая оставалась в селениях после выхода на хутора и отруба незначительной, сравнительно с остающейся массой, группы населения. По моим расчетам, если бы Столыпин мог провести повсеместную хуторизацию, то до 20 милл. населения должны были бы лишиться всяких средств существования и должны были бы быть выброшены из деревни. Поэтому хуторизация и укрепление наделов, как общая государственная система, как система частной единоличной собственности для всех, не могла при том развитии народного хозяйства, которое имело место при самодержавии, разрешить проблемы перенаселения, и, наоборот, она могла лишь обострить эту проблему.

Столыпин оказался, хотя и поневоле, недурным истопником революции. Так зло смеется история как над теми самодержавцами, которые предполагают, что они направляют корабль народного хозяйства, так и над теми их идеологами, которые думают, что они понимают законы исторического процесса.

Когда Бруцкус, Огановский и им подобные с выражением Щедринского Иудушки говорят, что революция дала ничтожную прибавку к земле, не превышающую в общем 0,4—0,5 на душу, то они лицемерно умалчивают помимо всего прочего о том, что благодаря социальной революции сельское население ежегодно, начиная с конца 1917 г., не уплачивает и никогда не будет уплачивать землевладельцам (арендные платы), банкам (платежи) до 300—350 милл. рублей золотом. Таким образом только один этот факт показывает, что революция создала предпосылки для максимального приложения капитала к земле в самой производительной его форме—производственной (орудия, скот, постройки), уничтожив раз навсегда завязку капитала в покупку земель, которую крестьянское население производило, чтобы бороться с малоземельем, и дало возможность всю ренту, которую крестьяне отдавали помещикам,—да и не только ренту, но и часть его заработной платы при голодных продовольственных арендах,—обращать на потребности своих хозяйств. Кроме того, уничтожение политического гнета (самодержавие) экономического (эксплоатация помещиками, банками, торгово-ростовщическим капиталом) создали действительно условия для развития производительных сил в деревне.

Таким образом революция создала предпосылки для развития производительных сил в сельском хозяйстве. Правда, что не все достижения революции сразу, вот сейчас, могут быть использованы. Но это дело только времени, ибо важна здесь не задержка в использовании достижений, а сами достижения. Народное хозяйство социалистического союза республик будет строиться не для 2—3 лет, не для 1—2 десятилетий. Ему принадлежит будущее целых веков.

Имеем ли мы какие-либо данные тревожиться, что в настоящее время в какой-либо степени существует опасность перенаселения?

За период 1858 и 1907 г. г., т.-е. за 49 лет население с 76,3 м. возросло до 155,4 милл., т.-е. удвоилось. При чем по отдельным районам население было, разумеется, неравномерным. Так, по подсчетам Огановского [1]), население увеличилось.

Прежде всего дадим справку о темпе роста населения по районам.

Население обоего пола.—По 44 губ. на 1916 г. в % к 1858 г.

Районы 1916 г.	Городское.	Сельское.	ИТОГО.
Центрально-Промышлен.	378,0	158,2	182,8
Средне-Волжский	280,1	184,1	191,6
Центр. Земледельческий	248,6	189,9	193,9
Северный	284,9	189,2	194,1
Приуральский	344,3	198,4	203,2
Нижне-Волжский	430,9	196,3	207,4
Малороссийский	335,1	217,3	227,7
Приозерный	410,9	197,8	250,0
Юго-Западный	429,6	253,6	267,7
Белорусский	404,5	256,3	268,2
Новороссийский	573,8	376,6	401,9
Всего по 44 губ. Европейской России (без Прибалтийского района)	376,5	212,1	226,6
в т. ч.			
По производящей полосе	366,4	219,3	230,1
По потребляющей полосе	391,5	192,7	217,5

В каждом районе определенные общественные отношения производства определяли рост населения в этих районах и в результате двух процессов,—естественного и механического движения населения,—в одних районах происходил рост населения более быстрым темпом, а других—более медленным. При чем темп прироста в районах стоял в связи с определенными нормами земельной обеспеченности, как это видно из следующих данных. Прирост крестьянского населения с 1858 г. по 1877 г. в 46 губерниях России [2]).

			%%
В общинах с наделом до	1 дес.	увеличился на	16,3
"	1—2 дес.	"	17,3
"	2—3 "	"	19,0
"	3—4 "	"	21,2
"	4—5 "	"	27,6
" свыше	6 "	"	30,2

Разумеется, что, кроме земельной обеспеченности, действовали и другие факторы и в результате за 50 лет 1858—1907 г.г. мы имели [3]).

---

[1]) Н. Огановский, очерк по истории земельных отношений, стр. 401.
[2]) Проф. В. Ден,—Очерки по экономич. географии, 1908 г., стр. 95.
[3]) Н. Огановский,—Очерк по истории земельных отношений, стр. 410.

	% населения проживавшего в 1858 г.	% населения проживавшего в 1907 г.	На сколько миллионов увеличилось или уменьшилось население сравнит. со средн. приростом (+ или —).
В районе старин. центра (московск., северо-западн., северн.)	23,4	19,7	— 3,8
Первого пояса колонизации (централ.-землед., средне-волжск., восточн.-малоросс., северо-восточн.)	47,0	41,3	— 6,1
Второго пояса (Заволжья, Новороссии)	15,8	21,7	+ 6,2
Третьего пояса (Северн. Кавказ, Сибири, Средн. Азии)	13,8	17,3	+ 3,7

Области промышленного и земледельческого центра потеряли приблизительно до 10 милл. душ обоего пола населения, которое было всосано Югом, Востоком и Сибирью.

Размножение населения России после крепостной эпохи идет весьма ускоренным темпом и особенно это ускорение наблюдалось в эпоху интенсивного развития капиталистических отношений. Показателем быстрого роста может служить возрастание всего населения (и городского и сельского) по бывшей царской России за период 1905—1915 г. г., по данным ЦСК.

Года.	Население в %% к 1905 г.
1905	100,0
1906	101,7
1907	103,5
1908	105,9
1909	109,1
1910	111,6
1911	113,8
1912	116,6
1913	118,7
1914	121,6
1915	124,3

Что же произошло за период 1914—1924 г.г. Прежде всего, мы должны сказать, что, благодаря империалистической и гражданской войне, сельское и городское население сравнительно с 1914 г. резко сократилось в 1920 г., как показывают нижеследующие данные:

	1907 г.	1914 г.	1920 г.	1924 г.
	в тысячах душ обоего пола.			
Население РСФСР, Белоруссии, и Украины (без Киргизии, Туркестана, ДВО).				
Городское	12.535	17.415	16.898	18.918
в процентах	100	138,9 100	134,8 97,0	150,9 108,6
Сельское	92.262	103.768	94.146	98.245
в процентах	100	112,5 100	102 90,7	106,5 94,7

Итак, города в 1920 г. сократили свое население с 17.415 до 16.898 душ обоего пола, но затем к 1924 г. они увеличили его до 18.918, т.-е. превысило население 1914 г.

Сокращение сельского населения с 103.768 душ обоего пола до 91.146 душ еще в 1924 г. не было ликвидировано.

Интересно изменение сельского населения по районам.

Население СССР (по предварительному исчислению) в 1907—1924 г. г.

РАЙОНЫ.	В абсолютн. цифрах. Сельское.				В относительных. Сельское.			
	1907	1914	1920	1924	1907	1914	1920	1924
1. Северный	9.845	10.754	9.868	10.887	100,0	109,2 100	100,2 91,8	110,6 101,2
2. Подмосковный	16.376	18.438	16.171	17.935	100,0	112,6 100	98,7 87,7	109,5 97,3
3. Средне-Черноземн.	11.388	12.374	11.057	11.395	100,0	108,7 100	97,1 89,4	100,1 92,1
4. Поволжский	12.097	13.202	12.053	11.363	100,0	109,1 100	99,6 91,3	93,9 86,1
5. Уральский	8.716	9.568	9.614	9.517	100,0	109,8 100	110,3 100,5	109,2 99,5
6. Украина (с Крымом)	22.927	24.932	21.280	22.837	100,0	108,7 100	92,8 85,4	99,6 91,6
7. Юго-Восток	5.870	7.214	6.307	6.321	100,0	122,9 100	107,4 87,4	107,7 87,6
8. Сибирь	5.043	7.286	7.796	7.990	100,0	144,5 100	154,6 107,0	158,4 109,7
Итого	92.262	103.768	94.146	98.245	100,0	112,5 100	102,0 90,7	106,5 94,7

Примечание. Киргизия, Туркестан и Дальний Восток, за отсутствием надежных данных в 1920 и 1924 г.г. в эту таблицу не включены.

За 7 лет, с 1907 до 1914 года сельское население увеличилось на 12%. В 1920 г. оно упало сравнительно с 1914 г. на 9,3%, и в 1924 г., хотя и возросло, но не настолько значительно, чтобы дойти до 1914 года.

Это падение населения к 1920 году имеет место во всех районах, за исключением Урала и Сибири, где население в 1920 г. больше, чем в 1914 г.

Во всех районах, за исключением Урала и Поволжья (голод), население в 1924 г. возросло сравнительно с 1920 г., но превысило население 1914 г. лишь в Северном районе и Сибири. Но никому в голову не придет назвать Сибирь перенаселенным районом и никому поэтому не придет в голову тревожиться от того, что население Сибири растет,—наоборот, это есть показатель развития производительных сил, ибо в районе слабо населенном, бедном капиталом, только в порядке роста населения хозяйства создают огромной ценности продукт—рабочую силу, и только буржуазные экономисты создание этого продукта, который при данном состоянии народного хозяйства является источником дру-

гих ценностей, могут об'яснить источником гнилостного состояния народного хозяйства.

Особой тревоги не вызывает и не может вызывать и Северный район, который за 10 лет увеличил население лишь на 1,4%. Но с этими губерниями не связывают понятия перенаселения, наоборот, это—район колонизации. В остальных районах в особенности в Поволжьи, Юго-Востоке, т.-е. там, где не было избыточности населения и до войны, также нет места никаким тревогам, наоборот, здесь нужно стремиться к тому, чтобы население возрастало, ибо это необходимо, чтобы ликвидировать последствия голода.

Рост населения на Украине не достиг уровня 1907 г. В черноземной полосе население не достигло уровня 1914 г. Следовательно, и здесь не место каким-либо опасениям.

Население даже подмосковного района, о котором любят говорить, как о перенаселенном районе, еще не достигло размеров 1914 года.

Таким образом современное состояние численности сельского населения не вызывает и не может вызывать тревог, даже если исходить из абсолютного количества населения; если же прибавить сюда то, что получилось в результате социальной революции, т.-е. что население всех районов получило до 40 милл. помещичьей земли, в том числе до 10 милл. посевной площади, которая находилась раньше в исключительной эксплоатации частновладельческих хозяйств, что население не выплачивает 300—350 милл. руб. золотом ежегодно, то острота земельных отношений в центре и некоторых районах Украины, и отчасти черноземной промышленной области, снята с очереди на ближайшее время.

Но, говоря все это, мы не хотим сказать, что нет в некоторых районах и особенно некоторых губерниях в известной мере избыточного населения. Мы только утверждаем, что нет той остроты в данное время, которую нам навязывают буржуазные писатели.

Мы не хотим сказать, что перед государством не стоят задачи колонизации, задачи интенсификации, мелиорации, задачи вытекающие из роста населения. Нет, эти проблемы стоят, и остро стоят, и требуют своего разрешения, но мы утверждаем, что наивно было бы стремиться к развитию государственного капитализма, не исходя из наличности известного резервного фонда человеческого материала в сельских местностях. Наивно было бы думать, что, не развивая проблемы развития промышленности, можно разрешить проблему разрежения одних и заселения других районов. Наивно было бы думать, что можно проводить широкие мелиоративные работы, не расширяя промышленности, торговли и, вообще, не развивая народного хозяйства в целом.

Поэтому разрешение проблемы перенаселения там, где оно есть, надо искать не в методах, которые рекомендуются мальтузианцами, не в насаждении частной собственности (Бруцкус), а в развитии государственного капитализма, того капитализма, который по квалификации Владимира Ильича является предпоследней ступенью к коммунизму и миссия которого—мощное развитие промышленности и создание огромного рынка для продуктов сельского хозяйства.

В. Бендеровский.

Печальные фантазии.

(По поводу статьи А. Гольцмана «Наши задачи в деревне»).

Прежде всего оговорка: я не собираюсь защищать т. Крицмана.

Необходимо обладать все-таки значительными способностями, чтобы уметь так подобрать «мысли» и «соображения», как это ухитрился проделать т. Гольцман... Каторжный, должно быть, «труд»? Если только круг таких «идей» (как это утверждает в примечании к статье Гольцмана редакция «Большевика») «типичен для мышления определенной категории партийных товарищей», то это еще полбеды, ибо это—круг идей безусловно неправильных и потому мало заразительных для массы членов РКП.

Я остановлюсь лишь на «основных положениях» «автора», изложенных в главе II Гольцмановского «труда», озаглавленной «О союзе с крестьянством, как целым», оставляя другим товарищам рассортировать, куда следует, богатство «откровений», изобилующих в других местах рассматриваемых «задач в деревне».

«Лозунг «Союз пролетариата и большинства крестьянства»... поставлен чисто формально. Он не имеет никакой практической ценности и не прибавляет ничего нового к той тактике, которая проводилась пролетариатом по отношению к крестьянству до сих пор», — так резюмирует свои «выводы» т. Гольцман.

Только ли это хотел сказать т. Гольцман? Если только это, то к чему такая страстность на трех с половиною страницах по поводу поставленного «чисто формально» и лишенного всякой «практической ценности» лозунга?

Верно ли, что лозунг «союз пролетариата с большинством крестьянства» не имеет теперь «никакого практического значения»? Не верно! И не верно именно потому, что мы еще далеко не по всему партийному и советскому фронту полностью и практически поставили давно разрешенный теоретический вопрос о середняке и об определении понятия «кулак», к которому часто относим еще здорового середняка; именно потому, что мы еще не всюду и не на 100% (иногда даже далеко не на 100%) склонили бедняка (незаможника) к союзу с середняком против кулака.

Но перейдем к разбору фантазий т. Гольцмана.

Фантазия № 1. Тов. Гольцман возмущен до глубины души лассальянством т. Крицмана: «Крестьянство, как класс, никогда раньше не существовало. Такое выражение, как «класс-

«сословие», может быть терпимо во времена Лассаля.., но, ведь, и лассалевская формулировка может быть об'яснена, но не может быть защищена. Тем более странно слушать такую формулировку в устах марксиста»...

Если лассальянская формулировка не может быть защищена, то она может быть по крайней мере хоть об'ясненной. А вот «формулировку» т. Гольцмана и об'яснить трудно. И зачем тов. Гольцману вздумалось брать под свою защиту марксистов? Лучше бы тов. Гольцман научился правильно читать Ленина, у которого он нашел бы следующее поучительное место[1]): «Мы ставим в кавычки слово крестьянство, чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это—противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой русской жизни. Это—не сочинение, а живое диалектическое противоречие. Поскольку (курсив мой. *В. Б.*) в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, поскольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую); поскольку сохраняются еще крепостные отношения, постольку «крестьянство» продолжает еще быть классом, т.-е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «поскольку—постольку» существует в действительности в виде крайне сложного сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной (1902 года. *В. Б.*) русской деревне».

Вот тебе и «крестьянство, как класс, никогда раньше не существовало»!

Тов. Гольцману не свойственно ясное понимание диалектики крестьянского развития от крепостного мужика до советского селянина, не понятна та истина, что наше крестьянство еще даже и в октябре 1917 года выступало как единый класс «не буржуазного, а крепостного общества», поскольку оно выступало против остатков крепостничества, несмотря на имевшееся уже внутри его классовое расслоение. Это неумение т. Гольцмана понять крестьянство, обусловило следующую его фантазию по вопросу о союзе рабочего класса с крестьянством, как целым.

Тов. Гольцман, как «ортодоксальнейший марксист» не может, конечно, обойтись без того, чтобы не утереть нос всяким там «народникам» из РКП термином «расслоение». Очень хорошо. Но т. Гольцман и в применении к советскому селу 1925 года никак не может с'ехать с «расслоения» эпохи русского села до революции 1917 года. Тов. Гольцман не хочет (и очевидно не может) поставить перед собой и разрешить такой вопрос: не отличается ли качественно (и весьма существенно) расслоение нашей, современной деревни от расслоения деревни дореволюционной?

Тов. Гольцман этого не сделал и случилось так, что из-за тождества лозунгов «расслоения» он легко проглядел различие

[1]) Ленин, Из истории социал-демократической аграрной программы, 1902 год.

экономических отношений дореволюционного и нынешнего села подобно тому, как, по меткому выражению тов. Ленина, Плеханов на Стокгольмском с'езде Р. С.-Д. Р. П. «просмотрел» различие таких отношений из-за тождества слова «национализация» в условиях Руси XVIII и XX веков. А, проглядев сие, тов. Гольцман проглядел и то, что нынешнее расслоение крестьянства, определяемое совершенно иными экономическими отношениями, чем те, которыми оно, это расслоение, определялось до октября 1917 г., приводит диалектически крестьянство, как прежний крепостнический класс-сословие, на новую высшую ступень развития, на ступень класса мелкой буржуазии, которая, разлагаясь на кулаков и пролетаризирующееся крестьянство, с экономической неизбежностью все в большей и большей мере идет к постепенному превращению «мелкого, единоличного крестьянского хозяйства в общественное, товарищеское или артельное»[1]), к постепенному переходу в «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией[2]), т.-е. к постепенному переходу к социализму.

У т. Гольцмана я могу, конечно, заслужить только название «народника». Но назвать «народником» еще не означает изобличить в народничестве.

Для меня, конечно, не составляет никакого сомнения то положение, что и современная деревня в силу условий НЭП'а идет по мелко-буржуазным тропам со многими присущими этим тропам (но не всеми) чертами капитализма. Я также собираюсь восхвалять так называемую «уравнительность» в деревне, понимая, что такое стремление было бы экономическим шагом назад. Но ведь весь вопрос в том, какую основную тенденцию развития расслоения выявляет современное крестьянство под влиянием общегосударственной советской экономики?

Мне могут указать на XIII с'езд РКП, где тов. Каменев говорил о ленинской табличке из книги «Развитие капитализма в России», как об основном масштабе в нашей ориентировке на селе[3]). Но, конечно же, тов. Каменев и не думал отождествлять сущность расслоения крестьянства периода таблички Ленина с сущностью этого расслоения теперь. Далее, я ведь тоже могу сослаться на специальный доклад по работе в деревне тов. Калинина и привести из этого доклада весьма правильную характеристику существа вопроса. Вот она[4]).

«В связи с увеличением благосостояния крестьянства произошли и другие изменения. Это благосостояние увеличилось, главным образом, среди середняцкого и зажиточного крестьянства. Это не значит, что целый ряд крестьян на другом полюсе обеднел больше, чем в первые годы, т.-е. до НЭП'а. Это—неверная позиция, что у нас увеличилось количество бедноты, как бедноты в крестьянстве. У нас не количество бедноты увеличилось в крестьянстве, но у нас увеличилась разница между беднотой и между середняком и кулаком... В настоящее вре-

[1]) Ленин, том XVI, речь на I с'езде коммун. и сел.-хоз. артелей.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, О кооперации.
[3]) Стенограф. отчет о XIII с'езде, стр. 409.
[4]) Там же, стр. 461.

мя увеличивается общее благосостояние крестьянства, в том числе и бедноты». И далее [1]): «Но на-ряду с этим процессом имеются и другие процессы. Мы видим, параллельно с увеличением кулацких слоев населения, параллельно с расслоением крестьянства заметно еще и кооперирование крестьянства... крестьянская беднота... она организуется в коммуны, она кооперируется во всевозможные артели, чтобы увеличить свою экономическую мощь». И, наконец, как синтез положения [2]): «Капиталистический мир накладывает на крестьянина отпечаток буржуазности. Наше советское государство наложит отпечаток советской государственности. И уже нет никакого сомнения, что государство через свои торговые органы будет иметь могучий рычаг влияния на крестьян-производителей».

Вот в чем гвоздь! Вот чего не понял т. Гольцман, которому так хочется чуть ли не все середняцкое крестьянство подвести под «нейтрализацию» «кандидатов в капиталисты», а маломощных крестьян «спасти» от поддержки рабочего класса, так как последняя (поддержка), видите ли, «противоречит социализму» и приведет маломощного крестьянина к «замкнутому натуральному хозяйству», так как, видите ли, «такая поддержка мелкого сельского хозяйства есть необходимый политический маневр пролетариата» и ничего больше.

Тов. Гольцман не понял, что расслоение нашего крестьянства, ограниченное при условиях нашей экономики как с конца окулачивания, так и с конца пролетаризации, что это расслоение при условии кооперации и господства пролетариата над основными высотами средств и орудий производства нашей страны, с неизбежностью синтезируется во все большей и большей экономической однородности почти всего крестьянства, не уравнительности, повторяю, «замыкающейся в рамки натурального хозяйства», а именно однородности качественной (с неизбежными, конечно, количественными расслоениями), нивелирующей и толкающей под наложение «отпечатка советской государственности», к социализму. В этом именно и есть диалектика развития в современном селе. И это дает нам право говорить и о применении к современным условиям о союзе пролетариата, стоящего уже прочно у власти, с крестьянством, как с целым, конечно, без ничтожной группки кулачества, а значит и о крестьянстве, как классе, все больше и больше теряющем характер «переходного класса» капиталистического общества, а, наоборот, все больше и больше становящемся переходным классом периода диктатуры пролетариата с особой экономической тенденцией постепенного перехода к обобществлению средств и орудий производства и постепенного врастания в систему государственного капитализма советского государства.

К укреплению этой особой экономической тенденции и направлена, по моему мнению, вся аграрная тактика РКП после завершения крестьянской революции и октябрьского переворота на селе, а это, т. Гольцман, уже далеко от той аграрной тактики, которую большевики правильно применяли в условиях дореволюционной России и которая в основном сводилась к поддержке крестьянства «в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне», как это значилось в аграрной программе нашей социал-демократии (большевиков) в 1903 году.

Фантазия № 2. «Мы категорически утверждаем, что большевики никогда не проповедывали союза рабочего класса с крестьянством, как целым, независимо от того, является ли это целое классом, сословием или «классом-сословием». Идея союза рабочего класса с крестьянством, как с целым,—это народническая, более того, Бакунинская идея».

Далее: «Что же касается большевиков, то с первого дня своего существования (а когда по вашему был этот «первый день», т. Гольцман?) эта партия провозгласила союз рабочего класса с беднейшим и, отчасти, с середняцким крестьянством».

И еще далее: «Рабочий класс не заключал союза с крестьянством, как с целым, т.-е. поголовно со всей крестьянской массой ни до, ни после октябрьского переворота».

Так понял т. Гольцман всю глубину ленинского анализа крестьянского вопроса, всю остроту борьбы т. Ленина и направо с эсерами и проч., и налево с «квази-ортодоксами»—меньшевиками и троцкистами!

Поистине т. Гольцман бредит и в бреду доходит даже до возможности опираться на т. Ленина. И здесь опять-таки не столько важна ошибка т. Гольцмана в трактовке истории вопроса, сколько прет наружу все та же тенденция т. Гольцмана, тенденция какой-то необ'яснимой тошноты от малейшего намека на «такую эклектическую жижу, как союз с крестьянством», жижу, которой «никто никогда в рядах коммунистической партии не проповедывал» (?!).

Тов. Гольцман не хочет понять малого: разницы между буржуазно-демократической и социальной революциями и разницы участия в них разных слоев крестьянства. А именно за необходимость ясного понимания этого вопроса так основательно бился т. Ленин со всеми и со всякими «социалистами». Больше того, т. Гольцман не в состоянии понять «двух тактик социал-демократии в демократической революции».

Тов. Гольцман слыхал звон о какой-то «нейтрализации», но откуда звон—толком не расспросил и проповедует, вернее, фантазирует, об «известном тактическом маневре» в нашей партии, направленном «не только к тому, чтобы привлечь на свою сторону симпатии крестьянской массы, но и к тому, чтобы нейтрализовать эту крестьянскую массу в том случае, если ее симпатии не могут быть привлечены». При этом т. Гольцман уверяет, что «симпатии могут быть привлечены со стороны беднейшей части крестьянства (подчеркнуто т. Гольцманом. *В. Б.*)... Нейтрализация же относится (подчеркнуто тоже Гольцманом. *В. Б.*) к середняцкой массе крестьянства постоянно колеблющейся между высшими, явно контр-революционными элементами и низшими».

Маневр-то большевистской нейтрализации хорош, да беда в том, что т. Гольцман не понял, что к чему. Вся штука-то в том, что к «нейтрализации» приходится прибегать не в том случае, если симпатии крестьянской массы не могут быть привлечены, а в том случае, когда эти симпатии не могут быть привлечены. Вся штука в различном характере отноше-

[1]) Там же, стр. 462.
[2]) Там же, стр. 465.

ния различных частей крестьянства в различных революциях! Когда пролетариат совершает завершение буржуазно-демократической революции, тогда, вопреки Гольцману, вся крестьянская масса на стороне пролетариата. Это доказала Октябрьская революция. Когда же пролетариат совершает пролетарскую революцию, тогда он может рассчитывать только на пролетарские и полупролетарские элементы села. Это тоже доказано в Октябрьском перевороте.

Тов. Гольцман, очевидно, слыхал о знаменитой формуле т. Ленина, которая гласит следующее [1]): «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии».

Мало, т. Гольцман, слыхать о Ленине, надо его понимать! А приведенная цитата как раз вами и не понята, ибо она именно говорит о двух революциях и о том, когда именно нужно «нейтрализивать» крестьянство и какую именно часть его, и о том, что во время совершения демократического переворота пролетариат должен привлекать на свою сторону всю массу крестьянства.

А что именно всю массу, а не только часть ее, и что т. Гольцман совершенно не знает Ленина, об этом свидетельствует нижеследующее. Я приведу лишь некоторые цитаты:

1) Посылая свой горячий привет происходившему тогда (1905 год) в Москве с'езду крестьянского союза, т. Ленин писал [2]): «Вот почему социал-демократы говорят, что они борются вместе со всем крестьянством против помещиков и чиновников, а, кроме того, они, городские пролетарии, вместе с сельскими пролетариями борются против капитала. Борьба за землю и за волю есть демократическая борьба. Борьба за уничтожение господства капитала есть социалистическая борьба».

2) На VIII с'езде партии в речи о работе в деревне т. Ленин говорил [3]): «В октябре 1917 года мы брали власть вместе с крестьянством в целом (подчеркнуто Лениным, т. Гольцман!). Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась. Как я уже говорил, только летом 1918 года началась настоящая пролетарская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять эту революцию в деревне, если бы мы не сумели поднять эту революцию, работа наша была бы негодна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты—не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне».

Я думаю достаточно, т. Гольцман? Но как все-таки, т. Гольцман, вы можете так «категорически» утверждать?

---

[1]) Ленин, т. VI, Госиздат, 1922 г., стр. 371.
[2]) Ленин, т. VII, ч. 1 стр. 20, указ. издание.
[3]) Ленин, т. XVI, стр. 143, изд. 1923 г.

Впрочем, достаточно. Хочется отметить еще лишь следующее. Что большевиков за их лозунг «союз пролетариата со всем крестьянством» кое-кто с удовольствием величал «народниками», в этом нет ничего особенного. Но вот характерно то, что называли большевиков «народниками» и «эсерами» именно те «левые ортодоксально марксисты», которые, подобно Гольцману, докатывались до чистейшей перманентщины, до перепрыгивания через неизбежность и выгодность для пролетариата буржуазно-демократического переворота в России, а ныне в своей фантазии докатываются, подобно Гольцману же, до явного желания «нейтрализовать» (не от советского ли влияния?!) середняцкие массы крестьянства.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

Письма В. И. Ленина о работе в деревне *).

(Предисловие).

Первое из публикуемых здесь писем Владимира Ильича—«О тезисах тов. Преображенского»—написано им в Горках, в период подготовки к XI партийному с'езду, 16 марта 1922 г. Тезисы тов. Преображенского, как известно, с'ездом не обсуждались, так как на самом с'езде была выделена, как это предлагал Владимир Ильич в своем письме, особая комиссия, разработавшая проект резолюции с'езда. В основу этой, утвержденной XI с'ездом, резолюции по работе в деревне [1]) положен целиком, с небольшими редакционными изменениями и добавлением нескольких пунктов, проект Владимира Ильича из его второго письма к т. Осинскому, написанного им 1 апреля, уже в Москве, под конец работ с'езда, и его же предложение о создании постоянной комиссии по собиранию и изучению практического опыта по работе в деревне (см. письмо к т. Молотову о тезисах тов. Преображенского).

Мы даем в примечаниях соответствующие выдержки из разбираемых Владимиром Ильичем тезисов т. Преображенского.

Тов. Молотову для членов Политбюро.

О тезисах тов. Преображенского.

1. Заглавие не годится. Это не «основные принципы» [2]), кои установлены уже программой, а «О постановке работы РКП в деревне при условиях переживаемого момента».

Предлагаю: поручить автору сократить и частично видоизменить тезисы применительно к этой перемене темы. В частности, сократить общепринципиальные повторения (им место будет в листовке, поясняющей и комментирующей будущее решение с'езда) и развить детальнее практические, особенно организационные выводы.

---

*) Рукопись подготовлена к печати тов. Гляссер.

[1]) См. стенографический отчет XI с'езда РКП (б), М., 1922 г., стр. 500.

[2]) Заглавие тезисов тов. Преображенского: «Основные принципы политики РКП в современной деревне».

2. В заголовке § I: «Социальные отношения» вместо единственного числа. (Переписка неряшлива: «об'единения» вместо «обеднения», «безплощадных» вместо «безлошадных») [3]).

3. В § I особенно много длиннот: многое надо перенести в брошюрку [4]).

4. О «кооперировании» и в § I и в других §§ говорится голо и абстрактно [5]). Это уже говорено тьму раз и надоело. Надо изложить совершенно иначе, не повторяя голого лозунга: «кооперируйтесь!», а указывая конкретно, в чем **практический опыт** кооперирования и **как** ему помочь. Если этого материала у автора нет, то надо внести в решение с'езда требование этот материал собирать и разрабатывать не академически, а практически. (Все тезисы тов. Преображенского архи-и пере-академичны; интеллигентщина, кружковщина, литературщина, а не практическая гос-и хоз-работа).

5. «За исключением хозяйств коллективных» не развитие, а «тенденция к падению» [6]) (у бедноты). Не годится. Во-1-х, не доказано, что у «коллективов» вообще лучше. Не след дразнить крестьян лживым комсамохвальством. Во-2-х, не «тенденция к падению», а задержка развития везде; падение—часто.

6. Что «хозяйственное крестьянство» «увлекается» «задачей улучшения сельско-хозяйственной культуры» [7]), это выражение неловко и, к сожалению, тоже «комхвастовство». Надо сказать: «начинает, хотя и медленно» (§ I).

7. «Крестьянское (?) равенство рассасывается» (?) [8]). Так нельзя сказать.

Конец 1-го §-фа совсем негоден: статья, а не тезисы; предположения, без данных.

8. В § II начало архинепопулярно. И по сути ни к чему это в тезисах. Не из той оперы [9]).

---

[3]) Экземпляр тезисов, который имел Владимир Ильич, изобиловал опечатками, что и вызвало замечание в пункте втором.

[4]) В § 1 тезисов даются общие положения на тему о развитии производительных сил и социальных отношениях в современной деревне.

[5]) О «кооперировании» в § 1 говорится: «Большая... часть (середняцких хозяйств) может подняться на высшую ступень лишь в процессе своего кооперирования при поддержке советского государства...».

[6]) «Что касается беднейших слоев деревень, то за исключением хозяйств коллективных, здесь намечается тенденция не к развитию, а к падению производительных сил, сокращению посевных площадей» и т. д. (§ 1).

[7]) «Но еще быстрее и заметнее выделяется из рядов середняцкой массы прослойка крепкого хозяйственного крестьянства, увлекшегося задачею улучшения с.-х. культуры и поднятием урожайности земли на основе индивидуального интенсивного хозяйства» (§ 1).

[8]) «Таким образом, крестьянское равенство деревни, характерное для периода гражданской войны, теперь рассасывается с двух полюсов единовременно (§ 1).

[9]) § II—Об отношении к кулачеству и зажиточному крестьянству.

9. Вторая фраза II-го параграфа (против «комбедовских способов») вредна и неверна, ибо война, например, может принудить к комбедовским способам[10]**).**

Об этом сказать надо совсем иначе: например, так: в виду преобладающей важности под'ема сельского хозяйства и увеличения его продуктов, в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на *ограничение* его эксплуататорских стремлений и т. д.

Как ограничивать эти стремления, как защищать бедноту должно и может наше государство, в этом вся суть. Это надо изучать и заставить изучать практически, а общие фразы *пусты*.

10. Последние слова II-го параграфа верны, но непопулярны и не развиты. Подработать надо[11]).

11. В § III фраза: «Отрыв» и т. д. совсем искажена.

12. По сути всего § III преобладают общие места. Это ни к чему. Повторять их так голо—вредно; вызовет тошноту, скуку, злобу против жвачки[12]).

Вместо этого лучше хоть один *уезд* взять и показать *деловым* анализом, как надо помогать «кооперированию», а не злить крестьян *глупокоммунистической игрой в кооперацию*;—как и в чем именно мы *на деле* помогли агрономическим улучшениям и пр. и должны помогать и т. д.

Не тот подход к теме. Вредный подход. Тошнит всех от общих фраз. Они плодят бюрократизм и поощряют его.

13. Начало § IV особенно неудачно. Это непопулярная статья, а не тезисы к с'езду.

Далее. «Директивы в декретном порядке», вот что предлагает автор. Это в корне неверно. Бюрократизм потому нас и душит, что мы все еще играем в «директивы в декретном порядке». Хуже и вреднее этого автор ничего не мог бы придумать[13]).

Далее. Говорить на с'езде РКП, что «надо осуществить решение 9-го С'езда Советов», это архискандал. Для этого писать тезисы!!

---

10) «Политика неприятия этого (кулачества и зажиточного крестьянства) слоя и грубого внеэкономического подавления его комбедовскими способами 1918 года была бы вреднейшей ошибкой» (§ 2).

11) В конце второго параграфа говорится о необходимости использовать начавшийся процесс капиталистического накопления в деревне, не подрывая хозяйства кулачества и зажиточного крестьянства для накопления социалистического.

12) § III тезисов—об отношении к среднему крестьянству.

13) § IV—об отношении к маломощным крестьянам. В начале этого параграфа говорится о причинах разрастания слоя маломощных крестьян, об их эксплуатации зажиточными группами, о необходимости для них кооперирования и государственной помощи. Для осуществления последней предлагается в декретном порядке дать директивы всем комиссариатам и хозорганам.

Весь параграф не годится. Общие места. Фразы. Пожелания, всем надоевшие. Это и есть ***современный*** **«комбюрократизм».**

Вместо этого лучше взять данные *практического опыта*, хотя бы даже по одному уезду,—хотя бы даже по одной волости,—и разработать их не академически, а *практически*: учитесь, любезные комбюрократы, *вот того-то не делать* (конкретно, с примерами и наименованием мест, с точным указанием фактов), *а вот то-то* делать (так же конкретно).

По отношению к «кооперации» этот недостаток тезисов здесь, в § IV, особо велик и особо вреден.

14. В § V «кадрами сельскохозяйственного пролетариата» об'являются «рабочие совхозов». Это неверно. Это «комчванство». Гораздо чаще это **не** пролетариат, а и «пауперы» и мелкие буржуа и все, что хотите. Не надо обольщать себя неправдой. Это вредно. Это—главный источник нашего бюрократизма. И это *зря* дразнит крестьян, обижает их. О «кадрах сельско-хозяйственного пролетариата» в наших совхозах пока умнее помолчать будет.

Правильно говорится дальше, что организация этого «пролетариата» («весьма разнородного и пестрого»: правильно! и потому больше похожего на... нечто неприличное, но не «кадры») «очень трудна».

Верно! И поэтому не надо говорить таких вещей, как «состав совхозов должен быть очищен от мелкособственнических элементов», ибо это вызовет *смех*, и законный (вроде очистки крестьянских изб от дурного воздуха).

Лучше помолчать[14]).

15. В § VI (только!) начинается подход к практическим задачам. Но и этот подход так слаб, так мало обоснован практическим опытом, что приходится сделать вывод (во изменение предложения, намеченного выше в пункте I-м):

признать тезисы не подходящими;

поручить автору+Осинскому+Теодоровичу+Яковенке организовать на с'езде совещание делегатов, работающих в деревне;

темой совещания сделать отнюдь не «принципы» и т. п., а исключительно **изучение и оценку практического опыта**:

как кооперировать?

как бороться с плохими совхозами? с плохими кооперативами и коллективами?

как улучшить Всеработземлес? (вставить туда автора на *длительную* работу).

Поставить от Цека задачей этого совещания—отнюдь не впадать в повторение общих мест, а исключительно изучать детально

---

14) § V—об отношении к сельско-хозяйственному пролетариату и полупролетариату.

местный (уездный, волостной, сельский) **практический опыт**; если его мало (вероятно, мало, ибо никто не потрудился собирать; несобранного же опыта очень много), то лучше выбрать с'ездом

(а) комиссию по изучению сего практического опыта;

(б) подчинить ее Центральному Комитету,

(в) включить в нее т. Преображенского,

(г) » в Всеработземлес его же...

(д) Комиссии поручить собрать опыт, подработать, выработать (после ряда статей) письмо Цока (нового) о постановке работы в деревне с обязательным конкретнейшим указанием, как кооперировать, как «ограничивать» кулаков, не приостанавливая роста производсил, как вести дело Всеработземлесу, как его усилить и т. д. и т. д.

Резолюцию С'езда от Цека подготовить такую (примерно):

Факты показывают, и специальная комиссия с'езда подтверждает, что главный недостаток партии в области работы в деревне—неизучение практического опыта. Это корень всех бед и всего бюрократизма. С'езд поручает Цека с этим в первую голову бороться. Между прочим, при помощи комиссии такой-то, из коей 1 (или 2, 3) в Всеработземлес на постоянную работу.

Комиссия должна печатать листовки, брошюрки, изучая опыт систематично, чтобы советовать и приказывать, как именно вести работу, как не вести.

Ленин.

16/III—22 г.

Письмо тов. Осинскому.

Товарищ Осинский,

Обдумывая нашу беседу с Вами по поводу работы сельско-хозяйственной секции Партс'езда, я пришел к выводу, что всего насущнее теперь такая задача:

не связать себе (ни партии, ни соввласти) рук какими-либо предписаниями, директивами или правилами, пока мы недостаточно собрали фактов хозжизни на местах, пока мы недостаточно изучили действительных условий и потребностей теперешнего крестьянского хозяйства;

не допустить ни в коем случае того, что было бы наиболее опасно и вредно в настоящее время и на что могут легко сбиться власти на местах, именно: излишней и неудачной, скороспелой, не проверенной опытом регламентации.

Последний С'езд Советов дал линию. Задача Партс'езда, по-моему, в сельско-хоз. секции обсудить ее применение с точки зрения **практики и опыта мест**; приказать и Центральному Комитету РКП и Наркомзему (Соввласти вообще) тщательнее и полнее собирать проверочные факты; предписать, или вернее дать директиву Комфракции ближайшей Сессии ВЦИК при детализации решения С'езда Советов, т.-е. при превращении этого решения в новые и более подробные законы, быть как можно осторожнее, дабы неумелым вмешательством не затруднять успешного развития с.-х. производства.

Больше всего на свете надо теперь бояться, по-моему, именно неумелого вмешательства, пока еще мы не изучили основательно действительных потребностей местной с.-х. жизни и действительных способностей нашего местного аппарата власти (способностей не причинять зла во имя благочестивого желания делать добро).

Поэтому я бы представлял себе желательную резолюцию Партс'езда на основании работ с.-х. Секции, примерно, в таком виде:

1) Партс'езд, заслушав сообщение о работе с.-х. Секции, принимает его к сведению; констатирует недостаточность собранного материала об опыте работы на местах и ставит первоочередной задачей как партии, так и Комфракций во всех совучреждениях тщательный сбор и внимательнейшее изучение местного практического опыта.

2) С'езд считает ошибочными меры разгона (или поспешной переделки) учреждений с.-х. кооперации, рекомендует наибольшую осторожность в этом отношении.

3) По вопросу об условиях применения наемного труда в сельском хозяйстве и аренды земли Партс'езд рекомендует всем работникам в данной области не стеснять излишними формальностями ни того, ни другого явления и ограничиться проведением решения последнего С'езда Советов, а также изучением того, какими именно практическими мерами было бы целесообразно ограничивать крайности и вредные преувеличения в указанных отношениях.

4) Первоочередной и главнейшей целью всей партработы в крестьянстве С'езд признает практическую помощь делу немедленного расширения засевов, увеличению запашки, увеличению количества с.-х. продуктов, уменьшению тяжелой нужды крестьянства; при этом надо всеми силами и средствами поддержать и поощрить помощь беднейшей части крестьянства, добиваясь упорным трудом выработки мер, которые на практике показывают себя пригодными в этом отношении даже при современных трудных условиях.

С коммунистическим приветом (Ленин).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Профессор в поповской рясе.

(Новейшая эволюция В. Зомбарта).

«Что позолочено, то трется»...

В январском номере 1925 г. «Архива мирового хозяйства» (Weltwirtschaftliches Archiv) напечатана статья Вернера Зомбарта «Идея классовой борьбы», представляющая стенограмму доклада, прочитанного на собрании «Союза социальной политики» в Штутгарте в сентябре 1924 года.

Статья эта представляет значительный интерес, т. к. демонстрирует постановку столь актуальной проблемы в одном из авторитетнейших ученых обществ Германии.

По мнению Зомбарта, проблему классовой борьбы можно ставить двояко: практически и теоретически. Понятно, Зомбарт ставит ее в теоретическую плоскость.

Он приступает к расчленению идеи классовой борьбы на ее составные части, составные идеи. Такими частными идеями, конструирующими идею классовой борьбы по Зомбарту, являются: идея интереса (Interessenprinzip), идея класса (Klassenprinzip) и идея силы (Machtprinzip).

Идея интереса является, очевидно, особо важной. Поэтому на ней стоит несколько остановиться с тем, чтобы понять, что собственно Зомбарт под ней понимает.

Желая определить сущность этой идеи, Зомбарт противопоставляет воззрения Мандевиля воззрениям Шефтсбюри. Оба названных английских философа жили в конце XVII—начале XVIII века и были по существу английскими просветителями. Мандевиль приобрел известность своей «Басней о пчелах», в которой высказал взгляд, что пороки являются совершенно необходимым дополнением человеческих добродетелей и что человеческая культура без пороков вообще немыслима. По мнению Виндельбанда, «единственная мысль, проповедуемая «Басней о пчелах», заключалась в следующем: если вы стремитесь к культуре, то не должны открещиваться от эгоизма, без которого она немыслима... он (т.-е. Мандевиль) обращает наше внимание на то, что мы не становимся счастливыми путем добродетели и что в огромной машине общественной жизни двигательной силой являются не добродетели, а эгоизм». (История нов. философии, т. I, стр. 223). Таким образом принцип интереса в понимании Зомбарта тождественен или, по меньшей мере, вытекает из принципа эгоизма.

Шефтсбюри, много потрудившись над греческими философами, усвоил взгляд на тождество добродетели и красоты, в чем видно влияние Эпикура.

Зомбарт противопоставляет учение Мандевиля учению Шефтсбюри. Однако, он не замечает, что основным пунктом этики Шефтсбюри

является учение о гармоническом развитии личности. Суб'ектом этики Шефтсбюри служит личность, а не общество. Поэтому установить особую принципиальную разницу между Мандевилем и Шефтсбюри—нельзя и далеко неверно изображать их антиподами. И тот и другой были идеологами буржуазии, написавшей на своих философских знаменах слово «личность».

Как бы то ни было, но принцип интереса в понимании Зомбарта стоит не так-то далеко от принципа эгоизма.

Классовый принцип, идея класса была обоснована Сен-Симоном, провозгласившим самостоятельную миссию «индустриального» класса, а классики политической экономии пытались обосновать эту идею учением о ренте, проценте на капитал и заработной плате.

Наконец, принцип силы понимается Зомбартом, как учение о силе в качестве определяющего момента в строении и развитии общества. Не трудно заметить, что здесь Зомбарт примыкает к Гумпловичу.

Эти три идеи конституируют идею классовой борьбы. Но сама идея классовой борьбы не есть конечная идея. «Как мы должны понимать подобную теорию?—спрашивает Зомбарт,—мне думается, что следует попытаться ее включить в более широкую концепцию. Такую широкую концепцию, к которой принадлежит теория классовой борьбы, я называю социальным натурализмом».

Термин «социальный натурализм» достаточно путан. Правда, еще Каутский указывал, что «связующим звеном между дарвинизмом и марксизмом служит этика первого» (К. Каутский. «Этика»), но нам кажется, что термин «социальный натурализм» если и можно употреблять, то только к первым ступеням развития человечества, но никак не к развитому капитализму.

На этом, собственно, часть реферата, представляющая научный интерес, кончается. Вторая половина реферата Зомбарта в значительной мере определяется ненавистью к сторонникам теории классовой борьбы. Иначе ее трудно понять.

Как-то трудно верится, что человек, написавший: «то, что жизненно по своему духу, не может быть разрушено никакой критикой, даже самой озлобленной» (Совр. капит. 1 полутом первого тома, стр. X),—мог написать страницы, пропитанные такой бешеной злобой.

По мнению Зомбарта, революционная теория классовой борьбы отличается специфическими особенностями и потому ее следует рассматривать особо.

Суб'ектом классовой борьбы, по мнению Зомбарта, является пролетариат. Прочие классы, очевидно, существуют в воображении сторонников теории классовой борьбы только для того, чтобы доказать необходимость классовой борьбы со стороны пролетариата.

Но сторонники этой теории не просто проповедуют ее, нет,—они снабжают ее идеологическим украшением (Ausschmückung), которое называется социализмом. Таким образом, социализм оказывается в глазах Зомбарта не больше, как идеологическим украшением, нужным для прикрытия эгоистической наготы зловредной теории.

Но не только социализм выступает в роли сего украшения. Для этого у сторонников теории классовой борьбы существуют еще некоторые приемы. Они превращают классовую борьбу в политический принцип («Politisierung der Klassenkampftheorie»). В этом грехе в первую очередь повинны чартисты, поставившие вопрос о власти. Классовой борьбе придается абсолютное значение («Verabsolutierung»), так как ее считают доминирующим явлением в общественной жизни. Классовая борьба превращается у сторонников этой теории в этический принцип

(«Ethisierung»). Это уж совсем ошибочно, ибо «этизация» классовой борьбы коренится в ложном представлении, будто буржуазия грабит, эксплоатирует рабочих.

Наконец, классовая борьба «мифологируется», ибо ее изображают всеспасающим от капиталистического режима средством.

Классовая борьба, по признанию самого Зомбарта, пропитывает все поры общественной жизни. Тем необходимее подвергнуть критике эту теорию.

Критиковать теорию классовой борьбы можно, по мнению Зомбарта, с трех точек зрения: эмпирической, философской и этической.

Критиковать с эмпирической точки зрения—значит сопоставить эту теорию с фактами исторической действительности. Здесь Зомбарт указывает на «восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», как на произведение, в котором сам Маркс запутался со своей теорией классовой борьбы.

По мнению Зомбарта, об'яснить с точки зрения теории классовой борьбы приход к власти Наполеона III невозможно. Ведь Наполеон III не принадлежал к классу буржуазии. Значит, или надо допустить, что бюрократия, армия, чиновничество есть класс, самостоятельно идущий к власти, либо буржуазия доверила власть указанному слою населения. В обоих случаях у власти оказывается не экономически господствующий класс. А отсюда вывод: так как теория классовой борьбы говорит, что власть находится в руках экономически сильного, то эта теория очевидно неверна.

Это—единственный исторический пример, которым оперирует Зомбарт. Но он для него достаточно убедителен, чтобы разделаться с теорией классовой борьбы.

Критикуя эту теорию с философской точки зрения, Зомбарт противопоставляет ее «основным достижениям человеческого духа» и понятно убеждается, что первая находится в непримиримом противоречии со вторыми.

Приступая к критике с этической точки зрения, профессор спрашивает себя: как может теория, проникнутая ненавистью, привести к строю, основанному на братстве и любви людей друг к другу?—и отвечает: конечно не может. Поэтому и с этической точки зрения теория классовой борьбы не выдерживает никакой критики.

Однако факты—упрямая вещь, и сам Зомбарт понимает, что классовый интерес «коренится в хозяйственных отношениях и поэтому пропитывает собою всю общественную жизнь. «Но не верно, что этот классовый интерес достаточно крепок и определенен, чтобы обосновать политическую программу, а тем более мировоззрение».

Итак, с теорией классовой борьбы надо бороться. Но одними научными аргументами тут многого не достигнешь. Идея классовой борьбы стала религией и, по мнению Зомбарта, клин надо вышибать клином. Профессорам нужно обратиться в попов и об'явить священную войну опасной теории.

«Мы должны одному верованию,—пишет Зомбарт,—противопоставить другое, или, если угодно, противопоставить суеверию истинную веру. Я не вижу другого выхода, как только вера в Бога». Крестовый поход будет нелегок. Однако, по мнению Зомбарта, «борьба не будет безуспешной». Но откуда же будут черпать силы новые крестоносцы? Оказывается, что в немецком народе есть «старый фонд религиозности», который окажется небесполезным в священной войне.

Зомбарт обещает выпустить в скором времени книгу, посвященную полемике с марксизмом, где мысли, набросанные в изложенном выше докладе, будут подробно развиты.

Вероятно, эта книжка, подобно штутгартскому докладу, будет проявлением старческого маразма, охватившего крупнейшего ученика.

Когда в 1903 г. Степанов перевел «Современный капитализм» на русский язык, в прекрасном предисловии, предпосланном переводу, он писал: «Ближе познакомившись с «Совр. Капит.», читатель увидит, что Зомбарт примыкает к Марксу не только в методологическом отношении, но и в постановке многих общих вопросов, а нередко и в частных выводах. Общее впечатление от книги Зомбарта, по сравнению с работами Бернштейна за последние годы, можно резюмировать словами: «назад, к Марксу», или что будет полнее: «вперед с Марксом». (Предисловие ст. XIII.).

По мнению Степанова, историк Ганс Дельбрюк, полемизируя с Зомбартом, «не без основания считает его сторонником материалистического понимания истории» (ст. XIV).

Впрочем, «это не значит, что Зомбарт—«марксист», но он хорошо знаком с работами Маркса, усвоил их метод, а во многих случаях и отдельные положения».

С такой оценкой в общем можно согласиться, хотя нельзя не отметить, что Степанов не дооценивал влияния исторической школы на Зомбарта: как бы то ни было, но Зомбарт многому поучился у Маркса.

В первом издании «Совр. Капитализма» он и сам не думал этого отрицать. Характеризуя свой метод Зомбарт писал: «...я думаю, что мой почтенный и глубокоуважаемый мною учитель Шмоллер... без дальнейших рассуждений выкинул бы меня из храма, если бы я вздумал мой способ исследования выдавать за «исторический метод» в его смысле. Отличает меня от него и его единомышленников конструктивный момент в упорядочении материала, радикальный постулат об'яснения из последних причин, сведение всех исторических явлений в единую социальную систему, одним словом, все то, в чем на мой взгляд заключается специфический характер теории, как таковой. Я мог бы также сказать: меня отделят от Шмоллера Карл Маркс». (Т. I, стр.17.).

Правда, в последующих изданиях «Соврем. Капитал.» мы не находим столь решительных заявлений, да и «конструктивный момент» сильно ослаблен.

Строгие критики, конечно, смогут выловить в работах Зомбарта некоторое количество цитат, откуда будет видно, что в Зомбарте всегда сказывалась поповская закваска. В частности смогут это усмотреть в Зомбартовском критицизме, в коем есть много «от Канта».

Но нам думается, что из работ Зомбарта в ц е л о м этого усмотреть никак нельзя. Поэтому мы рассматриваем последнее выступление Зомбарта, как резкий поворот в сторону поповства. Является ли данный поворот симптоматическим для всей буржуазной экономической науки в Германии?—И да, и нет.

Целый ряд экономистов (напр., Бекерат, Лирман) отнюдь не апеллируют к «фонду религиозности» германского народа; в целях смягчения классовой борьбы—они предлагают для этой цели рецепты (насколько они действительны—другой вопрос) вполне земного свойства. Поэтому было бы ошибочно утверждать, что вся буржуазная экономическая наука ударилась в поповство.

Но тот факт, что собрание авторитетнейших представителей буржуазной экономической науки слушало без смеха совершенно нелепый доклад Зомбарта,—все же знаменателен.

Дм. Вержбловский.

ВЛ. СОРИН. Партия и оппозиция. Ч. I. С предисловием Н. Бухарина. Стр. 184. «Московский Рабочий». 1925 г. Тираж 10 тыс.

История партии у нас разрабатывается пока очень недостаточно и кустарно.

Научной ее разработки почти не ведется. В большинстве выпускаемых брошюр, книг и книжищ гораздо больше чувствуется работа ножниц[1]), чем работа авторской мысли.

При таких условиях книга тов. Сорина—это оазис в пустыне. Это—серьезная, продуманная, оригинальная работа, фабрикат. Автор поставил себе задачей дать анализ внутрипартийного течения, носящего у нас наименование «левого коммунизма» и сложившегося в период заключения Брестского мира.

Книга открывается предисловием тов. Бухарина, отмечающего родство левого коммунизма с современными оппозиционными внутрипартийными течениями и предисловием тов. Сорина.

Последний пишет в своем предисловии:

«Левый коммунизм представлял глубоко ошибочное течение, чрезвычайно опасный уклон в партии. Нужно, однако, сказать, что, когда левые увидели ошибочность своих взглядов, они поступили так, как обязаны поступать в подобных случаях члены нашей партии: они сумели не поддаться чувству мелкого самолюбия и не стали прибегать к жалким уверткам и софизмам, но прямо, открыто, недвусмысленно признали свою ошибку. Так поступил (тогда же летом 1918 года) Бухарин, виднейший представитель левых; Радек, Ярославский, Сафаров и др.. Автор, принадлежащий к руководящей группе левых коммунистов, сделал не только это: он изучил левый коммунизм и дал его анализ и критику для воспитания широких слоев нашей партии, при чем проделал это с исключительной серьезностью и добросовестностью.

В первой главе тов. Сорин намечает исторические рамки разбираемой партийной борьбы, восстанавливая в памяти читателя перипетии схваток вокруг Брестского мира. Затем он доказывает, что ленинцы и левые давали различные оценки перспектив международной революции; различие в этих оценках—обусловило различие тактик, сравнительный разбор которых дается в трех последующих главах, при чем в этом сравнении диалектический метод мышления ленинцев противопоставляется формальной логике «левых».

Далее следуют главы:

VI. Левые и крестьянство.
VII. Внешняя политика левых после партийного с'езда.
VIII. Позиция Троцкого.
IX. О перерождении партии.
X. Строительство социализма.
XI и XII. Внутрипартийные отношения.
XIII. Итоги.

В последней итоговой главе тов. Сорин весьма интересно развертывает историческую аналогию между фракцией Виллиха-Шаппера (1850—1852 г.г.) и левыми коммунистами,—с одной стороны, и Марксом—Энгельсом и Лениным—с другой.

Построение книги встречает некоторые возражения; логическое расщепление темы нарушается, перебивается историческими главами: сначала «Левые и крестьянство» (логический разрез), затем—«Внешняя политика левых после партийного с'езда» (исторический разрез), затем опять темы в логическом разрезе.

Однако в пределах этого плана тов. Сорин рассмотрел все основные проблемы, связанные с левым коммунизмом.

Критика различных концепций левых коммунистов дана очень недурная—и с точки зрения логической и методологической. Критикуя «левых», тов. Сорин, однако, не достаточно ярко выявил позицию Ленина, диалектику ленинской тактики.

В высшей степени интересен был бы анализ следующих положений Ленина в этот период:

1. Хочешь вести успешную революционую войну—заключай похабный мир.

3. Желаешь расширения сферы господства Советской власти—уступай часть территории германскому империализму.

2. Желаешь создать армию—проводи демобилизацию.

Как-то вскользь говорит тов. Сорин и о социальном характере методологии левых коммунистов, при чем из ряда беглых замечаний можно понять, что он считает левый коммунизм проявлением непосредственного крестьянского влияния на пролетариат.

«Партия осуществляла блок с левыми эсерами и крестьянством вообще. Она не была отгорожена от мелко-буржуазных партий и мелко-буржуазных элементов китайской стеной. В известной своей части она поддалась влиянию патриотически настроенных «верхов» мелкой буржуазии (кулаков, например), интеллигентских групп (эсеров, например) (180 стр.).

«Воинственность» левых коммунистов стояла в тесной связи с их оценкой перспектив революции. В этой оценке они не думали о пролетариате, как вожде трудящихся вообще. В этой оценке не было места крестьянству, не было места проблеме гегемонии пролетариата.

Левый коммунизм был не мелко-буржуазным уклоном крестьянского толка, а мелко-буржуазным уклоном с «цеховой» идеологией, которая позже питала «рабочую оппозицию» и «рабочую группу». Эта цеховость, в известном смысле, является продуктом мелко-буржуазного влияния, но тип связи здесь более сложный, чем это представляется товарищу Сорину.

«Цеховщина» в политике приводит фактически к отказу от борьбы за коммунизм, ибо последний может быть достигнут только при условии гегемонии пролетариата в движении трудящихся против эксплоататоров, а «цеховщина» ведет к замыканию рабочего класса внутри себя.

Круг идей «цехового» характера включал в эту пору у левых коммунистов необходимость революционной войны, даже если крестьянство не хочет воевать.

«Только тонкий слой рабочих рвался в бой»,—пишет тов. Сорин на 81 стр.

Крестьянство же воевать не хотело.

«Наша священная обязанность заключается в том, чтобы давить на массы, втягивать их в борьбу»,—цитирует тов. Сорин левых коммунистов и заключает: «т.-е. принуждать к войне нежелающее воевать крестьянство. «Считаться» с крестьянством, это, значит, «давить» на него,—таков смысл политики левых» (83 стр.). Было бы неправильным утверждать, что и буржуазное крестьянство в этот период хотело воевать.

---

1) Возьмите, к примеру, „Историю партии" Шелавина: на три четверти она состоит из цитат, на четверть из формальных скреп между цитатами.

Об'яснить «воинственность» левых коммунистов нужно не голой ссылкой на патриотизм кулака, а более серьезным анализом всей «цеховой» идеологии левых. Выяснению этого вопроса весьма не помешало бы сравнение левого коммунизма в РКП с западно-европейскими левыми течениями, питающимися той же «цеховой» идеологией.

Каждый читающий партиец должен познакомиться с интересной книгой тов. Сорина, изучающие историю партии найдут в ней полезное руководство, а пишущие историю ряд интересных проблем для дальнейшей разработки.

А. Слепков.

Н. АНГАРСКИЙ. Легальный марксизм. Вып. I (1876—1897). Изд. «Недра». 1925. 140 стр. Ц. 1 р.

«Ни для кого не тайна,—писал Ленин в 1903 году о периоде легального марксизма,—что кратковременное процветание марксизма (в 1894—1897 г.г. *В. А.*) было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами и этот вывод напрашивался кое перед кем еще во времена целости союза». «Соединение с легальными марксистами было в своем роде первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризованном виде)» («Что делать?»).

Таким образом свой первый политический союз российская революционная социал-демократия заключила с буржуазными демократами (будущими либералами) против народников (тоже буржуазных демократов, но выразителей крестьянского крыла буржуазной демократии).

Этот первый политический союз революционной социал-демократии остался в ее истории единственным в своем роде и в XX веке он уже повторен не был. С самого начала XX века и в обеих революциях большевики ведут пролетариат во главе крестьянства против буржуазии, и если им случалось заключать политические союзы («левый блок» на выборах в Гос. Думу, коалиция с левыми эсерами в первом советском правительстве), то это были союзы с народниками против либералов.

И только оппортунистическое меньшевистское крыло социал-демократии поступало наоборот, идя за буржуазией, по-либеральному третируя народников и крестьянство. Не значит ли это, что меньшевизм, а не большевизм явился продолжателем и преемником ортодоксии 90-х годов? Не был ли стратегический поворот, проделанный большевизмом в начале XX века, изменой ортодоксальному марксизму? Или,—наоборот,—не следует ли признать ошибочной политическую стратегию 90-х годов, когда будущие большевики заключили союз с либералами против народников?

Разумеется,—ни то, ни другое, ни третье. Был необходим именно такой союз, а не иной,—ошибки сделано не было. Отказавшись от этого союза через несколько лет, большевики поступили именно так, как диктовал им революционный марксизм. Изменили же последнему меньшевики, механически перенеся на новую общественную ситуацию устаревшую политическую стратегию.

В чем же заключалось изменение в соотношении классовых сил в России, происшедшее на рубеже XIX и XX веков в России? В чем заключались неповторяемые условия 90-х годов, вызвавшие союз революционных марксистов с либералами против народников?

Именно этот вопрос стоит перед исследователем эпохи легального марксизма, как вопрос основной. Только определенный ответ на него может правильно осветить историю легального марксизма.

В первом выпуске своей книги тов. Н. Ангарский пока совсем не затронул этого вопроса и даже к нему не подошел. Конечно, дать на него сколько-нибудь обстоятельный ответ в рецензии мы не собираемся. Но общие контуры этого ответа, нам кажется, более или менее ясны.

Народничество 90-х годов не было революционным народничеством. Это были годы его мещанского оппортунистического вырождения. Либерализм же, в лице легального марксизма, наоборот, переживает апогей своей «революционности», точнее оппозиционности самодержавию и крепостничеству.

На рубеже XX века оба течения переживают эволюцию в диаметрально противоположных направлениях. Появляется революционное народничество, либерализм выказывает явное подхалимство перед помещиками.

Таковы тенденции развития политических идеологий, учесть которые для политических выводов было обязанностью марксистов. В основе эволюции обоих крыльев буржуазного демократизма лежали происходившие изменения в соотношении классовых сил. В 900-х годах широкой волной разлилось политическое движение рабочих, отбросившее либералов вправо. Их надежды на использование рабочего класса исключительно в интересах развития в стране капитализма, которые они питали в период экономического движения рабочих, рухнули.

В 900-е же годы из-под почвы выбились и первые ключи крестьянской революции—это вспрыснуло жизнь революционному народничеству, отсутствовавшему на исторической сцене со времен «Народной Воли».

И если в теоретических спорах с народниками для революционного марксизма на первый план становилась задача борьбы с реакционными сторонами народнической идеологии, то в годы массового крестьянского движения «двуликий Янус» повернулся преимущественно своей прогрессивной стороной: перед революционно-демократическим значением этого движения отошла на второй план реакционно-утопическая его окраска в программах народничества.

После этих предварительных замечаний по существу вопроса о легальном марксизме перейдем к книжке т. Н. Ангарского.

Часто жалуются на отсутствие у нас хорошей сводной работы по истории партии, которая была бы не беглым очерком (каким является книга т. Зиновьева, удовлетворяющая до сих пор потребность в «одной» книге по данному предмету), а исчерпывающим систематическим изложением, своего рода «курсом». Жалобы эти глубоко основательны. Но редко задумываются над причинами отсутствия такой книги. В большинстве случаев ругают агитпроп ЦК за то, что он до сих пор не «засадил» кого нужно за писание. Но в том-то и дело, что товарищей «засаживали», и сроки проходили большие, а книги все нет: написать ее оказалось труднее, чем могло казаться с первого взгляда. Автор, будь он самым старым по стажу литератором-партийцем, лично пережившим историю партии, не может полагаться в таком деле на свою память,—он должен, если он хочет безукоризненно справиться с делом, «перерыть» огромное количество «сырого» литературного (а то и архивного) материала. В «первобытный хаос» этого материала внести некоторый порядок могут только внимательные исследования

отдельных этапов партийной истории, работы-монографии по отдельным периодам.

К такого рода работам, которые до сих пор у нас, к сожалению, немногочисленны, относится книга т. Ангарского.

Автор дает в ней очень полный обзор статей и подчас даже незначительных заметок марксистского содержания, проникавших в русскую легальную печать. При этом автор берет в поле своего внимания не только легальный марксизм в собственном смысле слова (ревизионизм), но и легальную печать революционных марксистов того периода. Читатель выясняет себе общую физиономию и значение таких изданий, как «Самарский Вестник» и «Новое Слово», а также и «пред-историю» легального марксизма в России, начиная с произведений Зибера 70-х и 80-х годов.

Автор сознательно пошел на полу-сырой характер работы, сказав в предисловии: «В книге много цитат, это—ее недостаток, но, с другой стороны, далеко не всякому доступны источники, давно уже ставшие библиографической редкостью; к тому же я главным образом имел лишь в виду сгруппировать и расположить в исторической последовательности материал для изучения вопроса». Это превратило книжку в полезный библиографический обзор.

Погоня за количеством материала в некоторых случаях привела автора к упущениям в самом изложении предмета. Так, например, книга Струве («Критические заметки»), составившая эпоху легального марксизма, недостаточно выделена из груды более мелкого материала. Ошибки Струве систематически не изложены,—например, читатель только из брошенного мимоходом замечания (в другой главе книжки) узнает, что Струве в «Критических заметках» заявил, что «государство есть, прежде всего, организация порядка, и что даже родовой быт знал государство, которое останется и при уничтожении классов» (стр. 64). Сплошной цитаты на стр. 54—55 и нескольких цитат из статьи Ленина («Эконом. содерж. нар-ва и критика его в трудах Струве»), приведенных без комментариев, нам кажется, недостаточно, чтобы уяснить читателю значение такого «исторического документа», как «Критические заметки».

Замечания самого автора, относящиеся к существу легального марксизма, как течения, не всегда достаточно продуманы. Так, например, совершенно правильно отмечая у Тугана и Струве отсутствие должной критики темных сторон капитализма и говоря, что они «просто защищают одну форму капитализма перед другой», «в этом отношении ничем не отличаясь от идеологов и практиков либеральной буржуазии», тов. Ангарский заключает, что «для рабочего класса капитализм всегда зло», а потому «уже совсем нельзя было защищать одну форму капитализма перед другой, ибо это уже ни в какой мере не могло входить в задачи марксиста» (стр. 117—118).

Здесь наш критик легального марксизма сам вульгаризирует марксизм. Марксист сплошь и рядом бывает обязан «защищать одну форму капитализма перед другой». Революционные марксисты в России тоже «защищали» передовой капитализм по сравнению с азиатским,—тоже, но не так же, как это делали Струве и Туган. Последние «просто защищали», по выражению самого Н. Ангарского, а первые вскрывали противоречия капитализма, развитие которых ведет к его краху, и ради скорейшего торжества социализма отдавали предпочтение передовым формам капитализма перед отсталыми.

Большевики боролись за завоевание условий для развития в России капитализма на американский образец, предпочитая его образцу прусскому. В практике экономической политики советской власти большевики по разному относятся к разным формам капитализма. В полемике с левыми коммунистами Ленин специально опровергал то абстрактное положение, будто бы «капитализм—всегда зло», выясняя его обусловленность. Между революционными и «легальными» марксистами 90-х годов разница была в точках зрения, с какой те и другие защищали капиталистический прогресс,—в точках зрения пролетарской и буржуазной. Критика воззрений легальных марксистов в таком центральном пункте их воззрений, как апология капитализма, могла быть более отшлифованной и выдержанной, чем она есть у тов. Ангарского.

В главе «Нужен ли был союз революционных социал-демократов с легальными марксистами?» автор книги «Легальный марксизм» справедливо отмечает, что последние стремились придать этому союзу иной характер, чем тот, какой он носил в действительности. Они хотели союза «без критики непоследовательных, нерешительных, половинчатых требований демократии, которая (критика) «ослабит», де, общий натиск на самодержавие», — словом, как и весь будущий либерализм, они хотели такого союза с представителями пролетариата, который оставлял бы гегемонию в руках либералов. Автор выясняет, что борьбу за гегемонию революционной социал-демократии в этом союзе вел, главным образом, Ленин; Потресов же, Плеханов и Аксельрод, будущие меньшевики, показали себя «мягкими» по отношению к струвизму.

Автор книжки приводит из «Переписки Аксельрода с Плехановым» заявление, которое Плеханов сделал Ленину в 1895 году при свидании в Женеве: «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы—лицом». В этих словах, как в капле воды, будущее большевизма и меньшевизма. Ленин написал целую отповедь Струве, а Плеханов ограничился по поводу «Критических заметок» весьма «мягким» замечанием в приложении к «Монистическому взгляду на историю»:

«Струве все-таки очень неосторожно выразился (писал здесь «Бельтов» о фразе: «пойдем на выучку к капитализму» *В. А.*). Но и Белинский сделал подобный промах, написав однажды, что «культурное будущее России обеспечит только буржуазия». У Белинского эта неловкость была вызвана благородным увлечением западника. Таким же увлечением причинена, уверены мы, и неловкость г. Струве».

«Шуметь» по этому поводу Плеханов не считал нужным. Между тем, в книге Струве была вовсе не одна эта «неловкость». Он, между прочим, отгородился от «философского обоснования марксизма». Можно себе представить, в какое комическое положение был поставлен автор «Монистического взгляда», когда Михайловский в «Русском Богатстве» написал (берем в передаче Ангарского):

«Это он (Струве) очень неосторожно выразился», говорит Бельтов...

«Вот Бельтов гораздо осторожнее, до такой степени осторожнее, что даже не упоминает о другой неосторожности г. Струве. Вы помните, что Струве признал философскую необоснованность и фактическую непроверенность теории экономического материализма. Бельтов умалчивает об этой неосторожности»... «А ведь это пункт основной»...

Плеханов в 1902 году упоминал о различиях в оттенках, существовавших между «Бельтовым и Тулиным» (т.-е. им и Лениным в 90-х годах). Этот вопрос, безусловно, заслуживает внимания историка. Между прочим, при сравнении произведений Ленина и Плеханова, направленных против народничества в тот период, бросается в глаза то резкое отличие, что в основе всей ленинской критики лежит вскрытие

классовых корней народничества, чего у Плеханова мы не видим. Ленин с самого начала (в «Друзьях народа» и в статье против Струве, 1893 и 1895 годы) определяет народничество, как течение, представляющее точку зрения и интересы мелкого производителя, в первую голову крестьянина. Насколько это отличало Ленина от его близких сотрудников 90-х годов (не говоря уже о Струве), можно видеть по позднейшим выступлениям Потресова-Старовера, который пытался «высмеивать» Тулина задним числом именно за эту характеристику народничества. Тулин, де, «подставил» кустаря и крестьянина на место интеллигента (см. статьи Старовера в «Этюдах о русской интеллигенции»). Не нужно долго доказывать, что в тулинской характеристике «интеллигентского» народничества сразу проявился тот правильный учет роли крестьянства, которым отличается ленинизм. Н. Ангарский поступил правильно, когда дал читателю ленинские цитаты о социальной природе народничества, -они важны (параллели с Плехановым он, впрочем, не провел).

Говоря об Н. Зибере, автор полемизирует с П. Орловским (Воровским), который в своей брошюре «К истории марксизма в России» пишет: «Зибер, подобно большинству его современников, был эволюционистом, он не понял критической и революционной стороны учения Маркса»... «И диалектика была ему понятна лишь поскольку она совпадала с эволюцией».

Пытаясь оспорить эту оценку, тов. Ангарский ведет себя, не в обиду ему будь сказано, несколько легкомысленно. Так, он утверждает, что Зибер знал и разделял философию основателей научного социализма—это бесспорно», а страницей ниже пишет:

«Зибер,—говорит Плеханов,—был «восторженным последователем и нередко вполне верным истолкователем Маркса, но, конечно, не социал-демократом». Это бесспорно: ни социал-демократом, ни диалектическим материалистом в начале 80-х годов Зибер не был, да и не мог быть».

Остается неясным, как Зибер, который на стр. 15 книжки т. Ангарского «бесспорно» не был и не мог быть «диалектическим материалистом», на стр. 13 — мог «разделять философию основателей научного социализма», да еще «совершенно бесспорно»?

На самом деле, цитаты, которые приводятся тов. Ангарским из Зибера, не опровергают Орловского.

Ни одной цитаты, свидетельствующей о признании Зибером революционной борьбы пролетариата (хотя бы в «эзоповском» стиле легальных изданий) Ангарский не привел, а без этого факт принятия «революционно-критической стороны учения Маркса» Зибером остался недоказанным.

У тов. Ангарского можно найти еще несколько неясных мест или просто промахов при попытках самостоятельно подойти к теоретическому освещению вопросов. Из них укажем, как пример, оценку Михайловского.

«Мы думаем, пишет автор, давая свой отзыв об одной из статей в «Самарском Вестнике»,—что рассматривать работы Михайловского конца 70-х годов с точки зрения пореформенных в экономическом отношении (здесь, видимо, опечатка: «пореформенных экономических отношений». *В. А.*) значит слишком упрощать марксизм» (стр. 108). Неизвестно, как же считает необходимым автор подходить к работам писателя, жившего в пореформенный период, если не с точки зрения экономических отношений данного периода?

Дальше из изложения не ясно, передает ли Н. Ангарский мысль автора статьи и только, или он ее разделяет, когда пишет: «Михайловский остался представителем внеклассовой (?) интеллигенции, для которой он создавал особые «формулы прогресса». Эти, хотя и мало обоснованные мысли... можно было бы с большим успехом иллюстрировать некоторыми штрихами из литературно-общественной деятельности Михайловского 90-х годов»... И идут иллюстрации, приводимые Н. Ангарским, видимо, уже самим. Если мысль неверная, ее незачем «иллюстрировать»; иллюстрируют только то, что хотят «обосновать».

В общем, недостатки книжки идут по линии недостаточной теоретической отшлифовки; с указанием же на них книжка может быть рекомендована, как пособие по изучению истории партии.

В. Астров.

М. ТОМСКИЙ. Принципы организационного строительства профсоюзов. С предисловием Б. Козелева. 4-е изд. Стр. 102.

Из всех литературных работ тов. Томского настоящая заслуживает исключительного внимания, так как в ней мы находим подытоживание работы профессионального движения России в области организационной практики за шесть лет революции.

Книга представляет собою ценную работу, не встречающую возражения в своих основных положениях, если не брать введения, в котором есть один существенный спорный момент о задачах профессиональных организаций до 1905 года.

По этому вопросу тов. Томский говорит следующее:

«Первая профессиональная организация до-революционной России (до 1905 года) не могла ставить себе широких организационных задач, но вынуждена была скрывать и прятать свое истинное лицо, затушевывать цели и задачи. Эти слабые ростки будущих классовых организаций, независимо от преследуемых ими «легальных» целей, самым фактом своего существования имели для того времени столь громадное воспитательное значение, что самосохранение являлось для них основной задачей и на это уходила вся их энергия. Наиболее развитой обычный тип организаций касса взаимопомощи».

Вот все, что сказано о профдвижении в России до 1905 года.

Мы согласны с тов. Томским, что 1905 год являлся толчком для возникновения широкого профдвижения, но ни в коем случае нельзя согласиться, что самым развитым видом будущих классовых организаций до 1905 года является касса взаимопомощи. Прежде всего, мы должны установить, что такое профессиональный союз даже в его зачаточном виде. Маркс говорит по этому поводу: «Стремление поддержать заработную плату на данном уровне, стремление, представляющее общий интерес работников, соединяет их на почве единой общей мысли о сопротивлении, на почве коалиции. Поэтому коалиция всегда имела двоякую цель: уничтожение конкуренции между работниками, дабы они могли сообща конкурировать с капиталистами. Если первоначальной целью оппозиции было лишь сохранение данного уровня заработной платы, то коалиции вначале изолированные об'единяются в такой же мере, в какой капиталисты, в свою очередь, об'единяются в видах репрессии. А перед лицом всего об'единенного капитала сохранение ассоциации для рабочих становится делом более важным, чем сохранение заработной платы. В такой борьбе, воистину гражданской войне, об'еди-

няются и развиваются все элементы для предстоящего генерального сражения. Но раз коалиции дошли до этого, они принимают характер политический».

Были ли все эти моменты в кассах взаимопомощи? И что последние, как таковые, представляли из себя в России?

Все историки сходятся на одном, что до 1905 г. кассами взаимопомощи фабрично-заводские рабочие были охвачены слабо. В центральных губерниях они почти отсутствовали, имели распространение в Польше и Прибалтийском крае. О-ва же взаимопомощи имели еще менее значительное распространение. Согласно уставам, заведывание кассами возлагалось на фабрично-заводскую администрацию. Средства кассы составлялись из процентных отчислений заработка рабочих, к этому прибавлялись штрафные суммы и добровольные взносы фабрикантов. В расходовании средств мы не находим рубрики—пособий безработным, дорожных пособий и т. п. Здесь имеются выдачи больным рабочим, беременным работницам, семьям умерших членов кассы на погребенне, единовременные пособия в несчастных случаях.

«Недостатком касс,—говорит Прокопович,—являлось то обстоятельство, что с расторжением договора найма прекращалось участие в кассе. Чем больше выгод приносила касса, тем больше дорожил ею рабочий тем предупредительнее должен относиться он ко всем требованиям предпринимателя из боязни расчета, тем затруднительнее стачка, так как в случае стачки все средства кассы поступают в собственность фабриканта».

Кассы горнозаводских и горных рабочих получили широкое распространение на Урале и Польше. На Урале законом 1861 года 8 марта были освобождены уральские горнорабочие от крепостной зависимости, и установлено, что «с целью упрочения связи между заводами и горнорабочими» должны быть организованы горнозаводские товарищества. Средства кассы составлялись из 2—3 процентов отчислений из жалования членов, из средств заводоуправления, из пожертвований, штрафных сумм. Членство обязательное, пока рабочие работают на заводе, или в руднике. С уходом с предприятия членство теряется и взносы выдаче не подлежат.

«Причины широкого распространения касс в Польше, —говорит Святловский,—следующие: действующим законом Царства Польского был кодекс Наполеона, который устанавливал серьезную ответственность предпринимателей за увечье рабочих, вследствие чего предприниматели должны были в кассах взаимопомощи видеть удобный способ облегчить эту ответственность. Предприниматели, делая в эти кассы сравнительно незначительные взносы, совершенно самостоятельно управляли кассами, иногда допуская к участию в управлении ими рабочих... Кассы, в сущности, были выгодным делом для капиталиста».

Участие в кассах рабочих было обязательным, пока рабочий работал на предприятии и вычеты не подлежали возврату, так что и среди касс Польши мы не находим независимых от предпринимателя организаций.

Общества взаимопомощи приказчиков.

«В большинстве случаев,—пишет о них Непряхин, —инициатива организации обществ исходила от купечества и состоятельных верхов торговых служащих, составляющих администрацию торговых предприятий».

Например. Томское общество имело в своем составе до 38% членов, занимающих высшие административные должности, Саратовское—

около половины членов хозяев и лиц высшего административного состава. В Воронежском обществе из 500 членов только 100 торговые служащие и т. д.

До 1905 года общества взаимопомощи приказчиков были благотворительной организацией, которая имела отдаленное сходство с задачами профсоюза своими разговорами об урегулировании вопроса с заработной платой и рабочим делом, но активных действий за осуществление своих требований, скорее просьб, мы почти не находим в истории обществ.

Кассы взаимопомощи и общества взаимопомощи имелись у печатников. В докладе конференции печатников о кассах говорится следующее: «состав касс далеко не пролетарский, в большинстве в них участвуют управляющие, а в некоторых и хозяева». Общества же по своему характеру работы мало отличались от обществ приказчиков. Когда в Питере в 1905 году организовался союз печатников, он бойкотировал имеющуюся в Питере кассу печатников.

Таким образом из приведенного здесь обзора можно сделать следующие выводы: 1) кассы взаимопомощи, как правило, не имели никаких признаков профессионального союза. Созданы они не для общей борьбы рабочих с капиталистами из-за заработной платы и улучшения положения об'единяемых работников, а по указу сверху, под руководством капиталистов и в интересах капиталистов, закрепощая, привязывая освободившихся от крепостной зависимости рабочих к предприятию. Создаются они, в первую очередь, в тех местностях, где ощущается большой недостаток в рабочих руках.

2) Некоторые признаки профсоюза мы находим в обществах взаимопомощи приказчиков и печатников, некоторых обществах ремесленников, особенно на Украине, но и то больше с формальной стороны, чем по существу. Кроме того, общества не имели широкого распространения среди рабочих.

3) При первых попытках данных организаций перестраиваться по профессиональным признакам они разваливались или становились в оппозицию ко всем классовым требованиям. Воспитывать об'единяемых работников и служащих, подготовлять их к действительной классовой борьбе они не могли, имея во главе лиц высшего административного состава и даже предпринимателей.

4) Специфических потребностей своих членов, как продавцов рабочей силы, кассы взаимопомощи не обслуживали, они вели курс не на обострение классовых противоречий, а на примирение их, не на поднятие уровня классового самосознания, а на затушевывание своих особых задач. И если бы революция 1905 года не смела их, как самодовлеющую организацию и не поставила бы в зависимое положение от действительно революционно классовых организаций, то, пройдя по пути организации касс взаимопомощи в таком виде, какой они имели, наше рабочее движение могло бы иметь худший вид тред-юнионизма.

Но все-таки, какие организации являлись ростками профессиональных союзов до 1905 года? Маркс говорит, что вначале коалиции рабочих имеют частную форму, затем в процессе борьбы они укрепляются, принимают форму длительных организаций. Не могло же русское профдвижение перепрыгнуть через эти законы развития к массовым длительным организациям 1905 года. И этими ростками будущих классовых организаций, по нашему мнению, являлись стачечные кассы, кассы борьбы, кассы сопротивления и т. п. рабочие организации, ставящие целью ведение активной борьбы за улучшение положения об'единяемой группы работников.

Кассы эти вначале возникают, как временные, «частные» коалиции, затем принимают форму длительных организаций. Любопытнее всего, что вокруг этих касс мы сразу же наблюдаем дискуссию по вопросу о принципе построений—по предприятию или по профессии, и в некоторых местах мы находим решение, что они должны строиться, как фабрично-заводские кассы, а не профессиональные.

Таким образом ростками нашего профдвижения до 1905 года можно считать эти организации и стачечные комитеты, а ни в коем случае не кассы взаимопомощи.

Последующий период, после того, как рабочее движение в 1905 году встало на ноги, мы часто видим, что под легальными формами касс и обществ взаимопомощи вырастали нелегальные организации — проф-союзы. Но такое использование данных организаций профсоюзами могло происходить только в том случае, когда последний сильнее, и не могли подвергнуться разлагающему влиянию «попечителей», «благотворителей» и т. п. неот'емлемых частей касс и обществ взаимопомощи.

Вот это один спорный момент, в остальном же книга тов. Томского представляет из себя интересную и ценную работу по разбору всех решений с'ездов, конференций и пленумов, начиная с 1917 года до 1923 включительно.

На 100 стр. небольшой брошюры тов. Томскому удалось дать теоретическое обоснование принципов организационного строительства профессиональных союзов, для этого этапы развития профдвижения он разбивает на три стадии: 1) пролетариат не сконструировался, как класс, промышленность мелкая, раздробленная, основой же всей экономики общества является ремесленный труд. Организация профсоюзов строится по профессиональному принципу: союз механиков, котельщиков, кузнецов, ткачей, прядильщиков и т. д.; 2) растет машинное производство, вытесняется ремесленный труд, появляется организация капиталистов, рабочие вынуждены организовываться, вовлекая всех рабочих, занятых над выработкой данного продукта. Здесь мы имеем союз рабочих по металлу, деревообделочников и т. п., независимо от того, в каких отраслях они работают, и 3) капиталы концентрируются в отдельных руках или руках группы капиталистов целыми отраслями производства. Союзы вынуждены строиться так же по отраслям производства, переходя к принципу «одно предприятие, один союз».

Но производственный принцип построения профсоюза, как более совершенная форма организации рабочего класса, говорит тов. Томский, может быть проведен полностью только при диктатуре пролетариата.

И если на основе анализа тов. Томского проследить историю мирового профдвижения, то мы увидим, как оно от цеховых профессиональных союзов постепенно переходит к союзам, приближающимся к принципу построения по производству, образцом чего может служить Англия.

Но темп изменения форм профдвижения отстает от темпа изменения хозяйственных форм. Причина этому—консерватизм, привычка к старым формам, методам работы, сопротивление со стороны вождей профдвижения и буржуазии, которой легче парализовать и приспособлять к себе раздробленное по цехам, профессиональное движение.

После внимательного чтения книги, можно сказать, что фраза тов. Томского: «формы определяют содержание, а содержание форму» есть не пустой звук, а глубоко продуманное определение того, что из себя представляет организационное строительство. Недаром основным стержнем своей книги тов. Томский взял организационный вопрос.

Помимо теоретического обоснования организационного вопроса, мы имеем в книге ответы на практические вопросы сегодняшнего дня: как разрешался, разрешается и будет разрешаться тот или иной вопрос организационного строительства, как производится размежевание, каковы функции каждого союзного органа, межсоюзных об'единений, вопросы членства союза, дисциплины и т. д. Хорошо разработан переход от военного коммунизма к новому курсу в профдвижении.

Каждому принципиальному вопросу, вызвавшему разногласия на с'ездах, тов. Томский уделяет особое внимание.

В общем, книга тов. Томского может служить основным пособием по организационному строительству профсоюзов для каждого профработника, она должна стать настольной книгой, как говорит автор предисловия Б. Козелев, и не только для профработника, но и для партийного работника, интересующегося принципами организационного строительства массовых пролетарских организаций.

А. Геласимова.

Маленькое дополнение.

Тов. Покровский пытается доказать в своих статьях о моей рецензии на „Очерки по истории революционного движения“, что в вопросе об эволюции самодержавия он занимает ортодоксально-Ленинскую позицию, а мы—антиленинскую.

По этому поводу мы считаем необходимым, в дополнение к уже сказанному, привести только одну цитату из Ленина:

„Развитие русского **государственного строя** *за последние три века показывает нам, что он* **изменил свой классовый характер** *в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой* **не похожа** *на чиновничье-дворянскую монархию XVIII века.*

*„Монархия первой половины XIX века—***не то,** *что монархия 1861—1904 годов. В 1908—10 г.г. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии.*

„В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не ***случайность,*** *а своеобразная ступень в капиталистической эволюции* ***страны***“ *(Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 239).*

Насколько это положение диалектика Ленина совместимо с метафизической оценкой самодержавия как «аппарата торгового капитализма»,—пусть судит читатель.

Слепков.

ОТ РЕДАКЦИИ:

По желанию многих наших читателей, в ближайших №№ „Большевика“ открывается „Отдел вопросов и ответов“.

В этом отделе будут даваться раз'яснения на партийно-теоретические вопросы коллективных и индивидуальных читателей „Большевика“.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

29'28

БОЛЬШЕВИК

№ 11—12 № 11—12

30 ИЮНЯ

1 9 2 5
МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“